ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
Отъ куду пошла земля русская
и рече Олегъ Кіевъ се буди мати градамъ русскимъ
ВИЛЬНА
1867.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V 1867.

КНИЖКА IV.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою. — 28 Іюня 1867 года. Вильна.

I.

№ 6.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Подтвердительная грамота (привилегія) короля Владислава IV, данная въ 1633 году минскому православному Петро-Павловскому монастырю.

Владиславъ IV з ласки Божое король польски, Великн князь Литовски и проч. и проч... Ознаймуемъ симъ листомъ Привилеемъ Нашимъ кому того ведати будетъ потреба нинешнымъ и напотомъ будучымъ, штож Мы Господаръ за донесеніемъ Намъ прозбъ и прычиною (по ходатайству) некоторыхъ пановъ радъ и урадниковъ Нашыхъ такъ тожъ и кола (круга) рыцарскаго а за чоломбитиемъ брати духовныхъ и свецкихъ людей народу руского закону греческаго Брацтва церковнаго заложеня (во имя) светыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла незунiованныхъ (несостоящихъ въ уніи) Монастыра места (города) Нашого Минского у великомъ княжествѣ Литовскомъ будучого уфундованою (основанною) презъ урожоную (дворянку) Богдановую Стеткевичовою Маршалковою Нашу в року (года) тысяча шестсотъ трынад-

цатомъ месеца ноябра шостого дня, А передтымъ еще од обывателевъ воеводцтва Минского и иншыхъ воеводцтвъ и поветовъ в року тысеча шестсотъ дванадцатомъ индыкта десятого заложоного и подписами рукъ ствержоного, а потомъ в року тысеча шестсотъ чотырнадцатомъ, тысеча шестсотъ двадцатомъ од преложоныхъ в духовенстве ихъ благословенного а, тепер зверхностию Нашу Господарскою на Сеймѣ счасливой коронаціи Нашое водле пунктовъ на Елекцыи поданыхъ и попрысежоныхъ хотячы до скутку (въ исполненіе) прывести ласкавѣ (милостиво) имъ позволивши для свободного уживаня (употребленія) всякихъ обходовъ церковныхъ и разшыреня хвалы Божое водлугъ (по) артыкуловъ и порадковъ Брацтву виленскому пры церкви Светого Духа будучому од зверхнейшого в релеи ихъ пастыра Патриарха Констатинополского отца Іеремея поданныхъ а од светобливое памети Зигизмунда третего короля полского пана отца Нашого в року тысеча пятсотъ осмдесятъ девятомъ, месеца іюля двадцат первого дня ствержоныхъ, а иж в томъ помененомъ прывилею передъ нами покладаномъ межы иншыми артыкулами, волностями и свободами брацтву церковному виленскому пры церкви светого будучому естъ надано и описано, абы од всякихъ присудовъ трибунальныхъ маршалковскихъ земскихъ гродскихъ и местскихъ оддалено, одно Намъ Господару до обороны заставлено, также домы ихъ братские и людей в нихъ якъ духовныхъ такъ и светскихъ мешкаючихъ (живущихъ) од чиншу податокъ и платовъ од вшелякихъ (всякихъ) повинностей местскихъ такъ тожъ и одставеня гостей уволнено, школы для науки людей хрестианскихъ и детокъ ихъ будуванпя (строенія) ведле проможенина, до того друкарнѣ (типографію) для друкованя вшелякихъ книгъ и захованя в нихъ людей годныхъ якъ духовныхъ такъ и светскихъ позволено, з которыхъ если кому якая крывда делати будетъ

теды справедливость (право) маеть игумен з старостами рочными водле статуту земского чынить, а Апелляцый до Суду Земского маеть были допущона, хтобы што з доброе воли своей на тое Брацтво церковное надалъ, албо тестаментомъ (духовною) записалъ и запишетъ з маетности рухомыхъ (движимаго имущества) и лежачихъ (недвижимаго) то вечными часы прытомъ Брацтвѣ зоставати маеть, и тые вси выш помененые волности мено-вите (особенно) в прывилею томъ описаные, и ново од Насъ на Сеймѣ теперешнемъ счасливое коронацыи Нашое наданые з ласки Нашое Господарской к тому Брацтву Церковному Минскому Светыхъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла вечными часы надаемъ, такъ теж добровольное надание фольварку названого Переспа в року тысеча шестсотъ двадцат третем, месеца Июния двадцат второго дня з всими принадлежностями под правомъ земскимъ урожоного Мартина Володковича Суди земского воеводства минского, въ которомсе привилей на млыны светобливое памети пана Отца Нашого Василю Маслянцѣ в року тысеча шестсотъ первомъ, месеца Июля двадцат шестого дня даный отцомъ законникомъ (инокомъ) стверждаемъ до того тымъ привилеемъ Нашимъ варуемъ то ижъ Якъ церковъ Рожества Пречыстое Богородицы в Минску здавна з шпиталемъ (богодѣльней) в поссесіи (владѣніи) ихъ будучая и монастыръ паненски (дѣвичій) з грунтами (землями) будованиемъ (постройками) и зо всими принадлежностями подъ владзою (властью) од нихъ, згоднѣ (согласно) обраного Игумена при томъ брацтве в спокойномъ держаню и ужываню ихъ зоставати маеть вечными часы, Аже тож урожоная а в Богу зошлая (усопшая) Іевва Борколабовна Корсаковна кнегиня Соломерецкая старостиная Крычевская и Олучыцкая до тогожъ монастыра и Брацтва Светыхъ Апостолъ Петра и Павла два плацы одинъ названый Ясински, а другий Сетчын-

скія въ певныхъ (извѣстныхъ) межахъ и границахъ лежачыи вечыстымъ фундушомъ правами на тыи свои грунты и зовсими прыналдежностями даровала въ року тысеча шестсот двадцат шестомъ месеца апрѣля двадцатого дня, а то для того абы Церковъ Преображения Господня збудована быть могла которого и позосталые двѣ дочки ее з малжонками (супругами) своими ставшы у суду Головного Трыбуналного в року тысеча шестсотъ трыдцать первого месеца Ноября двадцат девятого дня признанемъ своимъ поновили и тые звышпомененые фундушы предъ Нами Господаромъ поклодали, Прето мы Господаръ для помноженя хвалы Богу тые фундушы а пры иншыхъ и сей фундушъ потвержаючы во всихъ парографахъ на номененыхъ плацахъ Церковъ Преображеня Господня Отцу Игумену посполу и з брацтвомъ светскимъ Якимъ змогутъ коштомъ, любъ деревомъ любъ муромъ и шпиталь для убогихъ и хорыхъ людей пры которой колвекъ церкви з помененыхъ будовати и фундовати коли захочутъ позволяемъ. И на то дали есмо помененому брацтву Минскому церкви светыхъ Апостолъ Петра и Павла тотъ привилей нашъ съ подписомъ руки нашое до которого и печать Нашу Велик. княжства Литовскаго прывесити велели есмо. Данъ в Краковѣ па Сеймѣ вальномъ коронацыи Нашое року тысеча шестсотъ трыдцатъ третего месеца Марта осмнадцатого дня. Панованя королевствъ Нашыхъ полского и шведзкого першого року.

Vladislaus Rex.

(Печать висячая великая В. Кн. Литовскаго).

Станиславъ Нарушевичъ писаръ В. Кн. Литовскаго.

Списано изъ копіи на пергаментѣ, находящейся въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго монастыря, № 1041.

№ 7.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ СУПРАСЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Продолженіе) (*).

(Списаны изъ подлинниковъ и древнихъ копій, сохранившихся въ архивѣ сего монастыря).

1.

Запродажная запись Максима Костеневича, данная супрасльскому монастырю на сеножать за рѣкою Супраслью. 1505 г.

Я Максимъ Костеневичъ вызнаваю симъ листомъ каждому доброму кому будетъ потреба того видати альбо слышати, что продалисьмы синожать за Супраслею съ видомомъ и дозволеніемъ Пана Намѣстника Суражскаго Пана Мартыновымъ; отчизну и дидовщизну свою у заходой земли ку Церкви Божой Игумену Пречистыя Богоматери Пафнутію, въ скрай рѣки Супрасли Манастыря Пана Александра Ходкевича вѣчно и добровольно заходячи отъ ближнихъ своихъ и отъ роду своего, а.... кто изъ моего роду або изъ исчадковъ моихъ хотѣлъ бы натихъ сѣножати продажныхъ взыскивати и въ то ся вступати, на томъ Каролю Его Милости десять копъ, а пану Старостѣ Его милости три копы, а Намѣстнику восимнадцать, а при томъ было судей добрыхъ досить: (довольно много) былъ Панъ Иванъ

(*) Смотри отдѣлъ I. Вѣст. Зап. Р. кн. 7 и 8 за 18⁶³/₆₄ и кн. 1 за 1867 годъ. Всѣ эти документы мы печатаемъ въ доказательства господства русскаго элемента и православія въ здѣшней странѣ въ 16 столѣтіи.

Сегеневичъ, Бурмистръ мѣста Бѣльска, а братъ его панъ Иванъ Рыдскій, а панъ Лука Намѣстникъ Берестовицкій, пана Александра Ходкевича,— и инныхъ было судей добрыхъ досить, и еще на твердость того просили есьмо пана Мартина Намѣстника Суражскаго пана Ивана Сухеневича Бурмистра миста Бѣльскаго, ижбы ихъ милость къ сему нашему листу печати свои приложили для лепшой (лучшей) твердости и ихъ милость наше то учинили и печати свои къ сему листу приложили. Писанъ мая 20 индикта тринадцатаго,

2.

Грамота Короля Александра, утверждающая за супрасльскимъ монастыремъ право владѣнія землею, сеножатью и другими угодіями, купленными у Онисима Яковлевича Выпарадковича и у другихъ лицъ. 1505 г.

Александръ Божіею Милостію Кароль полскій и Великий Князь литовский, Русский, КнязьПрусский и инныхъ. Билъ намъ челомъ игуменъ съ того, Ивана........ изъ монастыря пана Александра Ивановича Ходкевича изъ Пустынки на Супрасле и повѣдилъ намъ, что онъ купилъ у человѣка нашего на имя у Онисима Яковлевича Выпарадковича у Бокины и въ его дитей, у Ефедия, а Ивана Авнушка, а въ Олизара землю Бортную и Сенежати и Старину и Причину и Половину службы, на Супрасле и Ежовищи ихъ часть.... вично и тотъ листъ купчий передъ нами покладилъ и билъ намъ челомъ, абысьмо на то дали нашъ листъ и подтвердили бысьмо то церкви Божой, Нашимъ листомъ мы з ласки нашей дозваляемъ ему тую землю Бортную и сеножати старину и причину и половину службы на Супрасли и Ежевища ему купить и подверждаемъ то церкви Божой Святому Ивану Богослову симъ нашимъ ли-

стомъ вѣчно во всимъ съ тѣмъ якъ онъ купилъ и въ листе купчемъ выписано. Писанъ въ Краковѣ юля 28 индикта 81.

3.

Судовый листъ намѣстника суражскаго Мартина Стыцкевича, данный игумену супрасльскаго монастыря Пафнутію, на право владянія сѣнокосомъ, которымъ незаконно завладѣлъ нѣкто Зеленка Бокиничъ. 1512 г.

Я Мартинъ Стыцковичъ будучи на тотъ часъ Намѣстникомъ въ Супражѣ одъ пана Войтеха Яновича маршалка Государя Короля Его Милости и Охмистра Королевой Ея Милости, Державцы Ковенскаго и Бѣльскаго смотрелисьмы того дѣла. Жаловалъ мнѣ игуменъ Супрасльскій Пафнутій на Зеленку Бокиничъ о сѣножать и просилъ мене абыхъ тамъ на тую сѣножать выѣхалъ и межи ними того досматрилъ и справедливость учинилъ и я тамъ на тую синожать выѣхалъ. Игуменъ Супрасльски Пафнутій жаловалъ на Зеленку Бокиничъ тымъ жо обычаемъ, тамъ дей Зеленка Бокиничъ людемъ моимъ Топильчаномъ отнимаетъ сѣножать власную ихъ и силою и гвалтомъ траву покосилъ, и Зеленка ещо на сенажати нестоялъ, а братъ его Барташъ (Варфоломей) стольникъ свѣдчилъ: правда мы были тую синожать заповедали за пана Алекса Саковича, коли Бѣльскъ държалъ и не ведаемъ какъ отъ тыхъ часовъ до сихъ мѣстъ, кто по тыи лита сенажать кашивалъ, и потомъ Зеленка Бокиничъ сталъ съ братіею съ Бартошемъ стольникомъ и съ Лавриномъ и я пыталъ (спрашивалъ) у Зеленки Бокиничъ и у брата его у Бартоша у стольника и Лаврина; которымъ вы обычаемъ у сенажать игуменовыхъ Пафнутіевыхъ людей упираетеся и своите тую синожать ижбы то ваша сеножать была. Чи маете вы на то люды которые бы о томъ быти свидомые были

что то сенажать ваща была и Бокиничы на то людей свидковъ не подали, а Игуменъ Пафнутій рекъ: я маю свидки, что то моихъ людей Топильчанъ сенажать, и поставилъ свидковъ людей Андреевыха Минкаревыхъ сливянъ Проня Ивановича, Лохвина брата его, Яца (Ивана) Клишевича, Ежка (Григорія) Игнатовичъ, Яца Ивановича, съ Исбижцъ Радивона и съ Янкомъ Авксентія Ковалевича, Мацка (Матѳея) Струпковича, Гриня Семеновича, Сака (Исалка), а брата его Пашка, Ивана Давидовичъ, Ходаня брата его, Хоца Ходоровичъ, Олимка Пецевичъ, а Ростовтовъ два братья Едыка а Крася изъ Туросной Ековыхъ людей, Стась (Евстаѳій) Геневичъ а Ланекъ Станко Лихъ, Андрей Ясевичъ, Иванъ Ходаневичъ. Тыи выжъ свидки тымъ обычаемъ свидчили мы дей заведше тую сеножать хочемъ присягнуты, что сеножать здавна Пыхова, а потому Зеленка Вокиничъ съ братіею своею съ братомъ съ Гаевникомъ, а съ Лавриномъ, сознали передо мною сами, что то сеножать не ихъ и Зеленка Бокиничъ тутже стоячи передо мною почалъ Игумена Пафнутія просить, что тотъ былъ на той сеножати травы покосилъ, чтобы ему дозволилъ тую траву кошену побрать. Игуменъ Пафнутій для мене то учинилъ, дозволилъ Зеленце тую траву кошеную побрати и я подлугъ Игуменовыхъ Пафнутіевыхъ свидковъ свидества и подлугъ вызнаня самыхъ Бокиничь въ томъ есьмы Игумена Пафнутія праваго нашелъ и присудилъ есьмы ему, тую сеножать мѣти и грани есьмы положилъ и закладъ есьмы между ними заложилъ тринадцать копъ державцу Бельскому, если бы Бокиничи напотомъ тое дѣло уживали о тую сеножать, тогды маютъ старосте державцу Бѣльскому закладу заплатить тринарцать копъ, и на то есьмы Игумену Пафнутію сей листъ судовый далъ.

4.

Судовый листъ намѣстника суражскаго Андрея Лура, присуждающій игумену супрасльскаго монастыря Іонѣ нѣкоторыя части земли, которыми незаконно завладѣли нѣкоторые сосѣди монастыря. 1512 года.

Я Андрей Луръ, на тотъ часъ будучи намѣстникомъ Суража отъ пана Николая Юндзиловича Хоружого Земскаго В. К. Л. и Охмистра Государыни Королевы Ея милости, державцы Бѣльскаго и Ковенскаго и Дубицкаго, а при мнѣ были люде добрые земляне Бѣльскіе, Яковъ Столовка, Матвей Ходуевскій, а бояринъ пана Рачковъ судьи Бѣльскаго Андрей Ходуевскій, а мѣщане радцы мѣста Суражскаго, Ивашко Громило, Яцко Дроздикъ, Олишко Янютичь и Гаевникъ Суражскій Бартокъ Балюничь. Смотрилисьмо того дила: жаловали намъ люды Королевы Ея Милости Суражской волости Санники на имя Станелевичи Мартинъ а романце а Гордей съ братіею своею Олишковичи на Игумена Іону и на економа Нила общего монастыря пресвятыя Богородицы Супрасльскаго, что они переступивши нашу границу рѣчку Барщовку посекли намъ лѣсъ съ тыми людьми добрыми вышеписанными а Игуменъ Іона на свое мисто выслалъ економа Нила и изъ Хворещаней и мовили тые люди Станелевичи очевисто съ Нилюмъ, ижъ они изъ Хворощской земли перешедши Берещевку, тотъ уголъ земли подлѣ Борщевки моцне въ нихъ отнимають и кривду имъ чинять. И на то економъ монастырскій такъ мовилъ: то есть земля обаполъ Барщовки отчизна дидична (наслѣдственная) господаря нашого пана Александра Ходкевича. Ино какъ намѣстникъ пановъ Ивановъ Юшко держалъ у Хорощи и онъ на той земли обаполъ Борщовки садилъ люди пана Ивановикъ Ходкевича

и въ томъ мисте за Барщовкою гдѣ теперь тыи люде Станилевичи сидѣлъ, посадилъ тыхъ людей Отя и Олишка Санниковъ и подле нихъ посадилъ Субоча и Милоша людей п. Ивановыхъ и тое мисто земли имъ поделилъ, тотъ уголъ подле Барщовки далъ Субочу и брату его Милошу, а на другую сторону подле Барщовкижъ внизъ къ верховью рѣчки Хворощи подле Олишковъ и черезъ тую дорогу по бору доотноги (залнвъ), что вышла одъ рѣчки Барщовки къ долинѣ, тутъ грань была въ Сосьнѣ что тые грани теперь вси выказнны и выжжены и какъ пана Ивана Ходкевича Татарове въ орду повели и Суражане собравшись намѣстника его Хорощскаго и били Юрка и били и тыхъ людей подле Барщовки станела у Олишка къ Суражу привернули задержалъ пана Бартоша Монтовтовича, а тые люди сулежы а Милошъ не хотѣли служити къ Суражу н они для великой кривды сошла до Ловъ и по ихъ селища и пащни намѣстники Хворощскіе заведали и пахали къ двору и какъ Александръ Ходкевичъ тотъ свой дворъ Хорощу далъ намъ къ церкви Божой и мы потомужъ тое мисто держимъ и боронимъ. Ино тые Станилевичи сами намъ кривду учинили, что межу старую съорали и грани пожгли. А мы съ людьми жалобы ихъ съ обу сторонъ выслухавши, пытали есьмо Станилевичовъ людей Суражскихъ, чи робливали передъ тымъ тую землю черезъ тую межу, поколь економъ Нилъ боронитъ. И они рѣкли, неробливали есьмо отъ Хворощанъ; потому коли панъ Бартошъ Монтовтовичъ державъ Бѣльскъ, тогди пана Ивана Ходкевича Татаровъ взяли въ Кіевѣ. И но отцевъ нашихъ привернули къ Суражу служить съ тою землею, на чемъ мы теперь сѣдимъ и Гайникъ (лѣсничій) Суражскій Яцко тое поле далъ намъ къ нашей земли. И мы пытали ихъ: маете на то листъ пана Бартоша Монтовтовича, або намѣстника его, и бы отцемъ вашимъ за тою ме-

жею уголъ земли далъ подле рѣчки Борщовки. И они отвѣчали,— не маемъ. И мы пытали ихъ: а свидки люди на то маете ли и они рекли— не маемъ, Яцко Гаевникъ одинъ отцомъ нашимъ тое поле заводилъ. Ино тотъ умеръ, и иныхъ свидковъ не маемъ. Его милость пытали економа монастырского Нила: ты отче повѣдилъ передъ нами, ижбы Юшко п. Ивановъ Ходкевичей тые люди садилъ и межу въ тымъ местѣ имъ клалъ, маешъ ли на то свидки, кому то свидомо и тежъ на то, ижбы намѣстники Хорощскіе тое поле по тую межу заведали и боронили. И онъ мовилъ: маю на то добрые люде старцы четыре свидки земляне господарскіе, Бѣльскаго повѣту роговляне, а пана воеводы Виленскаго сливняне, а пана Ган толдовы люди *złorycne,* а людей королевскихъ Суражскаго Воеводства, тутошнихъ близкихъ пограничниковъ. И мы тые свидки велели передъ нами поставити и пыталисьмы ихъ по ружну, найпервей королевскихъ землянъ Роговлянъ Миска а Войтка брата его, а Яна а Клишка, которымъ обычаемъ они о томъ свидомы и они передъ нами такъ свидчили, Коли Юшко намѣстникъ пановъ Ивановъ Ходкевичей Хорощу держалъ и онъ садилъ тые люди Станела и Олишка, а Милоша, а Субоча, на пана Ивана Ходкевича и Станела съ Субочемъ тутъ межу положилъ и граны были въ дуби въ соснахъ, почомъ съ Борщовки черезъ дорогу по бору до отноги, что вышла отъ рѣчки Борщовки къ долинѣ тутъ грань была останочная въ сосьни на одной сторонѣ по лѣво Станелу, а Олишку далъ пахаты, а на другой сторонѣ по право къ Борщовкѣ далъ Субочу съ братомъ Милошемъ. И къ той межи и къ тымъ мистамъ гдѣ граны были насъ привели. Ино граны выжженые, а коренья и теперь знать гдѣ граны были, и какъ дей Татарове п. Ив. Ходкевича въ орду повели ино какъ Бартошъ Монтовтовичъ тыхъ людей Станела

и Олишка къ Суражу привернулъ, а Субочь съ братомъ Милошомъ не хотели къ Суражу служити и для невмоною сошли до Ловъ къ намъ въ Рогову и тамъ тотъ Субочь и вмеръ. Ино тую пустовщизну намѣстники Хворощскіе пана Ходкевича Хворощи, держали и пахали и обороняли ажъ до тыхъ часовъ. И мы судьи пытали ихъ чи смѣете на томъ присягнуты, ижбы то есте по правди свидчили потомъ, пытали есьмо людей воеводычихъ, сливянъ Яцка Клишевича, а брата его Ерка и они передъ нами потомужъ свидчили, какъ и Роговляне и такъ мовили: тотъ дей гораздно памятуемъ, какъ Митрополиту Кіевскому и всея Руси десять копъ гроши вины. А ежелибы Скапелевичи Мартинъ а Рамашко, а Олишкевичи Гордій съ братіею съ того выступили и тое дило суженое наше напотомъ вздилали, тогда они мають дати вины пану старосте Бѣльскому тринадцать копъ гроши, а намѣстнику Суражскому съ каждой копы по восимнадцать гроши. И мы подлѣ тыхъ людей жаданя самыхъ и шлюбу ихъ хотячи наши въ покой мити тую землю есьмо имъ ограничили и грани положили почавши отъ Борщовки съ болота грань у ясени, а отъ ясени черезъ поле въ насѣце въ ольху, а отъ ольхи въ сосну бортную Филимона Малюшковича, а оттолѣ въ сосну яловую подлѣ дороги, что бежитъ дорожка съ поля къ мостку Михаилу и тою дорогою въ туюжъ рѣчку Борщовку у тотъ уголъ земли, гдѣ Субочь сидѣлъ въ тыхъ гранехъ Игумену Іонѣ и економому Нилу и всей братіи того общаго монастыря присудилисьмо и подали и гаевникъ Суражскій Бокпничь Бартошъ граны зарубалъ и уже черезъ тыи граны Станелевичи и Олишковичи въ тую землю не маются вступати, ани того поискивати, а что были тые люди Станелевичи на Субочовщизнѣ посѣяли ячмень свой самовольно и они просили насъ судей Копниковъ, абыкмо

о томъ отца Нила просили, чтобы той ячмень далъ пожати и мы его о томъ просили и онъ на нашу просьбу то учинилъ изъ своей доброй воли далъ имъ пожати и на то есьмо дали Игумену Іонѣ и економу Нилу в всей братіи сей лист намъ судовый съ нашими печатьми. Писанъ въ Суражѣ юня 25 дня индикта 15.

5.

Мировая игумена супрасльскаго монастыря Іоны съ крестьянами пана Ольбрехта Гаштовтовича Попелевича, по поводу незаконнаго пользованія ими монастырскимъ бортнымъ лѣсомъ. 1518 года.

Іона Игуменъ со всею еже о Христѣ Братіею монастыря Пречистыя Богоматеря честнаго Благовѣщенія и Святаго Апостола и Евангелиста Христова Іоанна Богослова, ижъ у скрай рѣки Супрасли;—вызнаваемъ симъ нашимъ листомъ, что люди пана Ольбрехта Мартиновича Кгаштовтовича Мацко (Матвей) и Янко Папелевичи золотаріе мѣли дерево бортное у Земли церковной Хворошанской за живою границею Нарвою рѣкою безъ всякихъ твердостей и листовъ и мы пемаючи къ тому доброй воли, жебы они у церковной пущы борты свои держали, хотелисьмо успертс правомъ (имѣя на своей сторонѣ право) отъ того дерева бортнаго оддалить, и они били намъ челомъ и просили насъ чрезъ пана Гришка Кимбаровича старосту своего Тыкоцкого, а черезъ пана Степана Чаплица Маршалка пана Александра Ходкевича очомъ же и самъ Гришко староста ихъ просилъ пана Степана, чтобы ему помоцо былъ. Просили о томъ насъ еднаючи, абы мы ихъ отъ той бортной не оддалили, а съ того на церковъ Божію данъ брали въ каждый годъ по бочкѣ польской меду пресного и мы на ѣднанѣ и прозьбу Гришкову а Степанову и тежъ на ихъ чолобитье

учинили, къ тому ѣднаню приступили, допустилисьмо имъ тое дерево бортное ходить, а они маютъ намъ на церковь Божію дань давать съ той земли по бочкѣ польскаго меду преснаго сполна у каждый годъ у два нѣделяхъ по Рождествѣ Пресвятыя Богородицы то есть *по Матце Божей послѣдней,* а инныхъ имъ пожиткомъ никоторыхъ нашой сторонѣ у земли церковной Хворощеской не́мѣти кромѣ дерева бортнаго, а будетъ ли коли до нихъ которое было бортникомъ нашимъ Монастырскимъ, або иннымъ суходичомъ о шкоды (поврежденіе) дерева бортнаго и мы маемъ ихъ о томъ позывати, а они маютъ въ томъ во всемъ права нашего послушныи быти, и что коли право скажетъ, того терпити, и котороеся коли дерево ихъ бортное вывернелъ съ пщолами а любо безъ пщолъ и они маютъ съ того дерева лежачего, нигды робить къ своему пожитку, а на́мъ имъ того незабороняти, нежли того пня и голыя лежачаго имъ нерушати и тежъ естоя изъ стоячаго дерева бортнаго улью ницъ немаютъ спускати, а еслибы они черезъ тое ѣднанѣ и свое челобитье тое дани вышеписанной на церковь Божію къ Монастырю супрасльскому въ каждый годъ на тотъ рогъ вышере́ченый сполно не выдали, або въ шкодахъ дерева бортнаго котороясяотъ нихъ станетъ у правѣ передъ нами нехотѣли становитися на нашъ позовъ; тогды мы нежадаючи справедливости отъ Господаря пана Альбрехта Мартиновича ани отъ его милости урадника Бѣльского и ни передъ которое иншое право подходячи маемъ у нихъ тое дерево бортное отнять къ нашей рукѣ а еще надто заплатить за руки своему Господарю пану Альбрехту пятьдесять копъ гроши, а пану Степану по десяти копъ грошей, а какъ лнбы я Іона Игуменъ и по мнѣ будучіи Игумены общо отъ Монастыря Супраслскаго не како хочемъ тое дѣло срухивати и мы тежъ маемъ заплатити Господаремъ нашимъ Пре-

освященнѣйшему Архіепископу Митрополиту Кіевскому и всея Руси Іосифу а пану Александру Ивановилу Ходкевичу Маршалку Государя Кололя и Великаго Князя Его Милости Жигимонта и едначомъ тымъ помененнымъ туюжъ заруки вышеписанную. А при томъ были Князь Матѳей Плебанъ Хворощескій а мѣщане Бѣльскіе: Евхимъ Дзякъ а Козьма Черчикъ а Иванъ Дзякъ панъ Милковъ писарь пана Николая Николаевича Воеводы Его Милости Виленскаго, который же и листъ сей своею рукою писалъ, а для лепшого свѣданія и большой твердости и печать есьмо монастырскую приложили къ сему нашему листу. Писанъ лѣта 7021 мѣсяца Марта 13 дня Индикта 1-го.

6.

Судный листъ воеводы Николая Николаевича (Радзивилла), данный на имя супрасльскаго монастыря игумена Анастасія Антонія на право возвращенія монастырю земли въ имѣніи Хорощѣ, незаконно захваченной у монастыря людьми суражской волости. 1518 года.

Я Николай Николаевичъ воевода Виленскій, Канцлеръ Государя Короля Его Милости Жигимонта, смотрѣлисьмо того дила. Жаловалися намъ люди Господарскіе, Королевы, Сурожской волости на Игумена Монастыря, Пречистой Благовѣщенія Супрасльскаго Антонія и на всю братію, ижбы тыи старую отчинную ихъ землю у нихъ отняли и къ своему двору церковному къ Хорощи и привернули и нашой земли дворцы пашню собѣ одрадили подлѣ Бѣлогостоку и Супрасли рѣки и просили насъ тые люди, абыхмо тамъ выѣхали и справедливость имъ учинили и мы хотячи ся гораздо того довидати и съ Отцомъ Митрополитомъ Его милостію Іоси-

фомъ змовилисьмы и тамъ выѣхали и Игуменъ Антоній съ братіею передъ нами такъ рекли: тое имѣніе Хворощу и совсею тою пашною землею нижей Супрасли и Бѣлогостоку панъ Александръ Ходкевичъ далъ тое все къ Церкви Божой на монастырь у границахъ выписанныхъ и листомъ подтвердилъ при Игуменѣ Пафнутіе, тотъ Игуменъ Пафнутій все тое держалъ со впокоемъ къ церкви Божіей и иншіе игумены держали, Каликстъ, Іона, я уже четвертый игуменъ, тому уже есть семнадцать лѣтъ, какъ мы къ церкви Божіей тое имѣніе по рѣку Хворощу держимъ а по Бялыстокъ, а тыи люди николися въ тое не вступали и панъ Александръ Ходкевичъ подавца того имѣнія Хворощи билъ о томъ челомъ Господарю Королю Его милости Жигимонту, объявляючи Его милости, ижъ тое имѣніе свое Хворощу отчизну и дидызну свою далъ къ церкви Божіей на монастырь у вышеписанныхъ границахъ почомъ съ Нарвы рѣки Супраслею рѣкою въ верхъ Бѣлостоку, а Билымъ стокомъ въ верхъ до Проневичъ дороги, тою дорогою подлѣ пановъ Бабалеревыхъ граней до полей Клепацкихъ и съ той дороги направо подлѣ полей Клепацкихъ и Мясоядовыхъ..... просто до Хорощи рѣчки, а Хворощою внизъ до Барщовки рѣчки, а Барщовкою въ верхъ и съ той рѣчки просто межою мимо Станилевичъ поля къ Михаловой коморной дорожцѣ, тою дорогою до дороги старой пановъ Ходкевичей, съ той дороги на лево къ гранямъ Топилецкимъ до Роговки рѣчки, а Роговкою внизъ до Нарвы рѣки, а Нарвою ввыжъ до Супрасли рѣки и просилъ у Господаря Его Милости, абы тую данину его подтвердилъ листомъ своимъ къ церкви Божіей вѣчно и Господарь Король Его милость вѣдявши и выслухавши листа пана Александра Ходкевича съ ласки своей Господарской подтвердилъ тое намъ, тое все имѣніе Хорощи въ тыхъ границахъ къ церкви Божіей вѣчно и привилей

свой Господарскій по латинѣ писменный на то намъ далъ. Отъ тыхъ часовъ какъ панъ Александръ намъ тое имѣніе къ церкви Божіей далъ и Господарь Король листомъ своимъ подтвердилъ всегда есьмо имѣли тое въ покои. И тотъ привилей Господаря Короля Его Милости Жигимонта и дачу пана Александра Ходкевича передънами положили и мы взглянувши въ листъ пана Александра, что тое имѣніе Хворощу далъ къ церкви Божіей у границахъ по Супраслю рѣку, а по Бялыстокъ, а Господарь Король Его Милость Жигимонтъ въ тыхъ границахъ тое имѣніе листомъ своимъ подтвердилъ къ церкви Божіей вично и мы Игумена Антонія и съ братіею нашли есьмо въ томъ правымъ, и притомъ ихъ зоставили, какъ панъ Александръ тое имѣніе Хворощу имъ далъ, а Господарь Король подтвердилъ и теперь все они тое маютъ держать; потому и на то есьмо имъ и свой листъ обрубный далъ на тыи границы. Уже тые люди Суражской волости немаются въ тое вступати и на то есьмы далъ Игумену Супрасльскому Антонію и съ братіею и по нихъ будучимъ, сей мой листъ и съ нашею печатью, а при томъ были: Митрополитъ Кіевскій и всея Руси Іосифъ, а Владыка Владимірскій и Бресткій Пафнутій.

7.

Письмо Николая Михаиловича Рачковича, марщалка и секретаря королевскаго, данное супрасльскому монастырю на право построить мельницу и насыпать ставъ на рѣкѣ Бѣлыйстокъ.

Николай Михайловичъ Рачковичъ Маршалекъ и Секретарь Короля Его Милости Жикимонта, Державца Шоболенскій, вызнаваю самъ па себѣ тымъ моимъ листомъ каждому доброму, кому будетъ потреба того видати, або

чтучи его, слышати нынѣйшимъ и на потымъ будучимъ о томъ, что Игуменъ и чернецы монастыря Пречистыя Богоматери Супрасльской мѣли со мною право о сеножати, которую купилъ предокъ ихъ Отецъ Пафнутій у людей Господарскихъ Бѣльского повѣту въ границы имѣнія моего Бѣлостоку и они мнѣ тыхъ сеножатей доброволыне поступили и листъ единый (мировой) вызнанѣ (сознаніе) на себѣ мнѣ дали, нижъ ся вжо черезъ мои границы не маютъ ни вочто вступати. Ино панъ Его милость Александръ Ивановичъ Ходкевичъ Маршалокъ Господаря нашего Короля Его милости видячи тое, ижъ Его милости тые чернецы не могутъ ставу къ моему берегу и Его милости.....мнѣ за тыми своими выше речеными чернцы, абыхъ имъ дозволилъ ставъ заставити на рѣце Бѣлымъ-стоку къ своему берегу противъ ихъ дворца Хорощскаго, ино хотячи съ паномъ Александромъ Его милостію въ лепшой (лучшей) згодѣ (согласіи) и сосѣдствѣ быти, то есьмо на Его милости жаданѣ (желаніе) учинилъ и тотъ ставъ вышеписанный тымъ вышереченнымъ черцамъ допустилъ есьмо имъ заставити, нижли подъ тою мирою, ижъ они маютъ тотъ ставъ заставити и такъ воду зазцяты какъ бы было досыть воды на одно коло (мѣльничье колесо) нѣмецкое ку ихъ потребѣ, а на томъ ихъ ставу и млынѣ не маютъ Короля Его милости люди, ани тежъ пановъ посторонныхъ люди и боярскіе молоти, только тые чернецы и ихъ люди маютъ доброволыне молоти. А напротивъ то панъ Александръ Ходкевичъ Его милость и тые выше речные черпецы мнѣ поступилися ставъ заставити подъ мирою, что маю на томъ моемъ млынѣ и ставъ доброволыне на свой дворъ и своимъ людямъ и тому кто кольвекъ на мой тотъ ставъ привсзе молоти. А естьли акъ я верху писаный Николай не могъ такъ добраго мисца собѣ обрати на ставъ, къ ихъ берегу на той же рѣце Билымъ стоку, чтобы

былъ такъ добрый какъ ихъ, тогда мы съ обустронъ не маемъ тыхъ ставовъ вышеписанцыхъ засыпати на той рѣце Билымъ стоку ни тые чернецы къ моему берегу не маютъ засыпати, маю тую рѣку по первому промежы себе къ своимъ берегомъ держать. А если быхмо тые ставы съ обустронъ собѣ выбрали, такъ ровиыи, такъ тыи наши листы зобопольныи вызнаваютъ, тогда тыи ставы обадва не маютъ быти ка.... ны (тронуты) и рушаны и маютъ быты держаны вѣчно и на вѣки не порушоно. А ктобы изъ насъ хотѣлъ тое наше еднаніе и згоду которимъ кольвекъ обычаемъ рушыти, тотъ маетъ первей заплатить Господару Королю Его милости сто рублевъ грошей, а сами промежи себе маѣмъ заплатить собѣ пятдесятъ рублей гроши и на потомъ будучимъ потомкомъ нашимъ. А для лепшого свѣдомя и твердости я вверху писаный Николай и печатъ свою есьмы положилъ къ сему моему листу. При томъ были панове ихъ милость Панъ Юрій Ивановичъ Илиничъ маршалекъ Господара нашего Его милости староста Берестейнскій и Лидскій, панъ Копель Васильевичъ писарь Господарскій Державца Жижморскій, Панъ Павелъ Нарушовичъ Сектетарь Господарскій, Панъ Ивашко Горностаевичъ, Писарь Господарскій. Писанъ въ Вильнѣ 11 Декабря Индикта 3-го.

8.

Грамота короля Сигизмунда, подтверждающая мировую игумена супрасльскаго монастыря Іоны съ людьми Ольбрехта Гаштовтовича Пепелевича по поводу завладѣнія ими принадлежащимъ монастырю бортнымъ лѣсомъ. 1513 года.

Жикимонтъ Божіею Милостію Король польскій Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій и иныхъ.

Били намъ челомъ Игуменъ съ братіею монастыря Пречистыя Богоматери на Супраслѣ и повидилъ предъ нами, что дей люди воеводы Полоцкаго державцы Могилевскаго Пана Альбрехта Мартиновича Гаштовлевича Золоторіяне на имя Мацко и Янко Копелевичи упросили у нихъ ходить въ тую землю бортную церковную которую дей передъ тымъ сами розробили, безъ видома перешедши границу рѣку Наревъ и маютъ дей тыи люди Пана Альбрехтовы давати имъ къ церкви Божіей дани съ той земли бортной въ каждой годъ по бочкѣ меду прѣснаго, также если дей которое право пригодилося о тую землю въ томъ дей маютъ тые люди, якъ послуги быти и на то листъ записъ тыхъ людей пана Альбрехтовыхъ подъ печатьми людей добрихъ передъ нами указывали, въ которымъ же листѣ людей пана Альбрехтовыхъ стоитъ вынисано; Еслибы имъ коли того не спомнили, тогда Игуменъ съ братіею отъ той земли ихъ отдалили и били намъ челомъ абыхмо то подтвердили имъ нашимъ листомъ. Ино коли тыи люди пана Альбрехтовы первей въ тыхъ земли церковную вступили были безъ вѣдома А потомъ самижъ и ихъ перепросивши и записалися имъ тую вышесказанную дань давать съ той земли бортной и ихъ въ правахъ о тую землю послушны быдти и мы выслухавши записа людей пана Альбрехтовыхъ и при томъ Игумена и братію заставили,— и подтверждаемъ то имъ симъ пашимъ листомъ къ церкви Божіей нехай они тую дань съ той земли бортной отъ тыхъ людей пана Альбрехтовыхъ берутъ въ каждый годъ по бочкѣ польской меду прѣснаго и въ правехъ о тую землю послушенство отъ нихъ маютъ собѣ. А не всхотять ли тые люди пана Альбрехтовы того имъ сполнити, ино Игуменъ и братія вольны тую землю бортную отъ нихъ отдалити, подлѣ (согласно) запису тыхъ людей пана Альбрехтовыхъ. И на то есьмо Игумену и братіи дали сей

капъ листъ съ нашею печатью. Писанъ въ Сендомирѣ Ноября 17 Индикта 4-го.

9.

Квитанція Ивана Николаевича Радзивилла, данная супрасльскаго монастыря игумену Сергію въ полученіи отъ монастыря дани одной копы грошей за дозволеніе монастырю устроить мельницу и греблю, упирающуюся къ берегу рѣки, составляющей границу владѣній Радзивилла.

Я Янъ Николаевичъ Радивиловичъ подчашій Господаря Короля Его милости староста Ковенскій, державца Василискій и Марковскій вызнаваю тымъ то моимъ листомъ, что отецъ Архимандритъ Сергій со всею братіею монастыря супрасльскаго справили собѣ млынъ (мельницу) у дворцѣ монастырскомъ въ Топильцѣ на рѣцѣ Нарви, котораяжъ гребля ихъ берега монастырского пришла къ берегу моего имѣнія Бокиницкаго и я того допустить имъ не хотелъ, абы тая гребля ихъ къ берегу моему была и для того есьмы листомъ Господарскимъ ихъ обсылалъ, абы тотъ свой млынъ оттоль знесли и они не хотячи шкоды (убытка) въ накладе (издержкѣ) своемъ мѣти, просили мене, абыхъ имъ допустилъ греблю того млына ихъ къ своему берегу Бокинскому мѣти и я то на прозьбу ихъ учинилъ, дозволилъ есьмы имъ къ своему берегу гроблю мѣти до часу въгоды (договора) своя въ томъ съ нами. А они отъ млына своего пул....... предъ ся его мѣти къ моему берегу Бокиницкому,— мають мнѣ давати на годъ по копъ гроши, почомъ отъ праздника успенія пречистыя Богоматери до тогожъ праздника въ каждый и вжожъ они тогото году Индикта шестого копу грошей мнѣ оддали и

на то есьмо далъ имъ сей мой листъ съ моею печатью. Писанъ въ Соколкѣ Генваря 15 Индикта 6-го.

10.

Приказъ короля Сигизмунда воеводѣ бѣльскому Іероѳею Синявскому, чтобы вознаградилъ игумена супрасльскаго монастыря за затопленный, пущенною изъ става водою, монастырскій сѣнокосъ, и чтобы воду въ ставѣ понизилъ, дабы впредь незатоплялся сѣнокосъ.

Жикимонтъ Божіею милостію Король Польскій Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій Жмудскій, Мазовецкій и иныхъ. Воеводичу Бѣльскому пану Ярошу (Іероѳей) Синявскому,— тыхъ часовъ присылалъ до насъ Архимандритъ Супрасльскій съ иншею братіею. Чернецы монастыря Супрасльскаго жадаючи о томъ, что дей ты ставомъ своимъ Бокиницкимъ которые дей тамъ на рѣце Нарви у берегу имѣнія ихъ монастырскаго занялъ и млынъ збудовалъ, сеножатей монастырскихъ на шестдесятъ стоговъ сѣна затопилъ, въ чемъ ся тому монастыру кривда и шкода не малая есть и просили они насъ, абыхмо листъ нашъ въ томъ до тебѣ далъ и наказати таковые крывды имѣнію церковному чинить черезъ то недопуститъ. А пре то гдыжъ ся имъ въ затопѣнѣ сеножати онымъ ставомъ на рѣцѣ Нарвѣ занятомъ таковыя шкоды одъ тебѣ діютъ, Приказываемъ тебѣ, абы твоя милость тотъ ставъ твой спустилъ и такъ въ немъ воду держалъ якобы въ затопленіи тыхъ сеножати ихъ никоторая шкода тымъ ся не діяла. Если жбы Ежый того ставу своего спустити и воды въ немъ уменьшити не хотелъ ты бы за тую сеножать отмѣну ровную далъ и заховался въ томъ ведлугъ обычаю права посполитаго и статуту земского конечно; жебы они повторе съ жа-

лобою до насъ не утѣкали. Писанъ въ Вильнѣ Октября 18, Индикта 11.

11.

Приказъ Александра Ивановича Ходкевича хорощанскому его намѣстнику Даніилу Ивановичу, дабы отъѣхалъ на земли супрасльскаго монастыря имѣнія Топилецъ и исправилъ на нихъ межевые знаки, уничтоженные хорощанскими крестьянами.

Отъ Александра Ходкевича Ивановича, Старосты Берестейскаго, Намѣстнику нашему Хорощанскому Даніилу Ивановичу, что есьмо передъ симъ до тебѣ въ жалобѣ Господина Богомольца Архимандрита монастыря нашего Супрасльскаго отца Сергія, кажучи тобѣ тамъ тые земли выѣхати, гдѣ бы люди наши Хорощскіе имѣнія ихъ милости монастырскаго Топильца межы переорали и земли позабрали и ты пишешь до насъ повидаючи, ижъ еси на тей земли тамъ выѣзджалъ и тогося достатечно доведалъ и знашолъ въ четырехъ мѣстахъ люди нашіе межи топильскіе переорали и потроецъ земль забрали, а прото и теперь приказуемъ тобѣ, ажбы еси на той земли съ Намѣстникомъ Топильскимъ выѣхалъ и межи старые бы вси поправилъ и копцы отъ инших земль къ монастырскимъ землямъ закопалъ конечно. Писанъ на Супраслѣ Юня 21 Индикта 5-го.

II.

—

СУПРАСЛЬСКІЙ

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(*Продолженіе*) (*).

Для объясненія почти постоянной борьбы супрасльскаго уніатскаго монастыря во вторую половину восемьнадцатаго столѣтія съ митрополитами и епископами, необходимо сказать, что самое устройство базильянскаго ордена способствовало такой борьбѣ. Капитулы, составлявшіяся нерѣдко вопреки волѣ митрополитовъ, издавали правила, съ которыми епархіальные начальники по необходимости должны были сообразоваться. Хотя предсѣдателемъ капитулы долженствовалъ быть начальникъ епархіи, но и тамъ онъ долженъ былъ сообразоваться съ правилами базильянскими и во всемъ давать свободу монашескимъ голосамъ; въ противномъ случаѣ это считалось стѣсненіемъ и насиліемъ; а причиняющій капитулѣ насиліе, по опредѣленію папы Пія V, подвергается отлученію, которое можетъ снять только папа, а по опредѣленію папы Климента VIII, помѣщенному въ 28 буллѣ папы Урбана VIII, онъ лишается всѣхъ чиновъ навсегда, безвозвратно. Кромѣ того базильяне всегда находили себѣ покровительство у папскаго нунція въ Варшавѣ, пока Бѣлоруссія и Литва принадлежали Польшѣ. Жалобы базильянъ удовлетворялись и римскою

(*) Смотри Вѣст. Зап. Росс. 2 и 3 кн.

нунціатурою и самими папами. По присоединеніи бѣлорусскаго края къ Россіи, указами 1772 года 24 декабря, 3-мъ и 9-мъ пунктами, и 1774 года 12-го мая, предоставлена базильянамъ полная свобода въ отправленіи богослуженія и въ соблюденіи всѣхъ ихъ учрежденій. Базильяне отстаивали эту свободу и, въ случаѣ стѣсненія ея, жаловались сенату и вѣнценосным особамъ. Въ архивѣ литовской семинаріи есть копіи съ прошенія, поданнаго въ ноябрѣ 1793 года, отъ имени начальниковъ бѣлорусскаго базильянскаго ордена, монахомъ Аркадіемъ Ледоховичемъ въ правительствующій сенатъ, на имя императрицы Екатерины II, и копія записки, поданной въ октябрѣ 1799 года монахомъ Конаховичемъ императору Павлу Петровичу. Любопытно указать на ихъ содержаніе. Въ прошеніи монахи жалуются на полоцкаго архіепископа Ираклія Лисовскаго за насилія, причиняемыя имъ ордену. Правительствующій сенатъ, по жалобѣ монаховъ, еще 1790 года отъ 28 февраля, предписалъ архіепископу Лисовскому исправить произведенный имъ безпорядокъ въ базильянскомъ орденѣ и возвратить къ должностямъ тѣхъ, кого онъ удалилъ; монастырскими имѣніями предоставить управлять самимъ монахамъ, а монахами, по правиламъ тридентинскаго собора, должны управлять орденскіе начальники, а не епископы. Въ 1792 году, по новой жалобѣ монаховъ, сенатъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „Монахи-базильяне жалуются на архіепископа Ираклія Лисовскаго въ томъ, что онъ не допущаетъ ихъ, по каноническимъ правиламъ, какъ высочайшими узаконеніями, такъ и сенатскимъ указомъ 1790 года февраля отъ 28 дня утвержденнымъ, дѣлать изъ себя выборъ въ начальники къ монастырямъ ихъ, а архіепископъ ихъ представляетъ, что „присланный къ нему Правительствующаго Сената указъ, (предписывающій, между прочимъ, въ управленіи базильянами-монахами власть простирать не иначе, какъ примѣняясь къ каноническимъ правиламъ), выполнить почитаетъ онъ невозможнымъ, потому что тѣми каноническими правилами предписывается монахамъ, чтобъ каждые три года выбирать изъ себя въ начальники или чиновники къ монастырямъ; именнымъ же указомъ, 1782 года генваря 26 дня состоявшимся, въ опредѣленіи къ монастырямъ начальниковъ предоставлена власть архіепископу: то и дать знать ему архіепископу, что означеннымъ правительствующаго сената февраля отъ 28 числа предписаніемъ отнюдь не отнимается власть отъ него въ

опредѣленія начальниковъ къ монастырямъ для управленія оными; потому что, хотя по тѣмъ каноническимъ правиламъ и дозволено монахамъ выбирать изъ себя въ начальники или чиновники къ монастырямъ обыкновеннымъ порядкомъ, но выбираемые изъ нихъ не могутъ остаться безъ утвержденія или благословенія ихъ архіепископа, яко президента при томъ собраніи, такъ что выбираемаго можетъ онъ отринуть, ежели имѣть будетъ на то важныя причины, и потомъ приказать приступить къ новому выбору. Изъ чего и слѣдуетъ, что власть его въ семъ случаѣ, въ сходственность вышеупомянутаго высочайшаго указа, остается при немъ всегда; выборъ же тотъ, въ силу тѣхъ каноническихъ правъ, долженъ быть не для чего инаго, какъ для спокойствія монашескаго общества, такъ и его архіепископа, яко главнаго надъ ними пастыря,— тѣмъ болѣе, что общество престанетъ уже симъ способомъ вчинать какія либо споры или негодованія, а архіепископъ, взирая на выбранныхъ, познавать будетъ ихъ характеры, способность, раченіе и усердіе въ отправленіи препоручаемыхъ имъ для пользы общей должностей.“ Но такъ какъ архіепископъ неудовлетворялъ желанія монаховъ; то они снова жаловались на нарушеніе правилъ ихъ ордена. А именно, по правиламъ тридентинскаго собора (глава 8, 25 засѣданіе №. 2) слѣдуетъ, чтобы начальникъ ордена собиралъ на базиліанскую капитулу только имѣющихъ на это право. По предписанію брестской капитулы, по которой базиліане вошли въ русское подданство, въ бѣлорусскихъ монастыряхъ не всѣ имѣли право составлять капитулу, а только чиновники ордена, всегда подававшіе голоса и еще слѣдующія лица: архимандритъ любавицкій, старшіе (т. е. игумены) полоцкій, витебскій, пустынскій, оршанскій, магистръ надъ находящимися въ искусѣ (на послушаніи), профессоры богословія, старшій профессоръ философіи, главнѣйшій проповѣдникъ каѳедры и намѣстникъ онуфріевскаго монастыря. Но архіепископъ Лисовскій сзывалъ на капитулу всѣхъ безъ различія. По опредѣленію конгрегаціи о распространеніи вѣры 1742 года 1 мая, подъ №. 3, и брестской капитулы 1772 г. 10 февраля, подъ №. 41, кандидатами во всѣ орденскія должности могутъ быть только тѣ, которые были шесть лѣтъ учителями въ орденскихъ школахъ, или проповѣдывали слово Божіе, и притомъ очень хорошаго поведенія. Архіепископъ не наблюдалъ этихъ правилъ. По опредѣленію генеральной конгрегаціи о распространеніи вѣры,

бывшему 30 апрѣля 1759 года №. 6, сказано, что, для правильнаго и каноническаго выбора на одной сторонѣ, должно быть больше половины голосовъ (секретныхъ). Если при первой и далѣе балотировкѣ не было этого числа, то приступается къ второй, третьей и четвертой балотировкѣ,— и тѣхъ кои будутъ имѣть за собою болѣе шаровъ, чѣмъ всѣ прочія лица, должно считать кандидатами и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ быть выбранъ. Если же и при четвертой балотировкѣ будетъ равное число голосовъ, то митрополитъ, или заступающій его мѣсто, прибавляетъ одинъ свой голосъ тому изъ двухъ, который по совѣсти кажется ему достойнѣе, и это лице должно быть признано всѣми канонически (правильно) избраннымъ. Архіепископъ Лисовскій этого не наблюдалъ. Монахи просили императрицу предписать архіепископу, чтобы онъ не дѣлалъ никакихъ насилій на капитулѣ и на выборахъ,— чтобы визитатора и совѣтниковъ самъ не избиралъ и голоса на нихъ не подавалъ, а избранныхъ, по силѣ указа 1772 года, утверждалъ и благословлялъ, чтобы не мстилъ жалующимся на него и проч. Неизвѣстно, что отвѣчалъ на эту жалобу архіепископъ Лисовскій. Только 8 октября 1799 года монахъ Кохановичъ подалъ записку императору Павлу Петровичу на р. католическаго митрополита Сестренцевича и уніатскаго архіепископа Лисовскаго, въ которой, въ выраженіяхъ, часто дерзскихъ, обвинялъ ихъ въ разныхъ преступленіяхъ. Вотъ нѣкоторыя мѣста, взятыя изъ этой записки: „Преужасные господина митрополиты Сестренцевича интриги и форсы почти весь Римскій Юстицъ-Коллегіи Департаментъ къ тому довели, что оный Департаментъ, оставивъ должное уваженіе трехъ именныхъ Высочайшихъ указовъ, коими Департаменту велѣно слѣдовать о показаніи Ираклія Киріата (монаха), при прошеніи къ Вашему Императорскому Величеству въ 9 статьяхъ изображенномъ, болѣе приклонился къ виновной сторонѣ“.... „Господинъ Архіепископъ Лисовскій, подражая пророческому гласу, предбудущее вѣщаетъ и угрожаетъ высылкою за границу тѣмъ, кои Ваше Императорское Величество просили на преосвященныхъ господъ Митрополита Сестренцевича и Архіепископа Лисовскаго“ (значитъ монахи много разъ жаловались на нихъ).... „Я отъиму покровъ, подъ тѣнію коего скрываются нижеслѣдующія тайны. Г. Архіепископъ Лиловскій за высылку г. Пассекомъ (бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ) за границу игуменовъ Амвросія

Киріата и Іеронима Дорошевскаго далъ оныхъ г. Пассеку 17,000 (злотыхъ или рублей неизвѣстно), собравъ оныя съ Монастырей нашихъ и 500 четвертей овса его супругѣ Марьѣ Сергѣевнѣ".... „Господа Митрополитъ Сестренцевичъ и Архіепископъ Лисовскій стараются всемѣрно уничтожить тѣ наши Монастыри, изъ которыхъ превеликія позабирали капиталы, употребивъ оныя на неправильныя форсы и притѣсненіе бѣдныхъ. Эти Монастыри: Оршанскій, Вербиловскій, Тадулинскій, Полоцкій".... „Г. Митрополитъ Сестренцевичъ, по чрезвычайной своей гордости, слова священнаго писанія, единственно царскому достоинству приличныя: *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*, въ одномъ изъ судовыхъ своихъ приговоровъ себѣ и архіепископу Лисовскому, будто верховной власти, призналъ и присвоилъ."

Въ оправданіе митрополита и архіепископа нужно сказать, что (какъ это видно изъ приведенныхъ въ прошеніи правилъ ордена), орденскіе чиновники составляли дружную коалицію противъ власти и распоряженій архіерейскихъ, которая ставила епархіальныхъ архіереевъ въ большія затрудненія. Притомъ, за правилами и учрежденіями базильянскаго ордена крѣпко держалась унія, а уніатскій архипастырь Лисовскій, какъ и митрополитъ р. католическій Сестренцевичъ, засѣдавшіе въ р. католической коллегіи, преданные русскому правительству и убѣдившіеся опытомъ въ несовременности и несостоятельности орденскихъ учрежденій, при постепенно измѣняющемся порядкѣ вещей въ уніатской церкви, можетъ быть, потому самому, не только не поддерживали, но ослабляли, измѣняли и даже уничтожали отчасти эти учрежденія, по своему взгляду. Впрочемъ, въ супральской обители эти учрежденія пали сами собою съ присоединеніемъ бѣлостокской области и Супрасля къ Пруссіи и съ учрежденіемъ въ Супраслѣ епархіи. Теперь обратимся къ изображенію состоянія супрасльскаго монастыря во время войны за независимость Польши.

Во время войны, такъ называемой, за независимость Польши, латинское и уніатское духовенство приглашалось къ пожертвованіямъ. Вмѣстѣ съ другими, приносилъ пожертвованія и супрасльскій монастырь Такъ. въ 1776 году, въ числѣ 100,000

злотыхъ, пожертвованныхъ духовенствомъ польскому правительству, 900 злотыхъ даны Супраслемъ. Во время революціи 1794 года, Вислоцкій, въ помощь ей, 30 іюня, выслалъ изъ монастыря въ гродненское казначейство слѣдующія серебрянныя вещи: 1) крестъ, увотребляемый при крестныхъ ходахъ, вѣсомъ 13 берлинскихъ фунтовъ; 2) крестъ наперстольный 7 фунтовъ; 3) другой сребро-позолоченный крестъ 1½ ф.; 4) четыре большіе подсвѣчника, всѣ вѣсомъ 42½ берлинскихъ (или безмѣнныхъ) фунт.; 5) нѣсколько меньшихъ подсвѣчниковъ, всѣ вѣсомъ 7 фунтовъ; 6) лампу, вѣсившую 2 ф.; 7) шесть реликвіаріевъ (ящиковъ, гдѣ хранились мощи) и чашу въ 3¼ ф.; 8) разнаго лому въ серебрѣ 2 фунта. Всего взято серебра 82¾ ф. 11 сентября, тогоже года, архимандритъ Вислоцкій пожертвовалъ изъ монастыря въ помощь революціи 2,000 злотыхъ. За эти пожертвованія многіе превозносили Вислоцкаго. Папскій нунцій и базильянскій прото-архимандритъ относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ и поручали ему нѣкоторыя важныя дѣла другихъ монастырей. Такъ, 7 марта 1796 года, папскій нунцій въ Польшѣ и Литвѣ, Лаврентій изъ Мархіи Литта, натрицій медіоланскій, архіепископъ ѳивскій поручилъ ему сдѣлать въ гродненскомъ монастырѣ личное дознаніе касательно просьбы тамошняго архимандрита Матѳія Корра. Такъ какъ Корръ просилъ нунція разрѣшить перемѣнить монастырское имѣніе Бассарабы, состоявшее вдали отъ монастыря, за рѣкою Нѣманомъ и малоплодное— на ближайшій къ монастырю и выгоднѣйшій фольварокъ Полники, который, по преданности къ монастырю, готовъ замѣнять за Бассарабы владѣлецъ его., гродненскій судія Францишекъ Госневскій; то нунцій желалъ узнать чрезъ Вислоцкаго, дѣйствительно ли выгоднѣе для монастыря промѣнять Бассарабы на Полники. Вислоцкій лично удостовѣрился и донесъ нунцію, что просьба архимандрита Матѳія Корра основательна и что слѣдуетъ ее удовлетворить. 12 августа 1769 года, прото-архимандритъ базильянскихъ монастырей, Аѳанасій Фальковскій подчинилъ власти Вислоцкаго дрогичинскій базильянскій монастырь, подпавшій, вмѣстѣ съ Бѣлостокскою Областью, подъ владычество Пруссіи. Но были лица, домогавшіяся раздѣлить съ Вислоцкимъ архимандритскую власть и выгоды. Такъ, Стефанъ Левинскій, и послѣ полученія луцкой епархіи, по прежнему получалъ изъ монастыря слишкомъ обременительную для него пенсію въ 3,000

злотыхъ. Георгій Маковецкій, игуменъ варшавской резиденціи, тоже желалъ быть архимандритомъ Супрасля, и чтобы пріобрѣсть себѣ на то право, просилъ Ходкевичеву, жившую въ Варшавѣ, учредить новую должность въ Супраслѣ — викаріатство — съ тѣмъ, чтобы, живя въ варшавскомъ монастырѣ, получать ежегодно 3,000 злотыхъ, которые изъ краковской кассы получалъ Левинскій, и, по просьбѣ Маковецкаго, готовъ былъ уступить ему эту пенсію. Ходкевичева и Маковецкій ожидали только удобнаго случая къ исполненію задуманнаго, а Левинскій обманывалъ Маковецкаго обѣщаніями. Во время варшавской революціи 1794 года, игуменъ Георгій Маковецкій заботился о безопасности Ходкевичевой. Это такъ понравилось ей, что она непремѣнно желала чѣмъ-нибудь возблагодарить и наградить Маковецкаго. Такъ какъ онъ искалъ только супрасльскаго викаріатства, то она подписала презенту на полученіе викаріатства и архимандритства, и 28 апрѣля тогоже года подписала всему супрасльскому братству слѣдующее письмо: „Почтенное общество супрасльскаго монастыря! Извѣстны вамъ, господа, заслуги и труды достопочтеннаго отца Георгія Маковецкаго, варшавскаго игумена, его преданность супрасльскому монастырю въ продолженіе болѣе десяти лѣтъ, и васъ уже должно бы соединить во едино благожеланіе и почтеніе къ нему. Будучи въ томъ увѣрена, и, какъ свидѣтельница ревностныхъ его заботъ въ пользу Супрасля, выгоды котораго равно связываютъ домъ Ходкевичей съ вами, я не могла оставить отца Маковецкаго безъ должной и справедливой благодарности. Увѣрена, что и вы вмѣстѣ со мною не откажетесь благодарить его. Для этого достойнаго мужа, я не нахожу лучшей награды, какъ только презентоватѣ (рекомендовать, или дать право на мѣсто) его на коадъюторію супрасльскаго архимандритства, съ правомъ полученія въ будущемъ этого достоинства. Это, безъ сомнѣнія, весьма полезно будетъ для супрасльскаго монастыря. А потому рекомендую его вамъ и усердно прошу быть единомышленными со мною въ этомъ дѣлѣ. Отецъ Маковецкій знаетъ, въ чемъ заключается выгода монастыря, и потому, когда будетъ несомнѣнно увѣренъ въ наградѣ за свои труды, еще охотнѣе и усерднѣе будетъ для него трудиться. А такъ какъ выгоды общества монастырскаго одинаковы съ выгодами Ходкевичей, какъ фундаторовъ, то я надѣюсь на этоже общество, что оно захочетъ сообразоваться съ благожеланіями фундаторскими,

особенно въ томъ случаѣ, когда идетъ дѣло о пользахъ тогоже монастыря. Отдаю это на добрую волю всего общества и настоящее письмо мое пишу съ тою цѣлію, чтобы рекомендовать о. Маковецкаго. Въ преданности общества къ Ходкевичевскому дому я не сомнѣваюсь, а потому не сомнѣваюсь и въ томъ, что оно охотно согласится на мои желанія. Съ обычнымъ почтеніемъ остаюсь супрасльскаго общества нижайшая послушница Людвика Ходкевичева.“ Но когда не послѣдовало на это никакого отвѣта, а между тѣмъ, 17 и 18 маія, когда рѣзня русскихъ съ поляками происходила на улицахъ Варшавы, Маковецкій снова заботился о безопасности Ходкевичевой; тогда попечительница написала письмо къ супрасльскому архимандриту — Вислоцкому о выдачѣ согласія на учрежденіе викаріатства для Маковецкаго,— и письмо къ луцкому епископу— Левинскому объ уступкѣ Маковецкому своей пенсіи. Презенту на викаріатство, письмо въ Вислоцкому и копію письма къ Левинскому, она послала Маковецкому для передачи ихъ въ Супрасль. Маковецкій самъ хотѣлъ отвезти ихъ, и просилъ Вислоцкаго дозволить ему пріѣхать въ Супрасль по важнымъ дѣламъ. Но ему отказано въ этомъ. Тогда означенные дукументы переданы чрезъ руки одного помѣщика настоятелю гродненскаго монастыря, архимандриту Корнилію, для врученія Вислоцкому. По полученіи ихъ, собрана въ трапезу братія и предъ ними прочитано слѣдующее письмо Людвики Ходкевичевой Вислоцкому отъ 26 маія 1794 года. „Высокоблагородный отецъ архимандритъ и любезный благодѣтель! Въ настоящихъ обстоятельствахъ, выгоды архимандритства и всего супрасльскаго общества требуютъ частыхъ и трудныхъ заботъ, для облегченія которыхъ необходимо нужно, чтобы вы избрали себѣ помощника, который знаетъ хорошо выгоды супрасльскаго монастыря. Я не вижу способнѣйшаго помощника для васъ, какъ достопочтеннаго отца Георгія Маковецкаго, варшавскаго игумена, котораго вы хвалили со времени вступленія его въ свою должность, потому что онъ наилучше знаетъ, что полезно этому монастырю. Чтобы лучше заохотить его къ большимъ трудамъ и заботамъ, я опредѣлила выдать ему презенту на коадъюторство архимандритства, съ правомъ въ будущемъ получить самое архимандритство, и въ надеждѣ, что вы, почтеннѣйшій господинъ, согласитесь со мной, я подписала эту презенту. Я знаю вашу преданность къ Ходкевичевскому дому, знаю

вашу ревность о благѣ супрасльской обители, а потому не сомнѣваюсь, что вы отвѣтите согласно моимъ желаніямъ. Достойныя свойства отца Маковецкаго хорошо вамъ извѣстны и не могутъ возбудить въ васъ никакого подозрѣнія. Смѣло увѣряю васъ, что онъ не только преданъ супрасльскому монашеству, но и вамъ съумѣетъ быть благодарнымъ. Усердно рекомендую вамъ его и увѣрена, что не откажете мнѣ въ своей услужливости, принявши представляемаго мною, и торжественность, основанную на правѣ, какъ можно скорѣе восполните своею попечительностію и стараніемъ, представите доказательство преданности ко мнѣ, на которую полагаясь, остаюсь съ должнымъ почтеніемъ, достопочтеннаго господина, любезнаго благодѣтеля— нижайшая послушница Людвика Ходкевичева. P. S. Копія моего письма къ о. епископу Левинскому, здѣсь прилагаемая, пусть удостовѣритъ васъ, милостивый государь, и все супрасльское общество, что, хотя я даю презенту Маковецкому на коадъюторство, но не съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать обиду вамъ, милостивый государь, потому что эта презента будетъ имѣть силу для него только послѣ долгой вашей жизни.“ За тѣмъ, прочитано было письмо Ходкевичевой къ епископу Левинскому отъ 26 августа тогоже года слѣдующаго содержанія: „Обстоятельство настоящаго письма моего къ вамъ, почтеннѣйшій господинъ благодѣтель, я увѣрена, доставитъ вамъ давно ожидаемое удовольствіе. Увѣдомляю васъ, что настало то время, въ которое я, принимая во вниманіе полезныя заботы о супрасльскомъ монастырѣ, подписала презенту на коадъюторство супрасльскаго архимандритства особѣ отца Георгія Маковецкаго и сдѣлала все, что относится къ этому дѣлу. Сдѣлавши это по означенной причинѣ, я также надѣюсь, что и вы, почтеннѣйшій господинъ благодѣтель, присоединитесь къ этому моему желанію, и такъ какъ о. Маковецкій болѣе десяти лѣтъ при васъ трудился и теперь вамъ услуживаетъ, то вы уступите ему фундушъ и всю трехтысячную пенсію, которую вы доселѣ получали отъ супрасльскаго монастыря. Надѣюсь, что по уваженію и чувству вашему къ нему уступите эту пенсію. О чемъ усердно прося васъ, остаюсь съ почтеніемъ.“ Все братство весьма было возмущено этимъ небывалымъ требованіемъ попечительницы и домогательствомъ Маковецкаго. Учредить викаріатство тоже, что имѣть двухъ настоятелей, или новаго настоятеля, при жизни прежняго, тогда какъ по правиламъ, монахи избирали архиман-

дрита новаго только послѣ смерти прежняго. Рѣшено было торжественно отказать попечительницѣ въ проектѣ. Вислоцкій написалъ къ ней письмо слѣдующаго содержанія; „Ясне-вельможная госпожа благодѣтельница! Хотя въ своемъ письмѣ ко мнѣ извѣщаете, что подписали презенту на коадъюторство (помощничество) отцу Георгію Маковецкому, теперешнему варшавскому игумену, но поелику это сдѣлано противъ правъ супрасльскаго монастыря, которыя, по моей присягѣ, я долженъ охранять, и которыя въ такомъ видѣ не были нарушаемы ни однимъ моимъ предшественникомъ и никѣмъ изъ почтенныхъ фундаторовъ, а напротивъ свято сохраняемы были: то я честь имѣю увѣдомить почтеннѣйшую благодѣтельницу, что эта презента, какъ не согласная съ правами, подтверждавшимися въ теченіи около 200 лѣтъ присягою самими фундаторами, не можетъ имѣть нигдѣ никакой силы. А потому, да благоволитъ почтеннѣйшая госпожа благодѣтельница уговорить отца Георгія, чтобы и онъ не шелъ противъ этихъ правъ и противъ данной имъ присяги сохранять ихъ,— а особенно, если онъ получилъ презенту, пусть бы ее возвратилъ, потому что я никакъ не могу допустить, чтобы, при моей жизни, насталъ такой обычай, какого не было при моихъ предшественникахъ. А при томъ, ни время, ни права, ни обстоятельства не позволяютъ, чтобы въ Супраслѣ было два архимандрита. Донося объ этомъ почтеннѣйшей госпожѣ благодѣтельницѣ и предавая себя драгоцѣннымъ вашимъ милостямъ, остаюсь, съ должнымъ почтеніемъ, нижайшій слуга Θеодосій Вислоцкій, архимандритъ супрасльскій. Данъ въ Супраслѣ 2-го августа 1794 года.“ Для большей силы и торжественности, этотъ отвѣтъ 6-го августа былъ заявленъ въ гродненскомъ земскомъ судѣ. Узнавъ объ этомъ, Ходкевичева чрезъ разныхъ лицъ высказывала свое неудовольствіе на Вислоцкаго и побудила своего сына, Александра Ходкевича, маіора милиціи 3-го округа въ Варшавѣ, написать къ Вислоцкому письмо. Онъ дѣйствительно писалъ къ нему: „Съ большимъ моимъ удовольствіемъ я отдалъ презенту на коадъюторство супрасльскаго архимандритства отцу Маковецкому, подписанную моею матерью, думая, что подпись на презентѣ и рекомендательное письмо матери къ вамъ, расположитъ васъ въ пользу ея ходатайства, а потому я утѣшался, что все пойдетъ безъ противодѣйствія такому почтенному отцу, котораго хорошо знаетъ супрасльское общество, о честности и высокомъ характерѣ котораго

нимально не слѣдовало бы сомнѣваться, который пріобрѣлъ столько уваженія между дворянами, что избранъ коммиссаромъ варшавской управы благочинія и въ ней председательствуетъ. А потому, надѣюсь, что душевныя расположенія ваши и супрасльскаго общества, для котораго понесъ онъ столько трудовъ, особенно во время народнаго повстанья, будутъ такъ настроены, что въ непродолжительное время будетъ мнѣ прислано согласіе на супрасльское коадъюторство. Этого согласія я ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ, будучи увѣренъ, что вы захотите обязать меня къ усугубленію уваженія, которое оказываю, и съ которымъ всегда быть желаю. Достопочтеннаго отца благодѣтеля нижайшій слуга А. Ходкевичъ." Супрасльскій архимандритъ того же мѣсяца августа 1794 года отвѣчалъ Ходкевичу: „Ясне-вельможный благодѣтель! На письмо ваше, которое первый разъ съ великимъ удовольствіемъ честь имѣлъ я получить, не могу ничего другаго сказать, какъ то, что я писалъ къ почтеннѣйшей нашей фундаторкѣ, матери вашей. Копію этого письма я при семъ прилагаю. Для объясненія причинъ, по которымъ я не могу удовлетворить вашему желанію, я посылаю въ копіи относящіяся къ этому случаю фундаторскія права, утвержденныя вашими предшественниками подъ присягою. А потому извиняюсь, что, на основаніи этихъ правъ, утвержденныхъ присягою фундатаровъ и моею собственною, не могу выдать достойному отцу Георгію Маковецкому согласія на коадъюторство супрасльскаго архимандритства, котораго доселѣ не было въ обычаѣ. А какъ предшественники вами, установивши для насъ фундушъ, этотъ же фундушъ содержали и берегли ненарушимымъ, какъ зѣницу ока, такъ надѣюсь, что и вы, почтеннѣйшій господинъ благодѣтель, подражая своимъ предкамъ, не только теперь, но и послѣ не захотите нарушать ихъ, и будете ихъ охранять. Въ чемъ полагая несомнѣнную надежду, защищая фундаторскія права съ моими монахами, и умоляя Бога о добромъ здоровьѣ и о счастливыхъ успѣхахъ вашихъ, остаюсь съ почтеніемъ нижайшій слуга Ѳеодосій Вислоцкій." Маковецкій, послѣ долгаго молчанія, счелъ нужнымъ оправдаться во взводимыхъ на него подозрѣніяхъ. Онъ писалъ Вислоцкому, что онъ нисколько не искалъ презенты, а если присылалъ ему документы на коадъюторство, то долженъ былъ это сдѣлать потому, что Ходкевичева, въ благодарность за охраненіе ея во время варшавской революціи, непремѣнно хотѣла вознагра-

дить его. Никакого нѣтъ грѣха, если фундаторша рекомендуетъ его Супраслю. Она имѣетъ на это право. Супрасльское общество напрасно волнуется. Какое зло можетъ сдѣлать Супраслю презента, когда ее не признали? Нѣтъ нужды мнѣ угрожать, потому что все въ вашей волѣ. Не смотря на это письмо, 3 апрѣля 1795 года, въ земскихъ актахъ повѣта Волковыскаго заявленъ судебный протестъ супрасльскаго братства противъ Георгія Маковецкаго, состоящій въ томъ, что „почтенный отецъ Маковецкій, варшавскій игуменъ, обвиняется въ нарушеніи высокихъ правъ супрасльскаго монастыря, касающихся настоящаго случая и установленныхъ фундаторами. Въ 1794 году, мѣсяца мая, по старому календарю, онъ самъ принялъ ихъ всенародно, въ супрасльской церкви, въ присутствіи пречестныхъ и достопочтенныхъ отцовъ старцевъ тойже лавры, съ соглясія бывшаго тогда намѣстника архимандритства, отца Іеронима Медзевскаго и добровольно произнесъ три монашескіе обѣта: нищеты, чистоты и святаго послушанія, и вмѣстѣ, согласно буллѣ Венедикта XIV, четвертый обѣтъ пребыванія въ тойже обители и твердаго храненія ея правъ. А теперь, онъ безчестно попралъ эти права, потому что вынудилъ попечительницу нашу, Людвику Ходкевичеву изъ рода Ржевусскихъ, дать ему презенту на супрасльское коадъюторство. Такого случая отъ начала этого монастыря до сихъ поръ у насъ никогда не бывало, чтобы при жизни настоящаго архимандрита, и безъ законнаго избранія братіи, получать презенту на супрасльское коадъюторство. Александръ Ходкевичъ въ 1533 году, 30 декабря установилъ слѣдующія правила касательно супрасльскаго архимандритства: „А коли у нихъ игумена Богъ зберетъ, ино отцы и братія тогожъ монастыря сами зъ межи себе маютъ обобрати годнаго отца на тую игуменію, который бы умѣлъ справоватися подле принятого уставу ихъ, а когда бы межи себе такою на онъ часъ не мѣли, то въ иномъ монастыри найдовати маютъ“ и проч. А въ 1632 году, 3-го марта, въ Варшавѣ, между Христофоромъ Ходкевичемъ, Митрополитомъ Вельяминомъ Рутскимъ и Герасимомъ Великонтіемъ, супрасльскимъ архимандритомъ, въ присутствіи апостольскаго нунція, состоялись условія, въ которыхъ, подъ №. 4, сказано: „А по смерти игумена, монахи избираютъ къ этой должности, изъ среды себя, другаго брата, способнаго и достойнаго этого дара. Избраннаго представляютъ фундатору и преемникамъ его. А фун-

даторъ представляетъ его къ почтеннѣйшему митрополиту архіепископу для посвященія и поставленія." Въ 1740 году, 8-го генваря, заключено было монастыремъ съ фундаторомъ Адамомъ Ходкевичемъ и, чрезъ него, съ его преемниками, еще новое условіе, утвержденное въ 1741 году 1 февраля папою Венедиктомъ XIV. Все это Маковецкій презрѣлъ и заслужилъ наказаніе по законамъ монашескимъ и мірскимъ. А потому монашествующіе подали этотъ протестъ, чтобы уничтожить выданную презенту, охранить фундушовыя и утвержденныя присягою права и подвергнуть законному наказанію этого гордаго наглеца и нарушителя нашего покоя." Маковецкій былъ пораженъ столь дурнымъ исходомъ затѣяннаго имъ дѣла. Однако все-таки надѣялся, посредствомъ вліятельныхъ лицъ, достигнуть желаемаго. Братія еще безпокоилась, какъ бы не были нарушены права монастыря и какъ бы кто нибудь не подумалъ, что они согласны имѣть Маковецкаго своимъ викаріемъ, если бы позволено было имъ свободно высказаться. Потому, для устраненія недоразумѣній, 21 апрѣля 1795 года, подали архимандриту Вислоцкому прошеніе, въ которомъ выразили единодушное обѣщаніе охранять древнія права монастыря, не допускать въ монастырѣ коадъюторства, не признавать выданной Маковецкому презенты, но считать его одного своимъ отцемъ и настоятелемъ. Какъ ни усиливалась Ходкевичева достигнуть своего желанія, но дѣло это прекратилось, по случаю кончины варшавскаго игумена Маковецкаго. Таково было состояніе супрасльскаго монастыря предъ послѣднимъ раздѣломъ Польши. Съ присоединеніемъ бѣлостокской области къ Пруссіи, и въ супрасльскомъ монастырѣ послѣдовало много перемѣнъ въ его состояніи и управленіи, потому что его имѣнія отобраны были въ казну и въ немъ учреждена была супрасльская епархія, которая, по присоединеніи Бѣлостокской области къ Россійской имперіи, уничтожена.

Состояніе супрасльскаго монастыря со времени присоединенія Бѣлостокской области къ Пруссіи.

По послѣднему раздѣлу Польши, Бѣлостокская область, въ которой находился супрасльскій монастырь, въ 1795 году, присоединена къ Пруссіи. Монастырскія деревни Хворостово и Пу-

жицы остались за Россiей, а прочiя деревни, земли и угодiя, кромѣ монастырской усадьбы, занятой монастыремъ, двумя садами и огородомъ, на пространствѣ 5 десятинъ 1248 квадратныхъ саженей, по распоряженiю прусскаго правительства, въ 1796 году, обращены въ казну, съ денежнымъ вознагражденiемъ за это. Фундаторша монастыря Людвига Ходкевичова, оставшаяся на русской землѣ, хлопотала чрезъ своихъ повѣренныхъ возвратить монастырскiя имѣнiя себѣ, но не успѣла въ этомъ. Супрасльскiй монастырь съ своей стороны старался удержать за собою бывшiя имѣнiя и 24 декабря 1796 года подалъ королю прусскому слѣдующее прошенiе: „Свѣтлѣйшiй король-государь, милостивый нашъ государь! Вашею королевскою декларацiею отъ 8 iюля сего 1796 года опредѣлено взять духовныя имѣнiя въ правительственное управленiе. Восхваляя это опредѣленiе, декларацiя требуетъ вѣрнаго и откровеннаго исчисленiя всѣхъ доходовъ нашего монастыря. Исполнивши монаршее повелѣнiе, мы подвергаемъ нижайшую нашу просьбу къ подножiю престола, которымъ управляетъ одно только милосердiе короля. Просьба эта состоитъ въ слѣдующемъ. Супрасльскiй монастырь получилъ свое начало около 1505 года. Щедротами своихъ фундаторовъ Ходкевичей, онъ владѣлъ наданными селами и землями для содержанiя лицъ своего общества, и славился преемственнымъ покровительствомъ ихъ надъ собою и этимъ имѣнiемъ. Доказательствомъ тому служатъ первоначальныя фундушевыя записи, выговоренныя тѣми же основателями монастыря и утвержденныя привилегiями свѣтлѣйшихъ королей польскихъ. Теперь же, по волѣ и повелѣнiю вашего королевскаго величества, этотъ монастырь со всѣмъ вышеписаннымъ имѣнiемъ поступаетъ въ правитетьственное управленiе. Лишившись всего, монастырь твердо надѣется, что, по великодушной щедротѣ всемилостивѣйшаго короля, ему будетъ назначено соотвѣтственное денежное вознагражденiе. Однако, да позволено будетъ монастырю вѣрнѣйшимъ образомъ изобразить свое состоянiе и положенiе, чтобы оправдать свое желанiе владѣть вышеозначеннымъ имѣнiемъ. А именно, этотъ монастырь издавна былъ главнымъ мѣстомъ монашескаго образованiя, и отчасти образованiя свѣтскаго духовенства грекоунитскаго обряда. Тѣмъ болѣе теперь, подъ владычествомъ вашего королевскаго величества, онъ можетъ быть весьма приличнымъ мѣстомъ для такого образованiя, потому что, по проведенiи границы, оставшiеся

въ здѣшнихъ округахъ свѣтское духовенство грекоунитскаго обряда, не имѣя доступа къ нашимъ образовательнымъ заведеніямъ (алюмнатамъ) и общенія съ семинаріями, находящимися въ нѣкоторыхъ епархіяхъ за границею, не имѣетъ возможности на собственные скудные фундуши пріобрѣтать свѣдѣнія въ наукахъ, нужныхъ для духовнаго сословія и по необходимости должно прибѣгать къ образовательному заведенію своего обряда. Въ этомъ мы охотно обѣщаемъ услугу обществу и готовы содержать въ школѣ на свой счетъ столько лицъ, сколько признаетъ это нужнымъ высочайшая воля вашего королевскаго величества, лишь бы, для этой цѣли, мы могли удержать въ цѣлости монастырское имѣніе. Притомъ, этотъ монастырь долженъ содержать не меньше 25 человѣкъ монашества своего общества. Такъ, согласно съ своими правами, онъ долженъ имѣть пожизненнаго начальника архимандрита, намѣстника и трехъ совѣтниковъ, которые помогали бы архимандриту во внутреннемъ и внѣшнемъ управленіи монастыря, въ соблюденіи строгаго монастырскаго порядка, а въ его отсутствіи заступали бы его мѣсто. Кромѣ того долженъ имѣть двухъ профессовъ, для обученія монашескихъ послушниковъ и двухъ проповѣдниковъ церковныхъ, для поученій и проповѣдей народу, который собирается въ воскресные и праздничные дни, и 16 другихъ монаховъ для монастырскихъ потребностей, для отправленія еженедѣльнаго богослуженія, сообразно фундушевымъ и позднѣйшимъ установленіямъ и опредѣленіямъ, и для духовныхъ услугъ людямъ латинскаго и греко-унитскаго обряда; ибо хотя этотъ монастырь не имѣетъ отдѣльнаго прихода изъ своихъ имѣній, но посредствомъ монашескихъ лицъ помогаетъ мірскимъ священникамъ въ исполненіи требъ въ тѣхъ селахъ, которыя находятся недалеко отъ монастыря и далеко отъ своихъ церквей. Позднѣйшими фундаторами подарены монастырю еще двѣ резиденціи—варшавская и кузницкая, въ которыхъ, по волѣ тѣхъ же основателей, должно жить и молиться о спасеніи душъ по 4 монаха. Супрасльскій монастырь обязанъ заботиться, чтобы означенныя лица всегда были въ этихъ резиденціяхъ и получали отъ него свое содержаніе. Кромѣ двухъ означенныхъ резиденцій, принадлежащихъ монастырю, по опредѣленію строителей, въ управленіе супрасльскаго архимандрита отданъ еще монастырь, находящійся въ мѣстечкѣ Дрогичинѣ. Въ этомъ монастырѣ также живутъ 4 монаха и туда, подобно первымъ двумъ, монастыр-

обязанъ посылать монаховъ, въ случаѣ смерти кого нибудь изъ живущихъ въ немъ. Всѣхъ означенныхъ монаховъ монастырь долженъ кормить и одѣвать. Между тѣмъ, резиденція варшавская не имѣетъ никакого фундуша и земельной записи, и потому должно высылать туда все нужное. А резиденція кузницкая, по причинѣ малаго земельнаго фундуша, получаетъ и мало дохода, потому что, по нынѣшней правительственной люстраціи, доходъ означенъ въ 1200 злотыхъ, и въ неурожайные годы онъ обязанъ помогать этой резиденціи. На все это мы просимъ милостиваго воззрѣнія вашего королевскаго величества. Наконецъ, этотъ монастырь, по своему положенію въ лѣсу, отдаленъ отъ селъ и городовъ, нуждается въ слугахъ и ремесленникахъ, безъ которой ни одинъ человѣкъ обойтись не можетъ. Для поддержанія каменныхъ и другихъ строеній также требуется не мало расходовъ. Подробно описавъ наши нужды, осмѣливаемся объявить, что хотя съ этихъ имѣній мы получаемъ такъ мало доходовъ, что ихъ едва достаточно для уплаты государственныхъ податей; но, по показаннымъ причинамъ, мы старались бы удовлетворять и означеннымъ нуждамъ. Мы крѣпко надѣемся, что это искреннее указаніе нашихъ нуждъ и состоянія возбудитъ состраданіе въ чувствительномъ и заботливомъ сердцѣ вашего королевскаго величества, милостиваго нашего государя, надъ участью вашихъ вѣрноподданныхъ. Если бы намъ пришлось довольствоваться однимъ назначеннымъ вознагражденіемъ, въ случаѣ отобранія имѣній, мы очутились бы въ самомъ печальномъ положеніи,— такъ какъ, по отдаленности селъ и мѣстечекъ, мы не могли бы достать себѣ столько необходимыхъ, жизненныхъ припасовъ, сколько можемъ имѣть ихъ съ фольварковъ. А потому у ногъ вашего величества слагаемъ всепокорнѣйшую нашу просьбу ненарушимо оставить при насъ имѣнія, которыми мы доселѣ владѣли. Если мы, по милости величайшаго короля, получимъ это, то именемъ цѣлаго общества нашего обязываемся непрестанно молить Бога о вашемъ нерушимомъ здравіи и долголѣтнемъ, счастливѣйшемъ царствованіи. Вашего королевскаго величества, нашего милостиваго государя, вѣрноподданные и богомольцы!!.. Но правительство прусское не вняло просьбамъ монастыря. Вмѣсто того оно, въ началѣ 1798 года, предложило имъ вознагражденіе за имѣнія 2233 рейхсъ-талера и 76 прусскихъ грошей. Монастырь скромно возражалъ, что этой суммы недостаточно для удовлетворенія его нуждамъ. Снова крат-

ко перечисливши эти нужды и расходы, монахи, наконецъ, предаются волѣ правительства. Послѣ этого на содержаніе монастыря опредѣлено было въ годъ по 2333 талера и 45 прусскихъ грошей и 75 саженей и 4 воза дровъ на отопленіе. Съ этого времени монастырь постепенно бѣднѣлъ, не смотря на учрежденіе въ немъ резиденціи супрасльской епархіи.

Учрежденіе супрасльской епархіи.

До послѣдняго раздѣла Польши, уніатскихъ епархій было 9-ть: 1) митрополія, или архіепископство кіевское и галицкое; 2) архіепископство полоцкое; 3) епископство владимірское и брестское, или прототронія митрополіи; 4) епископство луцкое и острогское, или екзархатъ митрполіи; 5) епископство львовское; 6) архіепископство смоленское; 7) епископство холмское и бѣльское; 8) епископство перемышльское и самборское; 9) епископство пинское и туровское.

Послѣ раздѣла Польши, въ части, присоединенной къ Россіи, изъ разныхъ уніатскихъ епархій оставлены: архіепископство полоцкое для уніатовъ живущихъ въ бѣлорусской губерніи,— епископство брестское для губерній Литовской и Минской, и епископство луцкое для другихъ губерній. Архіепископомъ полоцкимъ былъ Ираклій Лисовскій, епископомъ брестскимъ— Арсеній Гловневскій, а епископомъ луцкимъ, по прежнему, Стефанъ Левинскій (*).

Въ присоединенной къ Пруссіи бѣлостокской области прусское правительство рѣшилось учредить одно римско-католическое и одно уніатское епископства и завело объ этомъ переписку съ папой. Папѣ непріятно было подобное учрежденіе. Онъ, безъ сомнѣнія, опасался усиленія протестантства въ присоединенной области и думалъ, что непосредственное его управленіе тамошними духовными дѣлами предупредитъ это. Но, съ другой стороны, нельзя было не уважить и мнѣнія кардиналовъ папской конгрегаціи и прежнихъ епископовъ отошедшей къ Пруссіи области, которые считали полезнѣйшимъ отдать управленіе епархіальными дѣлами мѣстнымъ епископамъ съ тѣмъ, впрочемъ, чтобъ они непосредственно

(*) Указъ 28 маія 1798 года. См. Dzieje Dobroczyn. 1823 roku № 12 kart. 439.

зависѣли отъ папы. Папа согласился на требованія прусскаго правительства. Въ декабрѣ 1797 года, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ послалъ указъ плоцкому латинскому епископу, Онуфрію Шембеку, въ которомъ, между прочимъ, установляетъ:..... „Новое греко-уніатское епископство имѣетъ быть составлено изъ уніатско-греческихъ епархій, причисленныхъ къ нашимъ владѣніямъ: радомысльской и брестской, въ которыхъ и лежитъ Супрасль, и которые прежде принадлежали къ архіепископству радомысльскому или кіевскому, что одно и тоже. Теперь супрасльское епископство будетъ самостоятельнымъ подъ властію апостольской столицы." Рѣшеніе на данные запросы касательно уніатскаго епископства епископъ плоцкій Шембекъ поручилъ супрасльскому архимандриту Вислоцкому и прислалъ ему самое опредѣленіе изъ Рима, отъ 7 октября 1797 года, между прочимъ, слѣдующаго содержанія:" Святѣйшій господинъ Пій, божественнымъ провидѣніемъ папа VI.... Вслѣдствіе представленія почтеннѣйшихъ кардиналовъ священной конгрегаціи, а равно, по выслушаніи просьбъ предстоятелей означенныхъ каѳедръ, принимая во вниманіе перемѣнчивость человѣческихъ дѣлъ, благосклонно согласился опредѣлить, чтобы изъ частей вышеозначенныхъ діэцезій (епархій) русско-уніатскаго обряда учреждено было новое епископство тогоже обряда, въ городѣ (civitate) Супраслѣ, коего предстоятели (епископы) должны непосредственно зависѣть отъ апостольскаго сѣдалища" (*). Въ 1798 году окончательно учреждена супрасльская епархія, до сего же времени управлялъ этими частями разныхъ епархій архіепископъ Ираклій Лисовскій чрезъ Ѳеодосія Вислоцкаго, которому, по этому случаю, кромѣ архимандритства, присвоено званіе официала и администратора епархіи.

Изложимъ теперь ходъ епархіальныхъ дѣлъ въ Супраслѣ по оставшимся документамъ.

Прусское правительство прежде всего потребовало точныхъ свѣденій о всѣхъ дѣлахъ уніатскаго духовенства. Дѣлать что либо безъ его вѣдома считалось преступленіемъ. На первыхъ порахъ Вислоцкій долженъ былъ вытерпѣть въ этомъ отношеніи

(*) Монаст. докум. и Dzieje Dobroczynności R. 1823, № 12, kart. 440.

грозный гнѣвъ правительства по слѣдующему дѣлу. Къ голынской церкви принадлежала приписная перстунская церковь. Въ 1795 году Юндзиловичъ, гродненскій подкоморій и владѣтель мѣстечка Годынки, еще въ прежніе годы завелъ дѣло объ отнятіи нѣкоторыхъ имѣній у голынскаго прихода и о причисленіи ихъ къ перстунской часовнѣ. Гродненская консисторія, подъ властію которой состояли въ то время голынская церковь и перстунская каплица (въ это время эта околица не принадлежала еще Пруссіи), опредѣлила разслѣдовать жалобу Юндзиловича. Присланные для этого коммиссары, пригласивъ обѣ стороны, разобрали всѣ документы и начали розыскъ безъ всякаго сопротивленія со стороны перстунскаго владѣльца и священника Арцимовича. По окончаніи розыска, послѣдовало рѣшеніе консисторіи, чтобы села, незаконно отнятые у голынскаго прихода, были ему возвращены, а священнику Арцимовичу запрещено священнодѣйствіе за пребываніе въ Перстунѣ безъ вѣдома и позволенія начальства. Это рѣшеніе прочитано было народу въ голынской церкви, во время богослуженія, и копія его была сообщена священнику Арцимовичу. Если бы перстунскій дворъ или священникъ Арцимовичъ считали себя обиженными этимъ рѣшеніемъ, то имъ слѣдовало обратиться въ Супрасль къ духовному начальству, учрежденному прусскимъ правительствомъ, и имъ оказана былабы должная справедливость. Но перстунскій владѣтель и фундаторъ этой церкви, желая держать у себя незаконно присвоившаго себѣ приходъ священника Арцимовича, обратился съ жалобою на Вислоцкаго къ прусскому правительству, которое, 16 марта 1796 года, не изслѣдовавъ дѣла, предписало архимандриту не только оставить священника Арцимовича при перстунскомъ приходѣ и объявить это рѣшеніе народу съ амвона, но, безъ дозволенія правительства, не дѣлать никакой перемѣны въ этомъ приходѣ. „Мы надѣемся, прибавлено въ указѣ по этому предмету, что маіоръ Ротъ (начальникъ округа перстунскаго) поступитъ согласно приказу и объявитъ объ этомъ супрасльскому архимандриту и священнику голынскому Кояловичу въ предостереженіе, подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ высочайшимъ прусскимъ правительствомъ.“ Ну что было покориться волѣ правительства; но архимандритъ Вислоцкій все таки счелъ своимъ долгомъ объяснить правительству дѣло, какъ оно есть. Онъ просилъ камеральную администрацію принять во вниманіе, что, будучи официаломъ и за-

ступая мѣсто митрополита, онъ обязанъ, по должности своей, наблюдагь за духовенствомъ, чтобы послѣднее не выходило изъ предѣловъ чести и долга, и наблюдать, чтобы священники чужихъ епархій, неизвѣстные правительству, не занимали мѣстъ при церквахъ. Обвиненный священникъ Арцимовичъ вовсе не извѣстенъ правительству, а между тѣмъ проживалъ самовольно въ Перстунѣ. Будучи позванъ въ супрасльскую консисторію, онъ не явился, отговариваясь какою-то резолюціею, добытою имъ самимъ, или перстунскимъ дворомъ у камеральной коммиссіи. И потому Вислоцкій надѣялся, что правительство прусскаго короля, основанное на правилахъ справедливости, приметъ во вниманіе его объясненіе, и дастъ резолюцію, согласную его желанію." 20 декабря тогоже года правительство поручило Вислоцкому, вмѣстѣ съ директоріею циркула, сдѣлать розыскъ этого спора между голынскимъ и и перстунскимъ приходами, и дѣло кончилось по желанію Вислоцкаго; перстунскій приходъ снова присоединенъ въ голынской церкви.

9-го августа тогоже года прусскій король потребовалъ отъ Вислоцкаго свѣденій о количествѣ церквей, монастырей и другихъ греко-унитскихъ учрежденій, находящихся во вновь присоединенномъ краѣ, также, къ какому епископскому округу принадлежали уніаты до того времени, т. е. до 1796-го года, и какое духовное начальство ихъ находится въ теперешнихъ владѣніяхъ. Вислоцкій, 14 февраля 1798 года, послалъ правительству означенныя вѣдомости. Къ сожалѣнію, копій этихъ вѣдомостей не сохранилось въ актахъ монастырскихъ. Есть только донесеніе о количествѣ благочиній и приходовъ съ церквами, перешедшихъ къ прусскимъ владѣніямъ изъ брестской и митрополитской епархій. Отъ 9 марта тогоже года, администраторъ епархіи Вислоцкій донесъ въ прусскую камеру, что часть брестской епархіи, состоящая изъ 37 церквей, не можетъ быть сосредоточена подъ управленіемъ одного благочиннаго Ивана Малишевскаго, въ вѣденіи котораго находится 20 церквей, а потому онъ учредилъ еще дрогочинское благочиніе, къ которому причислилъ двѣ церкви, находящіяся въ Мельникахъ и принадлежавшія прежде мельницкому благочинію, и 17 близъ лежащихъ церквей. Дрогичинскимъ благочиннымъ назначилъ онъ священника Георгія Верниковскаго. Распредѣленіе благочиній слѣдующее: *Благочиніе Бѣльское:* Наревъ, Кленики, Пасынки, Орля, Сезыты, Чижево, Лосинка, Березово, Дубичи,

Клещели съ двумя церквами, городъ Бѣльскъ съ четырьмя церквами. *Благочиніе Дрогичинское:* Косна, Боцьки, Андріянки, Брянскъ, Малеше, Ходышево, Высокое—Мазовецкое, Семятичи, Мельники, съ двумя церквами, Жерчицы, Журобицы, Дрогичинъ, Наройки, Гродзиско, Чорна и Цехановецъ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ остались три села, принадлежавшіе прежде къ сасиновскому приходу, а теперь вошедшіе въ русскую границу, именно: Снѣшки, Бѣльки и Калечице. Эти села не причислены ни къ какому приходу. Калѣчице и Снѣшки въ ближайшемъ разстояніи отъ церкви въ Волькѣ, а Бѣльки находятся недалеко отъ приходской церкви въ Косной. Эти села слѣдовало бы присоединить къ означеннымъ церквамъ. Въ м. Немировкѣ, на самой границѣ, находится 15 домовъ русскаго (уніатскаго) исповѣданія, которые принадлежали къ приходской гнѣинской церкви, находящейся теперь въ Галиціи. Эти дома должны быть присоединены къ мельникской церкви, и Вислоцкій поручилъ ихъ мельникскому настоятелю до времени, пока послѣдуетъ объ нихъ рѣшеніе. Въ части гродненскаго благочинія осталось нѣсколько селъ отъ кринской церкви, вошедшей въ русскій кордонъ. Эти села находятся въ ближайшемъ разстояніи отъ церкви въ Островѣ. Посланный Вислоцкимъ туда благочинный получилъ отъ мірскаго схода письменный приговоръ, которымъ обѣщается починить церковь, построить дома для причта и помочь причту въ засѣвахъ. Этотъ приговоръ Вислоцкій сообщилъ въ крейсъ-директорію. На вопросъ правительства, въ какомъ состояніи находятся сельскія школы, гдѣ онѣ находятся, гдѣ прежде были и почему уничтожены, Вислоцкій донесъ, что, по разслѣдованіи оказалось, что никакихъ сельскихъ школъ нѣтъ и не было, по причинѣ скудости фундушовъ, едва достаточныхъ для содержанія священниковъ съ ихъ семействами. Правительство требовало также донесть: есть ли въ новомъ прусскомъ краѣ миссіонерскія заведенія и домы? Вислоцкій донесъ, что такихъ домовъ уніатскаго исповѣданія вовсе нѣтъ. Только въ дрогичинскомъ базильянскомъ монастырѣ, подчиненномъ Супраслю, была назначена резиденція для миссіи, но по недостатку фундуша она не была окончательно устроена, базильянскій домъ для миссіи находится также въ Бѣлой, въ имѣніяхъ князей Радзивилловъ, находящихся теперь въ прусскомъ кордонѣ. Миссіонеры эти должны были проповѣдывать въ своемъ краѣ, пока не были отозваны высшимъ духовнымъ начальствомъ.

Послѣ этого никакихъ отдѣловъ по благочиніямъ для подобныхъ миссій не было. Но, хотя миссій нѣтъ, каждый монахъ или приходскій священникъ обязанъ въ своемъ мѣстѣ проповѣдывать слово Божіе и учить народъ вѣрѣ и нравственности. Заграничныхъ проповѣдниковъ тоже нѣтъ, и для нихъ не отведены участки по благочиніямъ. Вмѣсто уніатскихъ русскихъ миссіонеровъ, безпрепятственно могутъ заниматься проповѣдью миссіонеры латинскаго исповѣданія; потому что греко-уніатское русское исповѣданіе, исключая нѣкоторыхъ обрядовъ и обычаевъ, въ правилахъ вѣры согласно съ латинскимъ, и латинскіе приходы состоятъ изъ послѣдователей обоихъ исповѣданій.

2 Декабря 1796 года, правительство объявило слѣдующее постановленіе: 1) Безъ его вѣдома никто не можетъ получить какую либо духовную бенефицію. 2) Когда большое настоятельство или большая бенефиція соединена съ какимъ либо саномъ, какъ-то: епископа, архимандрита и каноника при каѳедрѣ, то объ этомъ давать знать. 3) Вѣрно представлять, какіе доходы доставляютъ бенефиціи, и назначены ли они только для предшественника, или и для преемника. 4) Чтобы можно было узнать достоинство домогающагося бенефиціи, для того необходимо надлежащимъ образомъ описать его жизнь, по крайней мѣрѣ, напримѣръ, онъ долженъ отвѣчать на слѣдующіе вопросы: „гдѣ родился? кто его родители? живы ли они? гдѣ живутъ? гдѣ и у кого воспитывался? какое получилъ образованіе и съ какого времени? гдѣ особенно занимался богословіемъ? гдѣ и на какихъ должностяхъ находился по окончаніи образованія? когда и кѣмъ посвященъ въ іерея? занималъ ли какія либо духовныя бенефиціи? гдѣ теперь и на какой должности находится? сколько имѣетъ лѣтъ отъ роду?“ Это требованіе правительства было въ точности соблюдаемо; искатели бенефицій не могли иначе получить утвержденія отъ правительства для ея полученія, какъ выполнивши означенныя условія, причемъ происходило не рѣдко не мало затрудненій. На какой нибудь приходъ или бенефицію духовное начальство назначитъ кого либо по своему усмотрѣнію, а правительству кто либо донесетъ, что или такой-то приходъ слѣдуетъ уничтожить по малочисленности прихожанъ, или почему либо другому, или что священникъ неодобрительнаго поведенія, и дѣло тянется долгое время, а приходъ остается безъ священника. Такъ случилось съ приходомъ и бенефиціею или фундушомъ въ м. Ав-

густовѣ. По смерти таковшаго священника Цвиклича, Вислоцкій назначилъ управляющимъ священника Карпиновича, и 17 апрѣля 1797 года донесъ правительству, что въ м. Августовѣ издавна для настоятеля назначенъ фундушъ, но тамъ нѣтъ греко-уніатовъ, а только вблизи его. Въ Августовѣ находится одна церковь и нѣсколько въ округѣ Августова. Но греко-унитскій настоятель непремѣнно долженъ быть въ Августовѣ для исполненія требъ у крестьянъ, приходящихъ изъ окрестныхъ селъ въ праздники, особенно свѣтлое Воскресенье Христово. Между тѣмъ, латинскій ксендзъ Августова Завадскій хотѣлъ присвоить себѣ фундушъ греко-уніатской церкви и просилъ объ этомъ правительство. Ксендзу помогалъ королевскій коммиссаръ,— и когда, съ разрѣшенія правительства, прибылъ въ Августово опредѣленный туда настоятелемъ Вронскій, коммиссаръ не допустилъ его поселиться въ священническомъ домѣ и просилъ правительство присоединить августовскую церковь къ какой нибудь церкви августовскаго округа. Вислоцкій доказывалъ, что это невозможно сдѣлать, по самому разстоянію этихъ церквей отъ Августова. Такъ, церковь липская отстоитъ отъ Августова въ 5 миляхъ; голынская въ 10 миляхъ, сопохинская въ 9, балинская въ 12, риголовская въ 9, ючинская въ 7,— другихъ ближайшихъ церквей нѣтъ. Изъ дѣлъ не видно, чтобы августовская церковь отнята была отъ уніатскаго духовенства. Мы выше сказали, что правительство хотѣло имѣть вѣрное понятіе о бенефиціяхъ. Это дѣлалось не только для распоряженія ими, но чтобы знать состояніе духовенства вообще. Судя по богатству римскаго духовенства, правительство полагало, что и греко-уніатское духовенство богато, хотя Вислоцкій неоднократно доказывалъ противное. Потому правительство захотѣло знать состояніе имущества сего духовенства; къ тому, повидимому, побуждало его постановленіе конституціи 1798 года, гдѣ сказано, что, по смерти мірскихъ священниковъ дворянскаго рода, а также настоятелей монастырей, три части оставшагося ихъ имѣнія отдается наслѣдникамъ, 4-я церкви или монастырю. Въ 1768 году это право распространено на все вообще духовенство въ Польшѣ и Литвѣ. Прусское правительство полагало, что это постановленіе относилось и къ греко-унитскому монашеству и бѣлому духовенству. Но Вислоцкій, донесеніемъ отъ 7 сентября и 24 октября 1798 года, объяснилъ, что это относится только къ духовенству латинскому;

ибо по уставу базильянскихъ монастырей, архимандриты не имѣли собственности, тѣмъ болѣе низшіе монашествующіе. Въ 1768 году, Рѣчь посполитая изъяснила, что это постановленіе не относится къ ордену базильянскому,— равно оно не относится и къ бѣлому греко-унитскому духовенству, потому что священники этого исповѣданія владѣютъ скудными фундушами, не имѣютъ мызъ и подданныхъ и живутъ съ семействами, съ женами, дѣтьми и родственниками. Скудость фундушей не позволяетъ имъ заготовлять на будущее время какой либо капиталъ, на который имѣли бы право наслѣдники, они едва могутъ кормить семейство и воспитывать дѣтей. Притомъ, если бы что и оставалось изъ скуднаго имущества священниковъ, то это принадлежитъ ихъ женамъ и дѣтямъ, развѣ если бы ихъ не было, что рѣдко бываетъ,— а наслѣдники мало чѣмъ пользуются изъ оставленнаго. Если бы, согласно правилу 1768 года, была взыскиваема 4 часть имущества на церковь, то это составляло бы именно ту часть, которая принадлежитъ наслѣдникамъ. Вслѣдствіе этого, споры о наслѣдствѣ, накопляющіеся у латинскаго духовенства, не имѣли мѣста у духовенства греко-унитскаго исповѣданія; потому что наслѣдники или оставшаяся жена съ дѣтьми, хорошо зная количество имущества, никогда объ немъ не спорили. Благочиный, по смерти священника, не составлялъ списка оставшагося имущества, а имѣлъ присмотръ, записывались ли во время осмотра вещи и имущество церковное, или— въ цѣлости ли мѣстное хозяйство, надѣленное по инвентарю; если чего въ немъ недостаетъ, то преемники должны это вознаградить. По причинѣ скудости церковныхъ фундушей и имущества у греко-унитскихъ священниковъ, есть обычай, утвержденный даже епархіальными постановленіями, чтобы новый священникъ въ 1-й годъ своего поступленія на приходъ давалъ вдовѣ или малолѣтнимъ дѣтямъ половину посѣвовъ. Если его предшественникъ починилъ на свой счетъ строенія, безъ помощи прихожанъ, то новопоступившій обязанъ заплатить за эту починку. Епархіальный соборъ, составленный въ 1790 году въ Рутѣ митрополитомъ Ростоцкимъ, сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „мы опредѣлили, чтобы вдовы, которымъ предоставленъ годъ милости, не касались доходовъ и пожертвованій, получаемыхъ съ прихода.“ Относительно вновь выстроенныхъ зданій существуютъ также правила, установленныя на генеральной конгрегаціи въ брестской епархіи и объявленныя къ ис-

волненію въ 1774 году бывшимъ въ то время епископомъ Антониномъ Млодовскимъ, супрасльскимъ архимандритомъ: „собраніе обратило вниманіе, что сироты жены, ихъ сыновья и дочери, оставшіеся по смерти священниковъ, находятся въ худомъ положеніи, потому что, удаляясь со своихъ мѣстъ, они не могутъ заводить дѣла и терпятъ притѣсненія отъ преемниковъ, потому что не получаютъ платы и вознагражденія за нѣсколько разъ возобновляемыя строенія съ немалыми издержками ихъ родителей. Имѣя попеченіе о сиротахъ и о томъ, чтобы при церквахъ были надлежащія строенія для жилья и для хозяйства, постановляемъ, чтобы, по смерти священника, въ случаѣ удаленія сиротъ съ мѣста, по засвидѣтельствованіи благочинныхъ о количествѣ постройки и починки и самаго расхода, преемники платили сиротамъ только половину стоимости строеній. Но ихъ собственность мы обезпечиваемъ за ними, чтобы они могли ее отобрать. А чтобы по смерти священника не было притязаній отъ двора или прихожанъ, постановляемъ, чтобы священникъ, воздвигая новыя строенія, по совѣсти считалъ расходъ на матеріалы и рабочихъ, и по окончаніи строенія количество этихъ расходовъ, завѣренное подписью благочиннаго, внесъ въ консисторскіе акты и оттуда бралъ копію. Но сироты получаютъ плату только тогда, если строенія не будутъ снесены и если они не клонятся къ разрушенію; потому что всякій обязанъ не только строить домы, но и беречь и поправлять ихъ. Въ противномъ случаѣ, преемникъ не обязанъ будетъ давать какую либо плату. Если бы кому случилось умереть безъ потомства, или по устроеніи судьбы своихъ дѣтей, тогда преемникъ вознагражденія за расходы его, по совѣсти, долженъ совершить поминовеніе по усопшемъ. Это постановленіе не касается дальнихъ родственниковъ и сыновъ и дочерей, распредѣленныхъ при жизни отца и не могущихъ называться сиротами.“ Впрочемъ, доносилъ въ заключеніе Вислоцкій, опредѣленіе конституціи 1768 года можетъ относиться къ греко-унитскому бѣлому духовенству только въ томъ случаѣ, если священникъ бываетъ не женатъ, или распредѣлитъ дѣтей при жизни и умретъ, не оставивъ завѣщанія. Тогда 4 часть слѣдуетъ взыскать на церковь.

Стремясь къ объединенію подданныхъ по вѣроисповѣданіямъ, правительство старалось сблизить, сколько возможно, протестантовъ съ греко-унитами, а сихъ послѣднихъ съ латинянами въ дѣлахъ религіи. Чтобы Римъ не могъ тому препятствовать, оно рас-

порядилась, чтобы никакая папская булла не была объявляема безъ предварительнаго его разрѣшенія. Показывая видъ, что греко-уніатское и протестантское вѣроисповѣданія сходны между собою, оно по правиламъ вѣротерпимости (указомъ 15 генваря 1797 года), требовало совмѣстнаго отправленія богослуженія унитами и протестантами въ греко-унитскихъ церквахъ бѣлостокской, кнышинской и тыкоцинской. Хотя это требованіе не было исполнено, потому что противъ него протестовалъ папскій нунцій въ Варшавѣ, однако правительство не опускало другихъ мѣръ для упомянутаго объединенія. Въ греко-унитской церкви было столько же праздниковъ и постовъ, какъ и въ церкви православной; для протестантовъ, ихъ показалось много, ихъ хотѣли сократить. Притомъ они праздновались не въ одно время съ римскими праздниками; хотѣлось ввести, по этому поводу и по гражданскимъ соображеніямъ, грегоріанскій календарь. Но хотя и замосцьскій или замойскій соборъ въ 1710 году сократилъ число праздниковъ, но народъ по прежнему, чествовалъ исключенные изъ числа праздниковъ дни (1). Папа Пій VI, буллою въ 1775 году, даже запретилъ уменьшать уніатскіе праздники, чтобы не подать повода уніатамъ и православнымъ, находящимся въ Польшѣ и весьма преданнымъ своему обряду, уменьшеніе праздниковъ считать уничтоженіемъ самого обряда и возмущаться противъ іерархіи. Правда, что, по

---

(1) Для греко-унитской церкви, были опредѣлены замойскимъ соборомъ слѣдующіе праздники: *неподвижные: февраля* 2 Срѣтеніе Господне, *марта* 25 *Благовѣщеніе* пресв. Дѣвѣ, *апрѣля* 23 св. Великомуч. Георгія, *мая* 8 св. Ап. и Евангел. Іоанна Богослова,— 9 св. Николая. *іюня* 24 рождество св. Іоанна Предтечи, 29 св. Ап. Петра и Павла. *іюля* 20 прор. Иліи, 25-й св. Анны, *августа* 6 Преображеніе Господне, 15-го Успеніе Богоматери, 29 усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи *сентября* 8 Рождество Богородицы, 14 Воздвиженіе честнаго креста Господня, 26 св. Ап. и Евангелиста Іоанна Богослова, *октября* 1 Покровъ Богоматеря, *ноября* 8 св. Архистратига Михаила, 24 Входъ въ храмъ Богоматери, *декабря* 25 Рождество Христово, 26 св. праведнаго Іосифа, 27 св. первомуч. Стефана. *Праздники подвижные:* Пасха, Вознесеніе Господне на небо, Пятдесятница три дня, праздникъ Тѣла Господня и 16-й день послѣ Пасхи, скорбящей Богоматери. Были еще особенные праздники 2 *мая* и 24 *іюля* Бориса и Глѣба въ Литвѣ. и 27 *іюля* св. Великомуч. Пантелеймона въ брестской епархіи. (Sinod. Povinc. in civit. Zamosciae, Vilno, 1820. pag. 81—83).

учрежденіи супрасльской епархіи подъ владычествомъ Пруссіи, православныхъ въ этой епархіи было немного, а греко-унитовъ Вислоцкій брался убѣдить, что уменьшеніе праздниковъ не есть уничтоженіе вѣры и обряда, однако и послѣ того все таки нельзя было уніатскихъ праздниковъ соединить съ латинскими праздниками такъ, чтобы чрезъ это можно было уничтожить употребленіе юліанскаго календаря и ввести календарь грегоріанскій. Ибо нѣкоторые латинскіе праздники не соблюдались въ уніатской церкви (1). Греческій чинъ отличенъ отъ чинопослѣдованія латинскаго. Онъ имѣетъ свои правила, обычаи и книги, которыхъ рѣшительно нельзя отмѣнить или уничтожить. Если бы уніатамъ пришлось руководствоваться однимъ грегоріанскимъ календаремъ, въ такомъ случаѣ извратился бы весь церковный порядокъ и богослужебныя книги сдѣлались бы неудобными къ употребленію. Архимандритъ Вислоцкій совѣтовалъ, въ примѣненіи грегоріанскаго календаря, последовать русскому правительству, только на оборотъ, и число праздниковъ сократить такъ: пасха, рождество Христово и пятидесятница вмѣсто 3 дней, какъ прежде былъ обычай, праздновались бы по два дня, за тѣмъ можно бы считать праздниками церковными 30 генваря, 23 апрѣля, 8 и 9 мая, 24 іюня, 20, 24, 25 и 27 іюля, 29 августа, 14 и 26 сентября, 8 ноября и 15 день послѣ Пасхи—день скорбящей Богоматери, всѣхъ 17-ть дней. Эта уступка правительству повлекла за собою и другія уступки или согласіе на перемѣну церковнаго обычая. Чтобы сойтись съ римлянами, нашли нужнымъ сократить и посты въ греко-унитской церкви. Протестанты отъ этого непрочь, да и замойскій соборъ позволилъ сокращать петровъ постъ. (2) Такъ какъ въ римской церкви нѣтъ масляной седмицы предъ четыредесятницею, то архимандритъ Вислоцкій соглашался, чтобы эта послѣдняя седмица была мясоястною и въ уніатской церкви. У римлянъ великій постъ начинается съ среды первой недѣли поста; это считалось возможнымъ допустить и въ уніатской церкви. Постъ предъ праздникомъ св.

(1) Наприм., праздникъ Станислава, празднуемый въ Польшѣ, или Казиміра —въ Литвѣ, Адалберта, латинскаго мученика, въ гнѣзненскомъ архіепископствѣ,—всѣхъ святыхъ 3-го ноября и другихъ.

(2) Ab hoc (Jejuninm ante-festum S S. Apostolarum) censuit (Sinodus) rusticos, aliosque. operarios, vel in parte, vel in totum absolvi posse, propter ea quod incidit in tempus, quo fruges colliguntur, ea que de causa vix servatur in Litvania (Sinod. Zamosc., ai, Vilno—1820 et pag. 81.

апостоловъ Петра и Павла, начинающійся отъ 1 недѣли послѣ пятидесятницы, продолжается неодинаково, 5—6 недѣль, смотря потому, когда бываетъ пасха и затѣмъ 50-ца. Народъ въ это время занимается полевыми работами, нуждается въ хлѣбѣ и въ другихъ жизненныхъ потребностяхъ. Потому хотѣли, чтобы этотъ постъ начинался съ опредѣленнаго числа, съ 15-го іюня. Постъ успенскій нельзя было сократить больше. За то хотѣли рождественскій постъ начинать не съ 15 ноября, а съ 1 декабря. Однодневные посты 14 сентября и 29 августа оставили неприкосновенными; только въ среды и пятки цѣлаго года домогались разрѣшить употребленіе молочной пищи. (1) Архимандритъ Вислоцкій просилъ правительство исходатайствовать на это разрѣшеніе папы. Неизвѣстно, получено ли это разрѣшеніе, и едва ли получено, потому что въ епархіальномъ дѣлопроизводствѣ не видно ни измѣненія чиселъ, ни распоряженія о сокращеніи праздниковъ и постовъ; но слѣдствіе предположеннаго сближенія уніатовъ съ латинянами скоро обнаружилось. Тыкоцинскіе, семятицкіе и др. латинскіе миссіонеры, будучи настоятелями разныхъ латинскихъ приходовъ, гдѣ находились и греко-униты, имѣвшіе также своихъ священниковъ, стали самовольно совершать для уніатовъ требы и разными хитрыми способами совращать ихъ въ латинство. Возникшій по этому случаю споръ (въ августѣ 1799 года) управляющій епархіею архимандритъ Вислоцкій на первый разъ старался покончить миромъ. Напомнивъ миссіонерамъ незаконность ихъ дѣйствій, онъ вмѣстѣ сдѣлалъ строгій выговоръ наройскому священнику Лоевскому за то, что по его небрежности въ исполненіи пастырскихъ обязанностей, произошло такое совращеніе. Но миссіонеры, считая себя въ правѣ совращать греко-унитовъ въ латинство, опровергали всѣ возраженія противной стороны. Архимандритъ Вислоцкій обличалъ ихъ злонамѣренное толкованіе папскихъ буллъ, запрещающихъ совращеніе греко-унитовъ въ латинство вообще всѣхъ и вчасности въ Польшѣ и Литвѣ. Уніатскій митрополитъ Іосифъ Вельяминъ—Рутскій еще въ 1613 году просилъ папу Павла V обезпечить ненарушимость обычаевъ, постановленій и обрядовъ греко-унитской церкви. Вслѣдствіе чего и была издана 13 апрѣля тогоже года булла, которою повелѣвалось, чтобы отнюдъ не были принимаемы греко-униты отъ

---

(1) Nec non per totum annum Feria quarta et sexta cujusvis Hebdomadae ut lacticiniis observentur, писалъ Вислоцкій въ прусскую Камеру 6 марта 1800 года (Protokuł potoczny od r. 1796 do 1805 года.

своего обряда въ латинскій обрядъ. Въ 1624 году, 7 февраля папа Урбанъ VIII своимъ „Breve", чрезъ конгрегацію о распространеніи вѣры, и въ 1743 году 24 декабря папа Венедиктъ XIV буллою своею „Demandatam caelitus", писанною къ антіохійскому патріарху и къ грекамъ мелхитамъ, съ угрозою наказаній запрещаютъ всѣмъ миссіонерамъ совращать греко-унитовъ въ латинство, и въ конструкціи, данной 11 мая 1744 года уніатскому митрополиту Шептицкому, папа Венедиктъ XIV вышеупомянутую свою буллу относитъ ко всѣмъ уніатамъ Польши и Литвы. „Breve" 1624 года объявлено было по виленской епархіи римско-католическимъ виленскимъ епископомъ Константиномъ Казиміромъ Бржостовскимъ 14 генваря 1712 года, (1) а буллу 1743 года объявилъ по виленской епархіи, 16 іюля 1745 года, римско-католическій епископъ Михаилъ Зенковичъ, также по случаю совращенія уніатовъ въ латинство,—при чемъ онъ предписалъ ксендзамъ возвратить совращенныхъ къ своему обряду и впредъ не осмѣливаться совращать ихъ, слѣдуя предписаніямъ папскихъ буллъ. Но общество миссіонеровъ не думало исправляться, и Вислоцкій, посвященный въ 1800 году въ епископа, принужденъ былъ подать на нихъ жалобу (26 мая тогоже года) въ королевскую камеру, въ которой указываетъ на запрещеніе замойскаго собора греко-унитамъ совершать требы въ латинскихъ приходахъ и прихожанъ иного обряда привлекать въ свой обрядъ. При этомъ онъ послалъ королю книгу судебную (iurium) греко-унитской церкви, въ которой указалъ на буллы Урбана VIII и Венедикта XIV, запрещающія принимать греко-унитовъ въ латинство и на привиллегіи польскихъ королей Сигизмунда III 1599 г. и Іоанна Казиміра 1658 года, и просилъ взыскивать 50 талеровъ съ тѣхъ латинскихъ священниковъ, ко-

---

(1) Въ своемъ посланіи, виленскій епископъ, между прочимъ говоритъ; «Hoc Breve quia injuria temporum sufficientes— publicatum non est. Польскій король Сигизмундъ III при которомъ упомянутое «Breve» было издано, по своимъ видамъ, запретилъ его оповѣщать и приводить въ дѣйствіе),....«illustrissimus Dominus Nuntius Apostolicus in Regno Poloniae et Magno Lucato Litvaniae ad instantiam Illustrissimi Metropolitani Russiae et aliorum S. Unionis praelatorum illud, ex antiquitatibus erutum, ad nos transmisit publicandum. Cumorem gerentes dictum «Breve» publicamus, monentes omnes et singulos spirituales, seculares et regulares (т. е. монаховъ) ne Graeco-Unitos a Ritu suo ad Latinum abhinc transire volentes ullo modo suscipiant......и проч. (изъ документа супрасльскаго монастыря).

торые впредъ будутъ обличены въ совращеніи греко-унитовъ въ латинство.

Доселѣ мы говорили о заботливости правительства къ сближенію латинянъ, греко-унитовъ и протестантовъ. Скажемъ далѣе объ отношеніи его къ лицамъ православнаго исповѣданія.

Правительству донесено, что лица православнаго исповѣданія, живущіе въ бѣлостокской области, состоятъ подъ управленіемъ слуцкаго архимандрита, который въ свою очередь, зависитъ, будто отъ протопопа (?) или архіепископа, живущаго въ Москвѣ. И потому оно желало знать о причинѣ такой зависимости. Архимандуитъ Вислоцкій 16 генваря 1797 года объяснилъ ему, что духовенство православное бѣлостокской области зависитъ отъ кіевскаго архіепископа, живущаго въ Кіевѣ. Въ важнѣйшихъ дѣлахъ этотъ архіепископъ сносится съ духовнымъ сѵнодомъ, находящимся въ С. Петербургѣ. Православные, о которыхъ идетъ рѣчь, не имѣютъ ни епископа, ни консисторіи, а имѣютъ только монастырскихъ начальниковъ, назначаемыхъ по волѣ тогоже сѵнода и кіевскаго архіепископа. Это духовенство имѣетъ также одного главнаго начальника или лучше генеральнаго прокуратора, который завѣдываетъ духовными дѣлами въ Польшѣ. Такими прокураторами были большею частію слуцкіе архимандриты, или игумены замѣчательнѣйшихъ монастырей, особенно виленскаго (Св. Духа), до тѣхъ поръ пока слуцкій архимандритъ Викторъ Садковскій, возведенный въ санъ епископа переяславскаго и викарія кіевской митрополіи, не получилъ полной власти надъ православнымъ духовенствомъ въ Литвѣ и Польшѣ. Однако и онъ сносился съ митрополитомъ и сѵнодомъ. Въ 1789 году, бывшее польское правительство, подозрѣвая этого епископа и духовенство въ незаконныхъ сношеніяхъ съ Россіею, арестовало его (1) и установило консисторію въ Пинскѣ изъ игуменовъ монастырей, находящихся въ Литвѣ и Польшѣ. Потомъ, когда Россія заняла Украйну, Подолію и минское воеводство, епископъ Садковскій, освобожденъ изъ польскаго ареста и назначенъ архіепископомъ браславскимъ и минскимъ, съ подчиненіемъ ему тамошняго духовенства православнаго исповѣданія. Власть его простирается и теперь (1797 г.) на духовенство ново-восточной Пруссіи (бѣлостокской области), находящееся въ Заблудовѣ, Вѣльскѣ и Дрогичинѣ. Этотъ архіепископъ, какъ и дру-

(1). Отъ чего Вислоцкій не прибавилъ: „и бросило въ варшавскую тюрьму?“ *Ред.*

гіе, сносится съ петербургскимъ сунодомъ."—Послѣ этого объясненія Вислоцкаго, прусское правительство думало учредить для православнаго духовенства отдѣльное начальство, хотя не извѣстно было ли оно учреждено. Только возникшіе безпорядки въ православномъ заблудовскомъ монастырѣ подали правительству поводъ поручить временное начальство надъ этимъ монастыремъ супрасльскому архимандриту и уніатскому офиціалу Өедосію Вислоцкому. Заблудовскимъ монастыремъ управлялъ въ это время игуменъ Енохъ Клечинскій. Нѣкоторые монахи, возмутившись противъ игумена, отняли у него ключи отъ церкви и другихъ строеній за то, что онъ оставилъ древній обычай—всѣ доходы монастыря, какъ то за крещеніе, бракосочетаніе, погребеніе и другія требы складывать въ одинъ сундукъ, три раза въ годъ отворять его и доходы раздѣлять между братіею. Архимандритъ Вислоцкій, прибывъ въ Заблудовъ, въ началѣ февраля 1797 года, заставилъ монаховъ просить извиненія у игумена, а для предупрежденія безпорядковъ постановилъ: 1) Чтобы сундукъ, въ который складывались доходы, былъ запертъ на замокъ и стоялъ у игумена, а ключъ отъ сундука находился бы у одного благочестиваго монаха; 2) въ этомъ сундукѣ должны складываться всѣ доходы, которые, для устраненія подозрѣнія, должны записываться извѣстнымъ монахомъ въ реестръ; 3) по истеченіи 4-хъ мѣсяцевъ, игуменъ, въ присутствіи монаховъ, долженъ отворять сундукъ, пересчитывать доходы и двѣ ихъ части брать на свои и монастырскія нужды, а третью часть раздѣлять монахамъ на ихъ нужды. Доходы съ чиншовъ и хозяйства игуменъ долженъ употреблять на продовольствіе и другія монастырскія потребности монастыря, и этими доходами никто изъ монаховъ не долженъ завѣдывать, развѣ по порученію игумена. Спустя годъ (въ началѣ 1798 г.), монахи заблудовскіе снова возмутились противъ игумена, который принужденъ былъ обратиться съ жалобою на нихъ въ королевскую камеру. Архимандриту Вислоцкому снова было поручено уладить это дѣло. На этотъ разъ онъ не былъ въ Заблудовѣ, потому что правительство предписало избраннымъ изъ духовенства депутатамъ, равно и самому Вислоцкому, къ 1-му іюля прибыть въ Кролевецъ, для принесенія присяги въ вѣрности королю. Вѣроятно, Вислоцкій и не хотѣлъ ѣхать въ заблудовскій монастырь, потому, какъ между прочимъ онъ доносилъ правительству, что онъ не знаетъ обычаевъ исповѣданія этого монастыря, и совѣтовалъ послать игумена бѣльскаго монастыря, который, какъ

мужъ умный и опытный, хорошо знаетъ обычаи заблудовскаго монастыря.

7 февраля 1797 года бѣлостокскій королевскій деректоріатъ потребовалъ отъ супрасльскаго архимандрита Вислоцкаго копіи присяжныхъ листовъ уніатскихъ митрополитовъ, епископовъ, архимандритовъ, или вообще настоятелей монастырей: чтобы, по полученіи, отослать ихъ въ прусскую камеру. Такъ какъ въ уніатской церкви митрополиты и протоіереи (официалы) не давали присягъ, то Вислоцкій отослалъ въ Бѣлостокъ присяги только епископовъ и архимандритовъ. Въ присягѣ епископской, даваемой при нареченіи, послѣ сумвола вѣры, съ извѣстнымъ прибавленіемъ, говорится объ апостольскихъ и церковныхъ преданіяхъ, объ изъясненіи св. писанія по разуму церкви, исчисляются семь таинствъ, изъ которыхъ крещеніе, мνропомазаніе и священство не повторяются, ученіе о первородномъ грѣхѣ и оправданіи принимается по опредѣленію тридентинскаго собора. Въ евхаристіи епископъ признаетъ пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя и истинную жертву о живыхъ и мертвыхъ; также исповѣдуетъ существованіе чистилища и пользу благотворенія вѣрныхъ, для содержащихся въ немъ; исповѣдуетъ почитаніе и призываніе святыхъ, почитаніе ихъ мощей, св. иконъ; существованіе и пользу въ церкви индульгенцій. Касательно римской церкви въ присягѣ говорится такъ: "Святую Каѳолическую и апостольскую Римскую церковь признаю матерью и учительницею всѣхъ церквей. Римскому Первосвященнику, преемнику блаженнаго Петра—князя Апостоловъ, и намѣстнику І. Христа клятвенно обѣщаю истинное повинованіе". Далѣе, епископъ въ присягѣ обѣщаетъ содержать всѣ правила вселенскихъ соборовъ, особенно собора тридентинскаго. Все противное церкви отвергаетъ и осуждаетъ. Исповѣданную вѣру обѣщаетъ хранить ненарушимо до послѣдняго издыханія, и сообразно съ этимъ исповѣданіемъ—учить подчиненныхъ. Какъ всякій видитъ, въ этой присягѣ много латинскихъ мнѣній. Въ архіерейскихъ уніатскихъ служебникахъ эта присяга приводится полнѣе и сходна съ присягою, даваемою настоятелями монастырей. Здѣсь на нѣкоторые догматы представлены и доказательства латинскаго богословствованія. Послѣ исповѣданія сумвола вѣры съ извѣстнымъ прибавленіемъ, дающій присягу обѣщаетъ твердо содержать все то, что флорентійскій соборъ опредѣлилъ касательно единства западной и восточной церквей, а именно: „что Духъ Святой вѣчно имѣетъ

бытіе отъ Отца и Сына....... и вѣчно происходитъ отъ Обоихъ, какъ одного начала" (1). Чѣмъ же доказывается такое ученіе? „Когда святые учители и отцы говорятъ, что Духъ Святой происходитъ отъ Отца чрезъ Сына, то этимъ Сынъ называется, по мнѣнію грековъ, причиною, а по мнѣнію латинянъ—началомъ существа Святаго Духа также какъ и отецъ. Поелику все, что принадлежитъ Отцу, Самъ Отецъ отдалъ рожденному отъ Него единородному Сыну, кромѣ отчества; то и то, что Духъ Сятой исходитъ отъ Сына, Самъ Сынъ вѣчно имѣетъ отъ Отца, отъ котораго отъ вѣчности рожденъ. Далѣе, въ присягѣ слѣдуетъ еще слабое объясненіе этого ученія: „изреченіе и отъ Сына прилично и разумно прибавлено къ символу, какъ изъясненіе тѣхъ словъ (отъ Отца исходящаго), вытекающее изъ самой необходимости". Далѣе, настоятельская присяга сходна съ присягою епископскою въ мысляхъ и часто въ словахъ. Въ концѣ присяги помѣщено обязательство повиноватся митрополиту и его преемникамъ, но съ ограниченіемъ: „повинующимся, сказано тамъ, св. апостольской столицѣ и римскому первосвященнику". Дающый присягу обязывается также явиться „на сунодъ, по требованію митрополита, если не будетъ какого либо каноническаго препятствія". Такія каноническія препятствія базильяне могли находить при помощи разныхъ постановленій римской конгрегаціи, къ ослабленію власти митрополитовъ. Настоятель даетъ наконецъ клятву, что будетъ хранитъ монастырское имѣніе цѣлымъ, не продавать и не замѣнятъ его. Правительство требовало означенныхъ присягъ, какъ для того, чтобы знать ихъ содержаніе, такъ, можетъ быть, и для того, чтобы начать дѣло о посвященіи Вислоцкаго въ епископы. Впрочемъ, правительство медлило въ назначеніи его епископомъ и вообще неохотно исполняло просьбы Вислоцкаго, касающіяся благосостоянія уніатской церкви. Вислоцкій часто просилъ у правительства дозволенія кандидатовъ для рукоположенія въ священство посылатъ къ прежнему епископу брестскому или владимірскому, оставшемуся въ предѣлахъ русскаго государства, но, вѣроятно, по политическимъ разсчетамъ оно отказывало въ этомъ. Вислоцкій напоминалъ правительству о вредѣ, происходящемъ отъ медленнаго назначенія епи-

(1) Въ этой присягѣ, въ пользу латинскаго ученія о происхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, помѣщены извѣстныя доказательства, состоящія изъ натяжекъ, извращенія смысла нѣкоторыхъ текстовъ св. писанія и искаженія отцовъ церкви.

свода новой епархіи и отъ запрещенія отправляться за границу для рукоположенія. Ибо многіе священники, по старости лѣтъ, не могли уже отправлять надлежащимъ образомъ церковныхъ требъ; для нихъ необходимы были помощники священники или викаріи, допускаемые и каноническими правилами. А священниковъ, которые, не имѣя прихода, могли бы занимать мѣста викаріевъ, не было. Вислоцкій просилъ правительство дозволить кандидатамъ для полученія священства отправляться по крайней мѣрѣ къ епископу Порфирію Важинскому, жившему въ Холмѣ. Какъ правительство дѣйствовало въ подобномъ случаѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ апрѣлѣ 1799 года, Вислоцкій представилъ правительству двухъ кандидатовъ къ священству: Антонія Сосновскаго, сына Георгія Сосновскаго, настоятеля Николаевской церкви въ мѣстечкѣ Клещеляхъ, и Василія Маркевича, сына сестры Іосафата Мальковскаго, священника села Райска, находящагося близъ горда Бѣльска. По требованію правительства, означеннымъ лицамъ произведенъ былъ въ супрасльской консисторіи экзаменъ въ наукахъ богословскихъ, изслѣдована ихъ нравственная жизнь и, кажется, по донесеніи объ этомъ правительству, можно было ожидатъ скораго дозволенія означеннымъ лицамъ отправиться въ Холмъ для полученія священства. Но, не смотря на частыя просьбы Вислоцкаго, правительство, до самаго посвященія Вислоцкаго въ епископы въ маѣ 1800 года, болѣе года не удовлетворяло этой настоятельной нуждѣ и просьбѣ. Если такъ трудно было уніатамъ получить священство, то еще труднѣе было получить образованіе. Еще въ 1796 году, чрезъ папскаго посланника Лаврентія, Вислоцкій исходатайствовалъ у папы дозволеніе отправлять для образованія двухъ изъ базильянъ и двухъ изъ свѣтскаго званія въ Брунебергъ, въ находящійся тамъ папскій алюмнатъ. Но въ 1798 году этотъ алюмнатъ закрытъ, по недостатку средствъ къ существованію. Учившіеся разъѣхались въ свои страны, нѣкоторые изъ базильянъ, возвратившись, докончили свое образованіе въ тикоцинской римской семинаріи. Наставники перешли въ другія школы, а тѣ лица изъ супрасльской епархіи, которыя готовились къ отправленію въ Брунебергъ для образованія, принуждены были остановиться. „У насъ теперь нѣтъ никакой семинаріи для образованія кандидатовъ священства“ (1), писалъ Вислоцкій, „а потому осмѣли-

(1) 6 августа 1800 года Вислоцкій писалъ, что въ цѣлой прежней митрополитской епархіи не было епархіальной семина-

валюсь принести къ трону твоего царскаго величества смиренныя мольбы, да удостоимся мы помощи въ этой бѣдности.“ Но помощи ни откуда не было, пока супрасльскій епископъ Духновскій въ самомъ супрасльскомъ монастирѣ не основалъ епархіальнаго училища. Вислоцкій искалъ просвѣщенныхъ мужей за границею для занятія священническихъ мѣстъ. Въ Вильнѣ существовало папское образовательное заведеніе, въ которомъ кандидаты священства-греко-уніаты могли получать образованіе. Но послѣ присоединенія бѣлостокской области и части брестской епархіи къ Пруссіи, прекратили доступъ къ этому заведенію для уніатскаго духовенства супрасльской епархіи. Вислоцкій, вынуждаемый обстоятельствами, обратился 1 февраля 1800 г. съ предложеніемъ къ двумъ воспитанникамъ упомянутаго заведенія перейти въ супрасльскую епархію и принять прусское подданство. Одинъ изъ нихъ, изъ холмской епархіи, Іоаннъ Вѣгоновскій, рукоположенный тамошнимъ епископомъ Важинскимъ во священники, перешелъ въ м. Семятичи къ своему родственнику Николаю Духновскому, каѳедральному брестскому—литовскому прелату-канцлеру, на священническое мѣсто въ Семятичахъ. Другой, Стефанъ Лопушевскій, изъ митрополитской епархіи, не имѣвшій еще священническаго сана, находился при своихъ родителяхъ въ селѣ Ячно. Оба эти лица согласились на предложеніе Вислоцкаго, съ разрѣшенія прусскаго правительства, перейти въ супрасльскую епархію и въ прусское подданство. Бывали и другіе случаи. Еще прежде митрополитъ Ясонъ Смогоржевскій издалъ постановленіе, что желающіе священства должны получать отъ митрополита или епископа чрезъ консисторію дозволительный листъ, и чтобы изслѣдованы были на мѣстѣ ихъ пребыванія образъ ихъ жизни, нравы и проч. Для того консисторія назначала одного или двухъ изслѣдователей, и если не оказывалось никакихъ препятствій со стороны ихъ образа жизни и если они удовлетворительно отвѣчали на испытаніи въ необходимыхъ свѣденіяхъ, то получали священство. Но бывали случаи, что получавшіе такимъ образомъ священство не соотвѣтствовали своему званію по образованію и по жизни. Бывало, что викарій—священникъ, неувѣрен-

ріи. Jn Diocesi, per tractum magni Ducatus, se pretendenti in ante ad Metropolitam Kijowiensem pertinenti, nullum fuerat Seminarium Diocesanum, in quo aspirantes ad Statum Spiritualem educari pos sint. и проч. (Protokuł potoczny 1796—1805 Supresliens. Dioces. pag. 107).

ный въ прочности своего мѣста, дѣлался небрежнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей, и приходъ и благосостояніе храма клонились къ упадку. Этихъ случаевъ было бы меньше, или вовсе не было бы, если бы была епархіальная семинарія, гдѣ ректора, зная своихъ воспитанниковъ, выдавали бы имъ правильное свидѣтельство о жизни и степени образованія (1).

Въ апрѣлѣ 1800 года архимандритъ Вислоцкій былъ посвященъ въ епископа; а консисторія супрасльская была учреждена еще въ 1797 году. Тогдаже при консисторіи учрежденъ и духовный капитулъ, подтвержденный и папскою буллою. Ходатайства новаго епископа предъ правительствомъ болѣе уважались чѣмъ прежде, и нѣкоторыя церкви вновь устроены, а нѣкоторыя починены, съ разрѣшенія правительства, по ходатайству епископа Ѳеодосія. Вѣроятно труды по епархіи и упадокъ силъ не дозволяли епископу Ѳеодосію съ обязанностями епископа соединить настоятельство супрасльскаго монастыря: Ѳеодосій отказался отъ него. Ему былъ назначенъ небольшой пенсіонъ отъ правительства, столъ и прислуга изъ монастыря. Братія избрала настоятелемъ своимъ намѣстника монастыря Мелетія Ошуховскаго. Но какъ утвержденіе этого избранія по прежнимъ правиламъ монастыря зависѣло единственно отъ униатскаго митрополита, то епископъ Ѳеодосій обращался къ правительству съ просьбою исходатайствовать у папы для супрасльскихъ епископовъ право утверждать избраніе настоятеля безъ сношенія съ митрополитомъ, живущимъ въ предѣлахъ русскаго государства. Послѣднимъ достойнымъ трудомъ епископа Ѳеодосія была защита предъ правительствомъ священническихъ собраній по благочиніямъ. Онъ указывалъ на обычай древней церкви христіанской и на опредѣленія замойскаго собора дѣлать подобныя собранія для разсужденія о случаяхъ, бывающихъ въ управленіи паствою и требующихъ разрѣшенія, причемъ производилось испытаніе священниковъ въ знаніи ими предметовъ, касающихся ихъ званія и обязанностей и проч.

Въ первой половинѣ мясяца маія 1801 года, епископъ Ѳеодосій скончался, оставивъ по себѣ добрую память добродѣтельнаго инока, трудолюбивѣйшаго настоятеля обители, дѣятельнѣйшаго архипастыря и ревностнаго защитника греко-восточныхъ обрядовъ и исповѣдниковъ его противъ латинской пропаганды.

---

(1) Protokuł potoczny kart. 107—108.

Управляющимъ епархіею до времени назначенъ официалъ Игнатій Махнякевичъ. Погребеніе отложено было къ 1-му іюня, пока соберутся всѣ монашествующіе и всѣ священники супрасльской епархіи. Епископъ Вискоцкій погребенъ въ супрасльскомъ монастырѣ.

Было уже сказано, что Ѳеодосій Вислоцкій, послѣ посвященія въ епископа, не задолго предъ своею смертію, отказался отъ управленія монастыремъ и временно поручилъ его управленіе своему намѣстнику Мелетію Ошуховскому, Льву Яворовскому и Іоакиму Левицкому. Братья монастырей супрасльскаго и ему подвѣдомыхъ варшавскаго, кузницкаго и дрогичинскяго избрали Ошуховстаго своимъ настоятелемъ. Но прусское правительство не согласилось утвердить это избраніе, потому что Ошуховскій 1799 году былъ подъ судомъ за неуплату двумъ купцамъ 1074 злотыхъ польскихъ съ процентами. Велѣно было приступить къ новому выбору. Выборъ палъ на Льва Яворовскаго. Но правительство различнымъ способомъ старалось откладывать утвержденіе этого избранія. Администраторъ епархіи Игнатій Михнякевичъ нѣсколько разъ обращался къ правительству съ просьбою, для пользы монастыря, скорѣе утвердить избраніе настоятеля. Между прочимъ онъ указывалъ и на безпорядки въ супрасльскомъ монастырѣ и его резиденціяхъ, происходившіе отъ того, что, по опредѣленію правительства, намѣстникъ или викарій монастыря Ошуховскій отосланъ въ кузницкій монастырь въ подчиненіе тамошнему игумену. Приверженцы Ошуховскаго распространяли въ монастыряхъ и народѣ жалобы на несправедливый поступокъ съ Ошуховскимъ. Братья чрезъ это уменьшалась въ Супраслѣ, куда изъ другихъ монастырей никто не хотѣлъ поступать, не смотря на предписанія правительства: число монаховъ уменьшилось до 10-ти. Обойтись съ 10-ю монашествующими при каѳедральной церкви, къ которой причислено было нѣсколько селъ прихожанъ, требующихъ постоянныхъ требъ, рѣшительно не было возможности. Епископъ Духновскій нѣсколько разъ просилъ правительство ускорить утвержденіе настоятеля и дозволить поступить въ монашество новымъ лицамъ, чтобы при монастырѣ было по крайней мѣрѣ 20 монаховъ. 24 сентября 1804 года, правительство утвердило избраніе на архимандритство Льва Яворовскаго, но неизвѣстно, чего еше не доставало для посвященія его въ архимандрита. Епископъ Духновскій, въ 1805 году, называлъ его еще номинатомъ опатомъ (архимандри-

томъ). Былъ ли онъ даже посвященъ въ архимандрита, неизвѣстно. Касательно же монашествующихъ нужно сказать. что они не только не умножались, но еще уменьшались въ монастырѣ. Извѣстно даже, что при епископѣ супрасльскомъ Львѣ Яворовскомъ, въ монастырѣ жили почти одни вдовые священники, вызванные изъ епархіи для Богослуженія и исправленія приходскихъ требъ.

Таково было состояніе супрасльскаго монастыря во время прусскаго владычества! Обратимся теперь къ супрасльской епархіи. По смерти 1-го супрасльскаго епископа Ѳеодосія Вислоцкаго, 15 іюля 1801 года, весь духовный клиръ, собравшись въ Семятичахъ, (1) избралъ кандидата на супрасльское епископство каѳедральнаго канцлера (начальника дѣлъ) брестской епархіи, отца Николая (изъ бѣлаго духовенства) Духновскаго, и актъ этого избранія былъ представленъ въ Бѣлостокъ, королевскому министру Барону Сретсеру. Но вскорѣ распространился слухъ, что прусское правительство намѣрено назначить супрасльскимъ епископомъ изъ латинскаго обряда. Это навело страхъ на греко-уніатовъ. Администраторъ епархіи, офиціалъ Игнатій Михнякевичъ счелъ нужнымъ напомнить о правахъ уніатской церкви, данныхъ польскимъ и прусскимъ правительствами, и указалъ на правила и обычаи церкви въ этомъ отношеніи.

Такъ, замойскій (2) соборъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы никто не былъ посвященъ въ епископа прежде, чѣмъ онъ выполнитъ годъ испытанія въ монастырѣ и приметъ обѣтъ монашества базильянскаго ордена, исключая того случая, если кто будетъ освобожденъ отъ этого закона апостольскою столицею. Правда, случалось иногда что изъ уніатовъ посвящали въ епископы лицъ не изъ монашескаго, но и изъ бѣлаго духовенства, по разрѣшенію папы. Такъ, Левинскій, епископъ луцкій, Бѣлянскій и Ангеловичъ, епископы львовскіе, возведены въ епископы изъ священниковъ греко-униіатскаго обряда. Но не было никогда примѣра, чтобы кто

---

(1) Тамъ жилъ Духновскій.

(2) Нѣкоторые, основываясь на латинскомъ, или польскомъ выраженіи, читаютъ и пишутъ: замосцьскій соборъ. Но мы приведемъ слова древняго литовскаго лѣтописца: «изобравшися вси пошли въ землю жомойтскую.» (Litwa Zamojsc splondrowali, замѣчаетъ на это другой лѣтописецъ.) «И князь Зивинбутъ пошлетъ зо всими силами литовскими и зомойскими» и проч. (Kronika Litewska.— Pomnik do dziejów Litewskich, Narbutta. Wilno 1846 roku 1—5).

либо изъ латинскаго обряда, не бывши новиціатомъ въ орденѣ базильянскомъ и непринявши монашества, посвященъ былъ въ греко-уніатскаго епископа. Самый порядокъ вещей требуетъ, чтобы въ обрядѣ, отличномъ отъ латинскаго, по богослуженію, обрядамъ, церковно-счисленію, церковно-славянскому языку, былъ епископъ самый опытный въ греко-уніатскомъ обрядѣ, не только знающій читать по славянски, но и отличный богословъ греко-уніатскихъ догматовъ и обычаевъ. Чтобы этого достигнуть необходимо серьозное обученіе. А можетъ ли скоро успѣть въ этомъ человѣкъ другаго обряда и убѣжденій? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. А между тѣмъ избранный Николай Духновскій въ уніатскомъ обрядѣ былъ рожденъ и отлично образованъ. Въ образованіи онъ не уступитъ никому изъ другаго обряда. Кромѣ того, онъ своимъ саномъ выше другихъ: онъ носитъ титулъ прелата (*). Канцлерское свое прелатство Духновскій получилъ отъ Антонина Млодовскаго, епископа владимірскаго и брестскаго и, 16 мая 1785 года, утвержденъ въ этомъ званіи митрополитомъ Ясcономъ Смогоржевскимъ. „Такъ писалъ Михнякевичъ къ прусскому правительству въ октябрѣ и ноябрѣ 1801 года. Правительство, почти чрезъ годъ, согласилось на это избраніе. Въ сентябрѣ 1802 года, Духновскій былъ вызванъ въ Варшаву къ епископу зенополитанскому Албетранду, для производства такъ называемаго процесса, или чего то въ родѣ экзамена на епископскую степень. Съ нимъ поѣхалъ въ Варшаву, съ дозволенія правительства, и официалъ Михнякевичъ, въ качествѣ свидѣтеля. Процессъ произведенъ и донесеніе объ этомъ въ Берлинъ сдѣлано зенополитанскимъ (латинскимъ) епископомъ Албетрандомъ. Въ Супраслѣ надѣялись скораго прибытія новаго епископа. Михнякевичъ хлопоталъ въ Бѣлостокѣ о составленіи инвентаря объ епископскомъ домѣ и садѣ. И при Вислоцкомъ домъ и прилегающій къ нему садъ считались епископскими, но инвентаря не было; монастырь могъ считать его и своимъ. Но дѣло о посвященіи Духновскаго въ епископа не скоро пришло къ концу; толко 12 маія 1803 года прусскій министръ, находившійся въ Римѣ, представилъ кардиналу папскому секретарю дѣло о Духновскомъ. 16

(*) Откуда такое названіе въ уніатской церкви? Официалъ Михнякевичъ утверждаетъ, что названіе прелата усвоено было нѣкоторымъ лицамъ Исидоромъ митрополитомъ московскимъ, на возвратномъ пути его съ флорентійскаго собора; а послѣ него митрополитомъ Ѵпатіемъ Поцѣемъ.

маія тогоже года, папа, въ консисторіи римской, утвердилъ право полученія епископства за Николаемъ Духновскимъ. Однако папская булла о посвященіи его получена была, чрезъ прусское правительство, почти чрезъ годъ,— 16 апрѣля 1804 года. 24 апрѣля тогоже года уніатскій епископъ Духновскій былъ рукоположенъ во епископа латинскимъ зенополитанскимъ епископомъ Албетрандомъ (1). Первою заботою новаго епископа было испросить опредѣленное жалованье супрасльскому епископу. Предъ посвященіемъ Вислоцкаго въ епископы, правительство опредѣлило ему 4,000 рейхсъ-талеровъ съ тѣмъ, чтобъ изъ этой суммы удѣлять жалованье и официалу. Вислоцкій просилъ прибавки еще 500 рейхсъ-талеровъ и назначенія жалованья для супрасльской капитулы, но смерть его помѣшала окончательному утвержденію проекта о жалованьи и о супрасльской капитулѣ. Духновскій возобновилъ просьбу объ этомъ, и капитула учреждена была изъ прелатовъ и четырехъ канониковъ. Первымъ прелатомъ и деканомъ, по смерти официала Михнякевича, назначенъ официалъ Матѳей Концевичъ; ключаремъ (pro custode) и вторымъ прелатомъ—Крассовскій, бѣлостокскій благочинный. Канониками назначены Іоаннъ Малишевскій, родомъ изъ Наревки, бѣльскій благочинный; Сvмеонъ Теляковскій—изъ Лосинки, Аѳанасій Лопушинскій—изъ Ячно и Левъ Красковскій, родомъ изъ Березова. Такъ какъ церковь монастырская была вмѣстѣ и каѳедрою, то должна была имѣть и приходъ. Когда (въ 1797) году изъявлено было берлинскимъ правительствомъ желаніе учредить въ Супраслѣ епархію, тогда назначена была въ Римѣ коммиссія, которая, между прочимъ, спрашивала тогдашняго настоятеля монастыря, Вислоцкаго: супрасльская церковь приходская ли или нѣтъ. Если нѣтъ, то возможно ли учредить при ней приходъ? Вислоцкій отвѣчалъ: что базильянскіе монахи и прежде исправляли требы въ селахъ, близкихъ къ монастырю и отдаленныхъ отъ своихъ приходскихъ церквей, а теперь тѣмъ болѣе необходимо учредить при супрасльской каѳедрѣ приходъ, потому что нѣкоторыя приходскія церкви причислены къ русской имперіи папскою буллою. 1798 года, повелѣно причислить къ супрасльскому каѳедральному приходу ближайшія къ нему села, указанныя Духновскимъ, именно: Соколки, Лазни, Борки, Черешково, Липо-

(1) За папскую буллу уплачено въ Римѣ 308 талеровъ и 6 серебряныхъ грошей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послана была въ Римъ и епископская присяга Духновскаго.

кий мостъ, Супрасль и людей живущихъ по другую сторону рѣки Супрасля, на такъ называемой, Неводинцѣ, также мѣсто Попіотъ, и мѣсто при Боркахъ, гдѣ живутъ лѣсничіе. Какое жалованье назначено было капитулѣ и было ли назначено,—неизвѣстно.

Въ томъ же 1804 году, епископъ Духновскій сдѣлалъ генеральную визитацію (осмотръ, посѣщеніе) супрасльской епархіи и донесъ правительству о числѣ церквей, пользующихся царскимъ судомъ и патронатствомъ (1). При нѣкоторыхъ церквахъ указано было число дворовъ и душъ, изъ чего, впрочемъ, не льзя заключить о числѣ всѣхъ церквей и всѣхъ лицъ уніатскаго исповѣданія, потому что, хотя епископъ Духновскій представилъ 15 января 1802 года генеральную вѣдомость о народонаселеніи всей епархіи, но въ документахъ ея нѣтъ. Въ числѣ трудовъ епископа Духновскаго, по устройству и поддержкѣ церквей, особенно важнымъ нужно считать открытіе въ супрасльскомъ монастырѣ епархіальной семинаріи. Онъ давно желалъ пожертвовать какую либо сумму для учрежденія греко-уніатской семинаріи. Это желаніе и намѣреніе онъ объявилъ въ апрѣлѣ 1800 года, когда прибылъ въ Супрасль по случаю посвященія въ епископа Θеодосія Вислоц-

(1) Въ четырехъ благочиніяхъ: дрогичинскомъ, бѣльскомъ, бѣлостокскомъ и новодворскомъ исчислены слѣдующія церкви патронатскія:

1) *Въ благочиніи дрогичинскомъ:* царскаго патронатства 7 церквей, въ мѣстечкахъ: Дрогичинѣ, Мельникахъ, Брянскѣ; въ деревняхъ: Зерчицѣ, Ходышевѣ, Журобицѣ, Малешѣ. Остальныхъ приходскихъ церквей 9: въ Семятичахъ, въ Высокомъ Мазовецкомъ, Цѣхановичахъ, Боцкахъ, Познѣ, Андріанкѣ, Норойнѣ, Чарнѣ и Гродскѣ. При дрогичинской церкви считалось прихожанъ 813, дворовъ 112, при мельникской церкви 873 прихожанъ, при другихъ церквахъ не показано.

II) *Въ бѣльскомъ благочиніи*, патронатскими церквами были слѣдующія:

1) Въ Наревѣ прихожанъ 1242, дворовъ 316.

2) Въ Клещеляхъ, при двухъ церквахъ св. Николая и великомученика Георгія, прихожанъ 1581, дворовъ 530.

3) Въ Лосинкѣ и Чижахъ прихожанъ 1267, дворовъ 323.

4) Въ Березовѣ	——	2738	—	555.
5) Въ Корнинѣ	——	1169	—	273.
6) Въ Дубичахъ	——	1135	—	291.
7) Въ Райскѣ	——	998	—	264.
8) Въ Пасынкахъ	——	1421	—	367.
9) Въ Кленикахъ	——	1412	—	372.

каго. Епископъ Θеодосій Вислоцкій возвелъ его въ санъ перваго прелата устроившейся тогда супрасльской капитулы, и 26 апрѣля, въ присутствіи прусскаго королевскаго коммиссара Якштейна, прибывшаго также въ Супрасль для устройства епископіи и ея капитулы, объявилъ, что, для обученія въ Супраслѣ клириковъ, онъ жертвуетъ 6000 злотыхъ польскихъ. Это объявленіе записано было въ протоколъ и представлено въ бѣлостокскую камеру. Когда, въ маѣ 1801 года, умеръ епископъ Θеодосій Вислоцкій и Николай Духновскій, жившій въ Семятичахъ, былъ наименованъ на супрасльское епископство, въ это время онъ объявилъ администратору епархіи Игнатію Махнякевичу, что нужно увеличить прежде назначенную сумму для обученія клириковъ. Махнякевичъ также донесъ объ этомъ въ королевскую камеру. Когда же, 29 апрѣля 1804, года Духновскій былъ посвященъ въ епископа, на другой день, въ присутствіи собравшагося у него духовенства, объявилъ непремѣнное свое намѣреніе учредить въ Супраслѣ епархіальную семинарію. Сперва онъ хотѣлъ записать на содержаніе семинаріи 20,000 злотыхъ, но по соображеніи о недостаточности этой суммы, записалъ 40,000 злотыхъ польскихъ. На его просьбу объ открытіи семинаріи правительство согласилось. Въ слѣдствіе этого онъ вызвалъ изъ

---

111) Въ бѣлостокскомъ благочиніи:

1) Въ мѣстечкѣ Васильковѣ прихожанъ		400,	дворовъ	63.
2) Въ Кнышинѣ	——	не показано.		
3) Въ Фастахъ	——	303,	дворовъ	78.
4) Въ Топильнѣ . . . ,	——	786	—	121.
5) Въ Рыболахъ	——	1209	—	316.
6) Въ Тросцѣницахъ . . .	——	873	—	283.

IV) Въ новодворскомъ благочиніи:

1) Въ Августовѣ прихожанъ	не показано.			
2) Въ Липскѣ .	——	1803,	дворовъ	358.
3) Въ Новодворѣ	——	740	—	146.
4) Въ Ячнѣ . .	——	561	—	104.
5) Въ Лабнѣ . .	——	1704	—	159.
6) Въ Яровлянахъ	——	740	—	158-
7) Въ Островѣ .	——	1074	—	179,
8) Въ Перстунѣ	——	963	—	229.

Въ донесеніи о церкви въ мѣстечкѣ Мельникахъ говорится, что при этой церкви съ древнихъ временъ существуетъ церковное братство, которое имѣло капиталъ въ 3427 злотыхъ польскихъ, хранящихся въ церковномъ казнохранилищѣ. (Potoczny Protokuł pag. 219--231).

города Ломжи Михаила Даниловича и назначилъ его регенсомъ и профессоромъ семинаріи. Курсъ семинарскаго ученія начался въ октябрѣ тогоже года и состоялъ изъ трехъ учениковъ и одного вышепоказаннаго профессора. Столъ для профессора и трехъ семинаристовъ получался съ епископскаго стола. Годичное жалованье Даниловичу за труды назначено было въ тысячу польскихъ злотыхъ.

Епископъ Духновскій, удручаемый старостью, а особенно постоянно усиливавшеюся болѣзнію, сдѣлалъ послѣднее завѣщаніе о содержаніи и впредь семинаріи на проценты пожертвованной имъ суммы. 6 февраля 1805 года, хотя больной тѣломъ, но бодрый духомъ, отослалъ просьбу въ королевское правленіе о назначеніи коммисара для присутствованія при написаніи послѣдней его воли и для скрѣпленія этого документа своею подписью. Коммиссаръ Гепнель, прибывшій по этому случаю въ Супрасль съ двумя квесторами казнохранилищными, въ присутствіи Льва Яворовскаго и всѣхъ домашнихъ и родственниковъ Духновскихъ, законно утвердили это свидѣтельство. Послѣ утвержденія этого свидѣтельства, епископъ Духновскій прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ. Чувствуя приближеніе смерти и опасаясь чтобы послѣ его кончины долго не сиротствовала паства, еще въ генварѣ мѣсяцѣ, обратился къ правительству съ просьбою назначить ему коадъютора, который бы послѣ него могъ быть епископомъ. Онъ желалъ имѣть своимъ коадъюторомъ Михаила Даниловича. Но правительство хотѣло учредить генеральное суффраганство или викаріатсгво, на что епископъ не согласился. Потому 13 іюня онъ снова просилъ объ этомъ же правительство, но резолюціи не дождался. 21 іюня 1805 года, въ первомъ часу по полудни, епископъ Духновскій скончался. Управленіе епархіею, указомъ 8 іюля, поручено было генеральному оффиціалу Матѳею Концевичу. Первымъ дѣломъ его было пригласить вѣрныхъ по всѣмъ церквамъ епрахіи молиться объ упокоеніи усопшаго архипастыря, а къ правительству, 1 августа, онъ обратился съ слѣдующею просьбою: „Божіею волею уже второй епископъ, послѣ короткаго управленія, скончался; подобно своему предшественнику епископу Вислоцкому, онъ управлялъ епархіею только одинъ годъ и нѣсколько дней. Осиротѣлая паства, въ предотвращеніе остановки многихъ предначертаній и дѣлъ, начавшихся при усопшемъ епископѣ, обращается съ покорнѣйшею просьбою къ тебѣ, пресвѣтлѣйшій государь, какъ къ общему отцу, и умоляетъ твою царскую милость оказать ей помощь въ назначеніи новаго

для нея архипастыря. Твоя отеческая забота, пресвѣтлѣйшій государь, о счастьи и покоѣ твоихъ подданныхъ внушаетъ намъ надежду, что ты не только будешь способствовать къ утвержденію наименованнаго епископа, но подтвердишь всѣ древнія права нашей церкви и нашего обряда." Въ епископа супрасльскаго наименованъ супрасльскій архимандритъ Левъ Яворовскій. Но не скоро былъ онъ посвященъ въ епископа, по случаю присоединенія бѣлостокской области къ Россійской имперіи. Этимъ кончается исторія супрасльскаго монастыря и супрасльской епархіи во время прусскаго владычества.

(Продолженіе впредь).

АНДРУСОВСКІЙ ДОГОВОРЪ
и
ПЕТРЪ ДОРОШЕНКО.

(*Продолженіе*) (1).

Глава II.

Андруссовскій договоръ и значеніе его для Московскаго государства, Польши и Малороссіи. Подгаецкій договоръ. Бунтъ въ Малороссіи и смерть Бруховецкаго. Нападеніе запорожцевъ на Малороссію. Избраніе Многогрѣшнаго и Глуховецкія статьи. Взглядъ на судьбу восточной и западной Малороссіи.

Въ предъидущей главѣ мы объяснили кратко положеніе Малороссіи, во время заключенія андрусовскаго договора; теперь легко догадаться какія причины побуждали московскій дворъ къ отказу отъ всей западной Малороссіи.

1) De facto, западная Малороссія почти десять лѣтъ не была уже подъ властью царя.

2) Въ ней была сильная шляхетская партія, тянувшая къ Польшѣ и мечтавшая объ украинской республикѣ, въ федеративномъ союзѣ съ Рѣчью-посполитою.

3) Оставляя за собою одну восточную Малороссію, Московское

(1) Смотри 3-ю кн. Вѣст. Запад. Россіи.

государство пріобрѣтало навсегда страну, признавшую, по московскому договору съ Брюховецкимъ, полное подданство царя; западную же Малороссію только силою оружія можно было принудить къ согласію на такія условія; но для этого нужно было бы вести продолжительную войну съ Малороссіею, а исходъ ея былъ тѣмъ болѣе сомнителенъ, что козаки могли призвать турокъ.

А если бы московскій дворъ и привлекъ на свою сторону демократическую партію въ западной Малороссіи и такимъ образомъ соединилъ ее съ восточною, то для этого необходимо было добровольно уничтожить московскій договоръ, вывести ратныхъ людей изъ Малороссіи, отказаться отъ налоговъ, а главное — соединить Малороссію подъ властью одного гетмана, которымъ сталъ бы, конечно, Дорошенко. Такой поступокъ со стороны московскаго двора былъ-бы крайне не раціональнымъ, потому что въ такомъ случаѣ стремленіе соединенной Малороссіи къ независимости еще болѣе усилилось бы, и царь долженъ бы былъ или довольствоваться одною тѣнью власти, или же готовиться къ подавленію вазстанія въ Малороссіи, поддерживаемаго татарами, турками и, вособенности, поляками.

4) Доселѣ московское правительство свято сохраняло условія съ козаками, какъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, такъ и послѣ него. Козаки всегда первые нарушали договоры; такъ поступили: Выговскій, Юрій Хмѣльницкій, Тетеря, такъ хотѣлъ поступить и Самко, если бы ему удалось сдѣлаться гетманомъ. Клятвопреступленія и измѣны козацкихъ начальниковъ, естественно, вооружили противъ Малороссіи московское правительство и уничтожили въ немъ всякое довѣріе къ козацкой чести и присягѣ.

Если московское правительство и нарушило статьи, заключенныя съ Хмѣльницкимъ въ Переяславѣ, московскимъ договоромъ, то этого просила сама Малороссія, въ лицѣ Брюховецкаго съ его старшинами. Странно было бы со стороны московскаго правительства, еслибъ оно не ограничило свободы Малороссіи, когда сами малороссы объ этомъ просили, и добровольно отказались отъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ московскимъ договоромъ. Андрусовскимъ договоромъ московское правительство въ первый разъ нарушило свои обязательства, относительно Малороссіи; но къ такому поступку козаки сами подали поводъ своими безпрестанными измѣнами.

5) Миръ Польши съ Московскимъ государствомъ и раздѣленіе между ними Малороссіи навсегда укрощало козаковъ, препятствовало соединенію южной Руси съ Великороссіею, въ видѣ независимой, или,

что все равно, вассальной республики. Цѣлью раздѣла Малороссіи было обезсиленіе козачества, всегда готоваго къ неповиновенію и открытому возстанію; всякое волненіе въ Малороссіи можно было легко подавить общими силами союзныхъ государствъ. Слѣдовательно и Польша и Россія выигривали отъ заключенія мира. Первая, до крайности истощенная долгою войною, получала надежду успокоиться и получить помощь отъ сосѣдки въ случаѣ войны съ турками; вторая, расширивъ свои предѣлы, обезпечивала ихъ естественною границею,— Днѣпромъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтала большую часть древнихъ русскихъ земель, которыми нѣкогда завладѣла Литва.

На андруссовскій съѣздъ, гдѣ рѣшалась судьба Малороссіи, не были даже приглашены малорусскіе депутаты. Страна только тогда узнала о своемъ раздѣленіи, когда это раздѣленіе *de jure* уже совершилось. Такое невниманіе оскорбило народную гордость; мѣлкія страсти замолкли, слившись въ одну—любовь къ свободѣ и родинѣ. Болѣе Малороссіи независимое и сильнѣе ея преданное интересамъ родины, Запорожье первое возстало явно.

Въ прошлой главѣ мы видѣли, какъ сѣчовики прогнали Косогова, теперь они рѣшились заявить болѣе рѣзкимъ поступкомъ свое негодованіе за нарушеніе московскаго и андрусовскаго договоровъ.

Въ Сѣчь пріѣхалъ изъ Москвы ханскій посланникъ и остался тамъ ночевать. Запорожцы напали на бывшихъ съ нимъ татаръ, перерѣзали ихъ, разграбили имущество, а самого посла, съ подарками отъ царя къ хану, задержали въ Сѣчи, откуда посолъ ухитрился извѣстить о случившемся московскій дворъ. Еще не зная, что Запорожье уже не хочетъ признавать царской власти и думая, что избіеніе татаръ есть дѣло не коша, а нѣсколькихъ своевольцевъ, царь послалъ въ Сѣчь стольника Ладыжинскаго, съ приказаніемъ препроводить посла въ Крымъ и казнить убійцъ его свиты.

Опасаясь прежде созрѣнія общаго народнаго возстанія раздражить московское правительство, хитрые сѣчовики показали видъ, что готовы повиноваться царю. Виновные были арестованы, посолъ и Ладыжинскій выѣхали изъ Сѣчи на лодкѣ, и запорожцы, въ видѣ почетнаго караула, провожали ихъ также на лодкахъ; но едва только скрылась изъ виду Сѣчь, проводники напали на лодку, въ которой сидѣли посолъ и Ладыжинскій, бросили ихъ

въ Днѣпръ и овладѣли царскими подарками (1). Нуждаясь въ дружбѣ запорожцевъ, царь прислалъ имъ прощенье, которое не застало уже въ Сѣчи виновныхъ, потому что они, вмѣстѣ съ другими, разъѣхались по Малороссіи и начали возбуждать народъ къ повсемѣстному возстанію.

По андрусовскому договору, Польша на бумагѣ пріобрѣла Западную Малороссію, но еще оставалось овладѣть ею на дѣлѣ, потому что Дорошенко, послѣ брацлавской побѣды, рѣшительно отказалъ полякамъ въ повиновеніи. До какой степени была истощена Рѣчь-посполитая, можно судить изъ того, что, для покоренія цѣлой страны, защищаемой Дорошенкомъ и татарами, поляки успѣли собрать только семь тысячь пѣхоты и пять тысячь конницы. Войско это поступило подъ начальство знаменитаго Яна Собѣскаго, въ то время еще польскаго короннаго гетмана, и расположилось у Каменца.

Трудно было надѣяться, чтобъ это ничтожное войско могло спорить съ Дорошенкомъ и татарами; поэтому, въ интересахъ польскаго правительства, было необходимо разъединить враговъ.

Съ этой цѣлью былъ посланъ въ Стамбулъ Радзіевскій; но напрасно просилъ онъ султана—запретить крымцамъ разорять Польшу. Магометъ IV, недовольный заключеніемъ андруссовскаго договора, отвѣчалъ, что не намѣренъ запрещать татарамъ помогать Дорошенку. Радзіевскій спорилъ и доказывалъ султану, что съ его стороны беззаконно, находясь въ мирѣ съ Польшею, позволять своему вассалу—хану, дѣлать на нее нападенія,—чѣмъ еще болѣе раздражилъ султана. Магометъ IV велѣлъ посадить Радзіевскаго въ семибашенный замокъ и далъ позволеніе Адель-Гирею, крымскому хану, выступить противъ поляковъ. Войско козацко-татарское состояло изъ двадцати четырехъ тысячь козаковъ и восьмидесяти тысячь татаръ, подъ начальствомъ султана Калги (2). Загоны татарскіе начали опустошать Волынь и Покутье, и едва не взяли въ плѣнъ жену Собѣскаго въ Жолквѣ. Польскій гетманъ рѣшился на отчаянное средство: исправилъ укрепленіе Каменца,

(1) Лѣт. Самовидца, стр. 49

(2) Крымскіе татары, во время походовъ, находились подъ главнымъ начальствомъ двухъ султановъ: султана—Калги, или главнокомандующаго, и султана Нурадина,—его лейтенанта. Польскіе писатели сравниваютъ султана Калгу съ великимъ, а султана Нурадина съ польнымъ гетманомъ.

онъ пошелъ на встрѣчу врагу, въ восемъ разъ сильнѣйшему, дабы тѣмъ предохранить отъ грабежа и безъ того разоренную республику. Чтобы задерживать татаръ и козаковъ, онъ послалъ кавалерію, которая, хотя и не могла задержать непріятеля, но препятствовала ему пускать загоны въ Польшу.

Съ остальными силами Собѣскій окопался у Подгайцевъ (1) и ожидалъ непріятеля. Его еще не было, но уже мрачное отчаяніе царствовало въ лагерѣ. Одинъ только Собѣскій сохранялъ видимое спокойствіе, но и онъ видѣлъ, что спасенья нѣтъ, что остается только геройскою смертью поддержать славу своего имени. Положеніе поляковъ было безвыходное. Путь отступленія былъ отрѣзанъ непріятелемъ, разъѣздъ безъ кавалеріи невозможенъ. Преувеличенные слухи ходили о числѣ враговъ, но и безъ преувеличенія борьба была слишкомъ неравна. Кавалерія не возвращалась и не давала о себѣ извѣстій. Начальники и войско видѣли свою неизбѣжную гибель. Не всѣ они имѣли геройскій духъ Собѣскаго и рѣшились покинуть лагерь. Польный гетманъ сталъ посреди шеренгъ, плакалъ, умолялъ не позорить отечества постыднымъ бѣгствомъ, и слова его подѣйствовали на войско. Жолнеры упали на колѣна и торжественно поклялись, пока живы, оставаться въ окопахъ (2).

28-го сентября 1667 года, Дорошенко и султанъ — Калга — осадили Собѣскаго и предложили ему сдаться безъ бою. Собѣскій отвѣчалъ съ негодованіемъ, что не опозоритъ себя такимъ поступкомъ, что умретъ, а не сдастся.

Начались приступы, но поляки, съ мужествомъ отчаянія, отбивали ихъ; между тѣмъ прибыла и польская кавалерія и успѣла проникнуть въ лагерь. Туда же подъ защиту Собѣскаго сбѣжались и окрестные жители. Эта помощь хотя и усилила осажденныхъ, но за то и удвоила число потребителей съѣстныхъ припасовъ. Надо было на что нибудь рѣшиться. Собѣскій рѣшился выдти изъ лагеря и дать непріятелямъ сряженіе. День, назначенный для этого подвига, было 15-е октября. На канунѣ этого дня, неожиданно татары сами предложили мирныя условія. Поляки пришли въ неописанный восторгъ отъ такого счастія и

(1) Подгайцы, мѣстечко въ 50 верстахъ отъ Львова, оно лежало на границѣ русскаго воеводства.

(2) Dzieie Jana III Sobieskiego, przez Leona Rogalskiego, стр. 14—17.

объясняли его своею геройскою обороною, убѣдившею татаръ въ невозможности сражаться съ польскимъ войскомъ. Но причина была совсѣмъ другая. Спасителемъ польской арміи, а, быть можетъ, и всей Польши, былъ врагъ ея, запорожскій кошевой Иванъ Сирко. Пользуясь отсутствіемъ татаръ, онъ вздумалъ погулять въ Крыму. Перекопскій ханъ загородилъ ему дорогу, но Сирко разбилъ его и цѣлую недѣлю безпрепятственно грабилъ Крымъ (1). Съ этимъ извѣстіемъ прискакалъ въ Подгайцамъ Мурза-Ахметъ Кочуба. Татары пришли въ ужасъ, свѣдавъ объ участи своихъ семействъ и имуществъ, и начали переговоры о мирѣ (2). 16-го октября былъ подписанъ польскими и татарскими начальниками мирный договоръ, по которому татары обязались не нападать болѣе на польскія провинціи и освободить плѣнниковъ, въ томъ числѣ и Маховскаго. Поляки также обязались освободить плѣнныхъ татаръ (3). Сверхъ того Калга получилъ 10,000 злотыхъ.

Дорошенко могъ и съ одними своими силами биться съ поляками, но онъ не рѣшился на это потому, что все его вниманіе было обращено на волненія въ восточной Малороссіи. Съ Польшею можно было и послѣ помѣряться. Какъ бы то нибыло, Дорошенко вступилъ въ переговоры въ Собѣскимъ.

Козаки примирились съ поляками на слѣдующихъ условіяхъ, которыя въ сущности были только перемиріемъ, такъ какъ Собѣскій не имѣлъ полномочія утвердить ихъ:

1) Козаки присягнутъ на вѣрность королю и республикѣ;

2) не будутъ искать чужой протекціи;

3) изгнанные владѣльцы могутъ возвратиться въ свои имѣнья;

4) будетъ назначена коммисія для прекращенія всякихъ споровъ и недоумѣній, а до тѣхъ поръ:

5) польскія войска не имѣютъ права вступать въ козацкую землю;

6) равно и козаки не должны захватывать непринадлежащихъ имъ городовъ;

7) часть гарнизона польскаго выведется изъ (мѣстечка) Бѣлой Церкви (4);

---

(1) Лѣтоп. Грабянки, стр. 193.—Лѣт. Самов. стр. 49.

(2) Лѣт. Величка, т. II, стр. 147.

(3) Лѣт. Величка, т. II, стр. 152.— Lat. Jerlicza, т. II, стр. 120—124.

(4) Бѣлая Церковь и Дымеръ были единственными крѣпостями въ Малороссіи, гдѣ въ это время держались польскіе гарнизоны.

8) Паволоцкому полковнику возвратится имущество, отнятое у него поляками.

Подписавъ эти статьи и подтвердивъ ихъ присягою, Дорошенко и не думалъ объ ихъ исполненіи; ему надо было избавиться только отъ поляковъ на время, чтобъ овладѣть восточною Малороссіей. Доказательствомъ тому служитъ, что лишь только паны, надѣясь на подгаецкій договоръ, пріѣхали въ Малороссію, Дорошенко допустилъ крестьянамъ выгнать ихъ вонъ изъ имѣній и не обратилъ никакого вниманія на жалобы шляхты (1).

Послѣ золотоношской побѣды, народъ перестадъ давать подати; запорожцы начали ѣздить по Малороссіи, убѣждая къ поголовному возстанію противъ Москвы (2), собрать раду и смѣнить Бруховецкаго. Напрасно царь прислалъ грамоту (отъ 7-го іюля), въ которой убѣждалъ народъ оставаться вѣрнымъ московскому правительству и гетману Бруховецкому; всюду собирались толпы и громко выражали негодованіе противъ Москвы и гетмана.

Положеніе Бруховецкаго было самое затруднительное; но онъ сначала, кажется, не замѣчалъ этого и, ослѣпленный местью, дѣлалъ ошибку за ошибкою. Вмѣсто того, чтобы стараться заставить забыть прежнія обиды, онъ только подливалъ масла въ огонь. Убивая, гдѣ можно, бунтующееся поспольство, онъ предательски захватывалъ старшинъ, которыхъ подозрѣвалъ въ измѣнѣ, и сажалъ въ тюрму. Такъ поступилъ онъ съ генеральнымъ судьею Незамаемъ и полковниками Иванченкомъ и Гамалѣею. Послѣдній изъ нихъ былъ молодой козакъ, храбрый, умный и популярный между реестровиками. Бруховецкій опасался его и, зазвавъ къ себѣ въ Гадячъ, угощалъ цѣлый вечеръ, а на другой день приказалъ заковать и бросить въ тюрму (3). Бруховецкій арестовалъ и третьяго полковника— Мигалевскаго и, обвинивъ въ измѣнѣ, отослалъ въ Москву. Мигалевскій, родомъ грекъ и южный славянинъ, жилъ три года въ Іерусалимѣ и зналъ восточныхъ патріарховъ, которые въ то время были въ Москвѣ, по дѣлу патріарха Никона. Къ ихъ защитѣ прибѣгъ Мигалевскій; они не только оправдали его, но даже выхлопотали ему у царя русское

(1) Лѣт. Величка, т. II, стр. ?.

(2) Ист. Малороссіи, т. IV, (Грамота царя Алексѣя Михайловича), стр. 85.

(3) Лѣт. Величка, т. II, стр. 96.

дворянство, сорокъ соболей въ подарокъ (1) и наложили на Бруховецкаго проклятіе. Бруховецкій струсилъ и въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ просилъ у патріарховъ прощенья. Вниманіе царя къ Мигалевскому и презрѣніе, высказанное къ гетману, уронило его въ глазахъ немногихъ приверженцевъ въ Москвѣ, а наложенная анаѳема сдѣлала его предметомъ омерзѣнія въ глазахъ православнаго народа.

Въ это время Бруховецкій поссорился и съ бывшимъ своимъ приверженцемъ, епископомъ Меѳодіемъ, быть можетъ, негодовавшимъ за 4-ю статью московскаго договора, лишавшую его надежды быть кіевскимъ митрополитомъ. Меѳодій повсюду ораторствовалъ противъ гетмана и тѣмъ еще сильнѣе волновалъ народъ; но не довольный этимъ, онъ поѣхалъ въ Москву, думая доносомъ погубить Бруховецкаго (2). Алексѣй Михайловичъ ласкаво принялъ Меѳодія, но не повѣрилъ ему и уговорилъ помириться съ гетманомъ южно-русскимъ.

Къ 6 декабря 1667 года, Меѳодій пріѣхалъ въ Гадячь. Бруховецкій встрѣтилъ его за городомъ, угощалъ цѣлую недѣлю и женилъ на дочери его своего племянника. Причиною такой внезапной дружбы были обстоятельства, измѣнившія образъ мыслей Бруховецкаго.

Московскій дворъ, хотя и убѣжденный въ вѣрности Бруховецкаго, видѣлъ его рѣшительную неспособность управлять Малороссіей, гдѣ онъ успѣлъ возбудить всеобщую ненависть, и гдѣ вліяніе Дорошенка становилось съ каждымъ днемъ сильнѣе и опаснѣе для московскихъ интересовъ. Съ каждымъ днемъ можно было ожидать, что Орда, помирившаяся съ поляками, сдѣлаетъ, по совѣту Дорошенка, нападеніе на войско велико-русское. Московское правительство нашло полезнымъ войдти въ сношенія съ Дорошенкомъ, чтобы вывѣдать его мысли и убѣдить не начинать враждебныхъ дѣйствій.

Главными совѣтниками Дорошенка были: кіевскій митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ—Тукальскій и братъ гетмана Григорій. Первый только что, по подгаецкому договору, возвратился изъ крѣпости Маріенбурга (Мальборга). Это былъ человѣкъ строгой нравственности, твердыхъ убѣжденій, ученый, сосредоточенный, какъ-

(1) Ист. Малой Россіи, т. II, стр. 96.
(2) Ист. Малой Россіи, т. II, стр. 97.

бы созданный для того, чтобы укрощать часто пылкаго Дорошенка.

Тукальскій поселился въ Чигиринѣ и тѣмъ еще болѣе усилилъ значеніе Дорошенка, потому что даже политическіе враги уважали достоинства митрополита (1). Дорошенко принялъ Тукальскаго съ почетомъ и далъ ему во владѣніе мѣстечко Стайки, на берегу Днѣпра, ниже Кіева (2).

Григорій Дорошенко былъ также чрезвычайно полезенъ брату. Это былъ хорошій военачальникъ, ревностный исполнитель порученій гетмана, человѣкъ связанный съ нимъ родствомъ и искренно ему преданный.

Московское правительство, не желая явно нарушать договора съ поляками, начало тайныя сношенія съ этими двумя совѣтниками Дорошенка, не придавая переговорамъ оффиціальнаго значенія. Къ Григорію Дорошенку, только что, подобно Тукальскому, пріѣхавшему изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ плѣну, и митрополиту Іосифу, прибылъ ротмистръ Иванъ Рославлевъ, съ предложеніемъ отъ имени государя отложить горделивые замыслы, держаться вѣры христіанской, не водить дружбы съ татарами и отдаться подъ защиту государя. На единѣ онъ уговаривалъ ихъ отклонить гетмана отъ христоненавистныхъ агарянъ подъ высокую державу единовѣрныхъ государей. Дорошенко, негодуя на Россію за андруссовскій договоръ, отвѣчалъ: „Государи договоромъ андруссовскимъ разодрали на части Малороссію и согласились оную искоренить (?); поэтому единая моя надежда на татаръ, и союзъ мой съ ними долженъ оставаться во всей силѣ — тѣмъ болѣе, что онъ не вредитъ ни царю, ни королю, а я и безъ подданства всегда благопріятствую его царскому величеству“ (3).

Вскорѣ послѣ отъѣзда Рославлева, 15-го декабря, прибылъ въ Чигиринъ дворянинъ Василій Дубенскій. Ему поручено было: не убѣждать Дорошенка повиноваться Польшѣ, что при ненависти и презрѣніи его къ полякамъ было напрасно; а склонять къ призна-

(1) Такъ, напримѣръ, сторонникъ Великороссіи, черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ, написалъ Тукальскому епитафію, въ которой восхваляетъ его достоинства.

(2) Памятники кіевск. арх. Ком. т. II, стр. 227.

(3) Сношенія Дорошенка съ Тяпкинымъ, заимствованы изъ Исторіи Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго. Т. II, стр. 91. Переписка эта выписана изъ малороссійскихъ дѣлъ Московскаго Колежскаго архива.

нію власти московскаго царя. Дорошенко ласково принялъ посла, объявилъ ему свое желаніе поступить подъ высокую руку великаго государя и жалѣлъ, что не можетъ этого скоро исполнить. „Я ожидаю отдачи мнѣ Бѣлой Церкви, а если мнѣ и не отдадутъ, то я возму ее силою.“ Дубенскій уговаривалъ гетмана не посылать татаръ въ восточную Малороссію для кровопролитія и разоренія церквей Христовыхъ. „Если я захочу, то татары не пойдутъ войной, а если и пойдутъ, то не противъ его царскаго величества.“

Потомъ Гетманъ началъ жаловаться на поляковъ. „Много лѣтъ служилъ я Польшѣ, козаки клали за нее свои головы. И что же мы получили за то? Поляки нарушаютъ наши права, вмѣшиваются, вмѣстѣ съ наемными нѣмцами, въ войсковыя дѣла, до нихъ не касающіяся, не только простыхъ козаковъ, но и старшинъ бьютъ, мучатъ, обременяютъ разными податями, ограбили многія церкви Божіи, обратили другія въ костелы. Я не хочу кровопролитія, не пошлю татаръ противъ войскъ его царскаго величества, но отъ союза съ татарами не отстану, хотя и согласенъ быть подъ рукою его царскаго величества. Татары ближе отъ моей земли и прежде чѣмъ придутъ ратные люди московскіе, они успѣютъ разорить Малороссію. Если же я буду въ дружбѣ съ татарами, то и государство Московское будетъ обезпечено отъ ихъ нападеній.“

Дубенскій обѣдалъ у гетмана. Послѣ заздравныхъ тостовъ въ честь государя, Дорошенко сказалъ: „Государь помирился съ королемъ; по договору Кіевъ долженъ отойдти къ Польшѣ; но я и войско скорѣй положимъ свои головы, нежели отдадимъ его.“ На другой день Дубенскій уговаривалъ Тукальскаго и Григорія Дорошенка—преклонить гетмана на сторону царя. Тукальскій не далъ ему опредѣленнаго отвѣта, но написалъ слѣдующее письмо къ кіевскому воеводѣ Петру Васильевичу Шереметьеву.

„Я не посовѣтую гетману нарушить миръ съ королемъ, который клятвою подтвердилъ права наши, я христіанинъ и не хочу быть клятвопреступникомъ, потому что боюсь суда Божія, не поступлю подобно кардиналу римскому (1), который, подвинувъ на брань короля польскаго Владислава Ягайловича, погубилъ и его, и войско. Пусть Господь пошлетъ другой совѣтъ, совѣтъ пра-

(1) Юліану Чезарини, посовѣтовавщему королю польскоу Владиславу нарушить миръ съ турками, слѣдствіемъ чего были пораженіе и смерть короля подъ Варной, въ 1444 году.

ведный, истинный и сохранить миръ для блага братій и ближнихъ. Воспоминая слова священнаго Писанія: врагу твоему никогда вѣры не даждь, вручаю себя добру и милости вашей. Молитвенникъ предъ Господомъ Богомъ, рабъ многогрѣшный Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій".

19 Сентября Дубенскій выѣхалъ съ этимъ письмомъ; вслѣдъ за симъ явился къ Григорію Дорошенкѣ помощникъ стряпчаго Василія Михайловича Тяпкина, поручикъ рейтарскаго строя Кручина Тютеревъ. Григорій не принялъ письма и отправилъ его къ брату. Гетманъ собралъ старшинъ и полковниковъ и при нихъ велѣлъ читать письмо. Въ этомъ письмѣ Тяпкинъ уговаривалъ Дорошенка признать власть царя. Выслушавъ письмо, Дорошенко словесно отвѣчалъ посланнику:

„Мы согласны быть подъ рукою его свѣтлаго царскаго величества; но боимся короля польскаго, а наиболѣе крымскаго, который, узнавъ о переговорахъ съ царемъ, можетъ выслать татаръ опустошить города и мѣстечки наши." Тютеревъ приглашенъ былъ гетманомъ въ церковь къ обѣдни. Служеніе совершали митрополитъ Іосифъ и монахъ Гедеонъ, бывшій гетманъ козацкій; на эктеніяхъ молились за короля польскаго и только при большомъ выносѣ митрополитъ помянулъ вселенскихъ патріарховъ, а Хмѣльницкій его царское величество.

Получивъ чрезъ Тютерева отвѣтъ Дорошенка, самъ стряпчій Тяпкинъ пріѣхалъ въ Чигиринъ, явился къ Григорію Дорошенку съ прежними предложеніями: Григорій отвѣчалъ: 1) Орды не перейдутъ за Днѣпръ въ малороссійскіе города, подвластные государю 2). Дружба гетмана съ тарарами не можетъ мѣшать ни его царскому величеству, ни королю польскому. 3) Гетманъ войскъ его королевскаго величества запорожскихъ, и безъ подданства, доброжелательствуетъ царю, какъ за дознанную къ нему царскую милость, такъ и потому, что онъ монархъ православный, единый подъ солнцемъ сіяющій. 4) Прежнее обѣщаніе подданства его царскому величеству было вѣрно сохраняемо, а какую за то награду получили проливающіе кровь свою за престолъ царскій, можетъ онъ видѣть изъ письма къ нему гетманскаго.

Письмо Петра Дорошенка къ стряпчему было слѣдующее: „Божіею милостію великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси самодержца, мно-

тихъ западныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ земель отчича, дѣдича, наслѣдника и благодѣтеля. Его царскаго величества стряпчему, благородному господину Василію Михайловичу Тяпкину, о Господѣ радоватися. Съ благородностію получилъ я ваше письмо, но не могу исполнить того, о чемъ проситъ ваша честность. Уже много разъ старались преклонить меня и моихъ приближенныхъ; но бывшіе предо мною гетманы, предавшись царю, никакой не получили пользы. Божья ли воля была всему этому причиною, или козни злыхъ людей, то разсудитъ самъ Богъ. Кто такъ усердно и служилъ и жертвовалъ головами и кровью нашею, дѣйствуя противъ враговъ его царскаго величества, какъ не Богданъ Хмѣльницкій, гетманъ войска запорожскаго, который умомъ и силой предалъ во власть государю не только Бѣлую Русь, но и всю Литву, съ главнымъ городомъ Вильною; онъ же ввелъ его царское величества въ Львовъ и Люблинъ, и до самой смерти вѣрно служилъ ему. Кто, съ тѣмъ же гетманомъ, привелъ войско запорожское не во власть султана турецкаго, но подъ высокую царскую руку и соединилъ съ государскимъ его величествомъ многіе города и села, а въ томъ числѣ и главный градъ Кіевъ, со всѣми мощами святыхъ, какъ не бывшій писарь Иванъ Выговскій? Кто убилъ Ефима Самка и Василія Золотаренка? Но подумай, любимецъ, какая отъ того была польза? Первому, въ первой коммиссіи, коммисары московскіе не только не дали мѣста, но и поругались надъ нимъ при императорскихъ и польскихъ коммиссарахъ, сказавъ, что гетманъ Хмѣльницкій не достоинъ совѣтоваться о своей пользѣ. Не прогналъ ли гетмана Выговскаго, утвержденнаго въ Переяславѣ, бояринъ его царскаго величества Богданъ Матвѣевичь Хитрово; выставили тайно Пушкаря, Безпалаго, Барабаша, Силку и тѣмъ произвели междоусобную войну въ войскѣ Запорожскомъ.

Благодаримъ Бога за то, что прекратилась война, но какая отъ этого польза городамъ бѣлорусскихъ? Примѣръ тому Витебскъ, гдѣ не позволено православнымъ имѣть ни одной церкви,— Полоцкъ, гдѣ запрещено возобновлять еддинственную православную церковь, которая сгорѣла. Тоже дѣлается и въ прочихъ городахъ, отданныхъ государемъ Польшѣ.

Не смотря на желаніе твоей честности, я не могу согласиться на совѣтъ твой. Хотя мы и во истинну рабы Христовы, Его кровію искупленные, но словесные и небезумные, и до сихъ поръ защи-

щали головами своими землю, принадлежащую его царскому величеству, и ратныхъ людей московскихъ, и проч. (1)“

Вручаю себя твоему дружелюбію.

Дано въ Чигиринѣ, лѣта 1668 генваря 1 дня.

Петръ Дорошенко, гетманъ войска его королевскаго величества запорожскаго.“

Не смотря на это письмо, выражавшее недовѣрчивость гетмана къ Россіи, Григорій Дорошенко и Тукальскій, главные его совѣтники, объявили Тяпкину и поручили ему довести до свѣденія бояръ, что заднѣпровскіе козаки согласны быть подъ властію его царскаго величества, если государь не будетъ опредѣлять своихъ чиновниковъ въ города и мѣстечки, не велитъ собирать податей, освободитъ отъ всякихъ налоговъ, не нарушитъ прежнихъ правъ и признаетъ Петра Дорошенка гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, предоставивъ Бруховецкому пользоваться званіемъ боярина и дарованными ему владѣніями.

Трудно рѣшить, повели бы къ чему нибудь эти переговоры или нѣтъ. Послѣднее вѣрнѣе; потому что московское правительство не стремилось къ соединенію всей Малороссіи, а только хотѣло убѣдить Дорошенка не дѣлать нападенія на подвластную царю страну. Дорошенко, конечно, рѣшился бы на измѣну ненавистной для малороссіянъ Польшѣ, но онъ требовалъ такихъ условій, которыя были противуположны интерессамъ Московскаго государства и вовлекли-бы его въ новую войну съ Польшею. Къ тому-же договоры эти велись частно; потому что Тяпкинъ не имѣлъ никакого полномочія, и потому не могли имѣть положительнаго значенія.

Бунтъ въ восточной Малороссіи прекратилъ ихъ и этотъ бунтъ началъ самъ Бруховецкій.

Чтобъ объяснить такой странный поступокъ, нужно вникнуть въ безвыходное положеніе Бруховецкого. Онъ жертвовалъ всѣмъ для московскаго правительства, а оно, награжденіемъ Мигалевскаго, оскорбило его. Гетманъ перенесъ эту обиду и, продолжая дѣйствовать въ интересахъ царя, просилъ разрѣшенія обнародовать въ

(1) Письмо это мы привели безъ финала и съ небольшими пропусками тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ Дорошенко сваливаетъ на Москву и царя вину за неурядицу и несчастья, происшедшія совсѣмъ отъ другихъ причинъ, и которыя могутъ ввести въ заблужденіе читателей, невполнѣ знакомыхъ съ ходомъ тогдашнихъ событій въ Малороссіи. - Ред.

Малороссіи статьи андруссовскаго договора; потому что въ народѣ ходили объ немъ самые нелѣпые слухи: толковали, что козаковъ рѣшено истребить и восточную Малороссію отдать, какъ и западную, Польшѣ (1); съ этою цѣлью гетманъ послалъ въ Москву войсковыхъ канцеляристовъ Якубовича и Макріевча. Канцеляристы не добились въ Москвѣ разрѣшенія обнародовать андруссовскій договоръ; имъ отвѣчали, что дѣло гетмана блюсти за порядкомъ, а о статьяхъ андруссовскихъ пусть не заботится, ибо что въ нихъ написано, то хорошо. Возвратясь въ Малороссію, канцеляристы разсказывали, что велѣно возвратить полякамъ не только плѣнниковъ, но и всѣ вещи и церковные сосуды, захваченные во время войны.

Канцеляристы говорили правду: это условіе было включено въ андруссовскій трактатъ; но если бы его начали приводить въ исполненіе, то многіе козаки лишились бы имущества, составленнаго грабежемъ въ Польшѣ. Это извѣстіе огорчило народъ; все почти народонаселеніе явно начало готовиться къ возстанію и звало Дорошенка.

Въ это время слухи о сношеніи Тяпкина съ Дорошенкомъ дошли до Бруховецкаго. И болѣе его твердый духомъ человѣкъ могъ смутиться; Бруховецкій же впалъ въ отчаяніе. Проведя всю жизнь въ предательствѣ и измѣнахъ, онъ никому и самъ не вѣрилъ и думалъ, что московскій дворъ пожертвуетъ имъ, съ цѣлью привлечь Дорошенка.

Породнившійся съ Бруховецкимъ, Меѳодій успѣлъ воспользоваться его положеніемъ, вкрался въ его довѣренность и вполнѣ подчинилъ его себѣ. „Не плошай,“ писалъ онъ къ нему, „объ насъ идетъ торгъ, хотятъ, взявъ за шею, выдать ляхамъ. Окружай себя запорожцами и укрѣпи пограничныя мѣста. Шереметьевъ теперъ въ тѣсной связи съ Дорошенкомъ. Мила мнѣ отчизна. Бѣда, если поработатятъ ее. Лучше смерть, чѣмъ золъ животъ. Страшись имѣть одну участь съ Барабашомъ (2).“

Вскорѣ послѣ этого письма, Бруховецкій получилъ другое отъ митрополита Іосифа Тукальскаго. Письмо это было привезено въ Гадячь намѣстникомъ пинскаго монастыря монахомъ Якубенскимъ. Тукальскій упрекалъ Бруховецкаго за то, что онъ допустилъ притѣснять народъ, убѣждалъ возстать и обѣщалъ, что Дорошенко

(1) Лѣтопись Самовидца. Стр. 50.
(2) Дѣла Москов. Арх. Коллег. Ин. дѣлъ. 1667 г.

уступить ему булаву съ тѣмъ, чтобъ онъ соединилъ Малороссію (1). Бруховецкій, конечно, не повѣрилъ Дорошенку, но надо было на что нибудь рѣшиться, потому что московская помощь не являлась, и первою жертвою народнаго возстанія былъ бы, конечно, гетманъ. Бруховецкій началъ измѣну тѣмъ, что вздумалъ предать русскихъ воеводъ народу, въ надеждѣ возвратить тѣмъ любовь его. Съ этою цѣлью, Бруховецкій старался помириться съ старшинами, освободилъ Гамалѣю и, 6 Января 1668 года, собралъ въ Гадячѣ раду (совѣтъ). Въ ней учавствовали полковники лѣвой стороны Днѣпра, одни были возведены въ эти должности изъ прежнихъ товарищей Бруховецкого,—запорожцевъ; другіе были реестровики, хитростію и угодливостію сохранившіе уряды во время гетманства Бруховецкого. Въ совѣтѣ положили возстать противъ царя и призвать на помощь татаръ и турокъ. Съ этою цѣлью, былъ посланъ въ Крымъ Стефанъ Греляный, а Григорій Гамалѣя и Лаврентій Калмеровичъ къ султану (2). Рѣшеніе рады положено было держать въ тайнѣ, чтобы тѣмъ удобнѣе напасть на воеводъ. Народъ, какъ только узналъ о согласіи старшинъ на возстаніе, тотчасъ началъ избіеніе воеводъ и ихъ отрядовъ.

1-го февраля 1668 года, прибылъ во Лохвицу, запорожецъ Соха, съ своимъ отрядомъ и заставилъ московскій отрядъ отступить. Это было сигналомъ къ общему возстанію. 8-го февраля Бруховецкій приказалъ воеводѣ Евгею Огареву выѣхать изъ Гадяча. Едва только воевода выѣхалъ изъ Гадяча, какъ козаки напали на его ратныхъ людей, большую часть перебили, имущество заграбили и только немногіе изъ отряда успѣли спастись. Вое-

(1) Лѣт. Самовидца, стр. 51. Авторъ Исторіи руссовъ приводитъ въ своемъ сочиненіи письмо Дорошенка къ Бруховецкому подобнаго же содержанія, но мы не можемъ рѣшиться помѣстить его въ этой статьѣ. Легко можетъ быть, что оно подложное, потому что авторъ не стѣснялся сочинять письма, рѣчи и даже факты, чѣмъ запуталъ и затемнилъ свое повѣствованіе.

(2) Лѣт. Самов. стр. 51, Въ тоже время, Бруховецкій послалъ письмо къ донскимъ козакамъ и слободскимъ украйнцамъ, желая превратить бунтъ въ восточной Малороссіи во всеобщее козацкое возстаніе. Хотя бунтъ и созрѣвалъ на Дону, но Бруховецкому не суждено было получить помощь отъ буйныхъ товарищей Разина, а слободскіе козаки, довольные своими льготами и спокойствіемъ, остались вѣрны облагодѣтельствовавшему ихъ царю. Письмо Бруховецкого къ донцамъ, наполненное наглою ложью, помѣщено въ актахъ при Исторіи Малороссіи Маркевича, на 91 стр. IV тома.

вода былъ схваченъ козаками и посаженъ въ тюрьму. Впослѣдствіи онъ, по приказанію Дрошенка, былъ перевезенъ въ Чигиринъ.

Тоже самое повторялось и въ другихъ городахъ. Воеводы: стародубскій Игнатій Волконскій и новгородъ-сѣверскій Иванъ Ивашинъ были убиты, лубенскій Ѳома Бабиковъ и глуховскій Миронъ Кологривовъ отданы татарамъ; миргородскій Михаилъ Приклоненій, батуринскій Тимоѳей Клокачевъ и прилуцкій Кирилло Загряжскій взяты въ плѣнъ и въ послѣдствіи выданы Дорошенку. Въ Нѣжинѣ, Переяславѣ и Черниговѣ воеводы заперлись въ замкахъ, заблаговременно сдѣлавъ запасы и дожидались помощи. Въ Кіевѣ, гдѣ находился значительный отрядъ, не произошло возстанія. Честнѣе прочихъ поступили съ своимъ воеводою полтавцы: они отняли у него часть имущества, изгнали изъ города, но провожали до Рублевка и Колонтаева, охраняя отъ вольницы, которая могла бы напасть на дорогѣ (1).

Въ половинѣ февраля московскій дворъ былъ уже извѣщенъ о бунтѣ въ Малороссіи. Царь приказалъ князю Ромадановскому вступить въ Малороссію, на помощь осажденнымъ воеводамъ, и послалъ гонца въ Польшу съ просьбою о содѣйствіи въ усмиреніи мятежа. Поздніе и сильные морозы долго задерживали князя Ромадановскаго; только въ концѣ апрѣля выступилъ онъ изъ Путивля и Бѣлгорода и осадилъ Котельву, пограничный городъ гадяческаго полка. Въ Котельвѣ заперлись запорожцы и пѣшій охочій козацкій полкъ. Бруховецкій послалъ къ полковникамъ приказъ идти на помощь осажденнымъ и выступилъ противъ Ромадановскаго. Поджидая полковниковъ, Буховецкій шолъ медленно, въ Шиловцѣ и Човнахъ останавливался на недѣлю, но не дождался ихъ и пошелъ къ Диканкѣ. Вблизи ея, на Сербинскомъ полѣ, прославленномъ побѣдою Пушкаря надъ Выговскимъ, у Изученкова байрака, противъ Острогнинкова рога, расположилъ онъ свой лагерь (2) въ ожиданіи полковниковъ, въ недоумѣніи на счетъ причины ихъ непослушанія и въ мрачномъ предчувствіи близкой опасности. Онъ могъ только догадываться, но еще навѣрно не зналъ, что вся Малороссія, всѣ старшины, на гадяческой радѣ, увѣрявшіе въ вѣрности ему, и все поспольство, нѣкогда обожавшее его, уже измѣни-

(1) Лѣт. Величка, Т. II. стр. 161.

(2) Лѣт. Величка, Т. II. стр. 163.

ли ему и перешли на сторону врага его. Предсказаніе Меѳодія исполнилось: участь Барабаша ожидала Бруховецкого.

Когда началось нападеніе на великорусскіе отряды, возбужденное универсалами Дорошенка, онъ оставался спокойнымъ, выжидая какой оборотъ приметъ дѣло. Ему не хотѣлось явно идти противъ царя; онъ разчитывалъ, что когда возстаніе начнетъ Бруховецкій, а онъ придетъ только на помощь угнетаемаго имъ народа, то этимъ замаскируетъ свои поступки,— и, если верхъ остнется за козаками, и они единодушно выберутъ его гетманомъ, московское правительство принуждено будетъ признать его и онъ въ западной Малороссіи будетъ вассаломъ Польши, а въ восточной —Россіи, т. е. будетъ на томъ же основаніи, какъ и запорожцы, состоять подъ покровительствомъ обѣихъ державъ. Потому Дорошенко, чтобы не раздражить московскаго правительства, входилъ съ нимъ въ сношенія, и отстранялъ отъ себя инціативу возстанія, предоставляя ее безумію Бруховецкого. Но Дорошенко не могъ оставаться въ бездѣйствіи: отовсюду скакали къ нему гонцы и получались письма (1), призывавшіе его въ восточную Малороссію на помощь. Выжидай онъ еще болѣе, дѣло могло кончиться тѣмъ, что собралась-бы рада и выбрала на мѣсто Бруховецкого новаго гетмана.

Въ началѣ мая 1668 года Дорошенко переправился черезъ Днѣпръ и пошелъ къ Полтавѣ, на дорогѣ къ нему присоединились реестровые козаки и толпы посполитыхъ. Узнавъ о томъ, что Бруховецкій стоитъ у Диканки, Дорошенко оставилъ свои главныя силы въ лагерѣ подъ Опошнымъ, а самъ со старшинами и тысячью человѣкъ козаковъ поѣхалъ къ табору Бруховецкаго и сталъ на Серебринской могилѣ. Отсюда Дорошенко послалъ въ лагерь Бруховецкаго сотника Дрозденка, со своими слугами и нѣсколькими десятками козаковъ, и приказалъ имъ взять и привести Бруховецкого. Бруховецкій сидѣлъ въ своемъ шатрѣ съ преданными ему людьми, когда вошелъ Дрозденко и дерзко приказалъ ему слѣдовать за собою къ Дорошенку. Еще Бруховецкій не успѣлъ ничего отвѣтить, какъ Дрозденко схватилъ его за руку и хотѣлъ силою вытащить изъ ставки. Старый товарищъ Бруховецкого Иванъ Чугуй, бывшій при немъ во время своего гетманства, ударилъ Дрозденко мушкетомъ въ грудь и повалилъ на земь. Между

(1) Лѣт. Сам. стр. 51.

посланными Дорошенка и бывшими запорожцами завязалась драка и неизвѣстно, чѣмъ бы она кончилась, если бы въ лагерѣ Бруховецкого не распространилась вѣсть о прибытіи давно ожидаемаго чигиринскаго гетмана. Мятежъ вспыхнулъ мгновенно. Козаки и чернь, съ проклятіями, ворвались въ шатеръ Бруховецкого, схватили его и, издѣваясь, потащили къ Дорошенку, который стоялъ на холмѣ, предвидя такую развязку. Не успѣлъ еще Дорошенко договорить укоризны падшему врагу, какъ началось ужасное зрѣлище: тѣже, которые привели Бруховецкаго, начали рвать его на части, ломать, бить палками и чѣмъ попало, вспоминая при этомъ всѣ его преступленія. Можетъ—быть это звѣрство продолжалось—бы долго, если бы запорожцы не вмѣшались въ толпу, съ цѣлью спасти своего вождя. Но было поздно: кто то уже убилъ его дубиною. Тогда Чугуй сталъ уговаривать толпу, чтобъ убили и Дорошенку; но видя, что его никто не слушаетъ, обезпамятѣвъ отъ ярости, бросился съ горстью козаковъ къ Дорошенку. Уже въ глазахъ гетмана пало нѣсколько его приверженцовъ, но борьба была слишкомъ не равна. Не смотря на свое мужество, Чугуй былъ—бы задавленъ числомъ; но Дорошенко не былъ кровожаденъ: онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, изъ политическихъ выгодъ, пожертвуютъ сотнею друзей, но безполезно не погубятъ врага. Онъ прекратилъ битву и извинялся предъ Чугуемъ и запорожцами, увѣряя, что все произошло отъ недоразумѣнія и что онъ никогда не желалъ смерти Бруховецкаго. Вслѣдъ за убійствомъ Бруховецкаго, были убиты и нѣкоторые изъ поставленныхъ имъ старшинъ, какъ напримѣръ, Витязенко (1). Имѣніе Бруховецкаго было разграблено чернью и татарами, прибывшими въ опашнянскій лагерь (2); тѣло же Бруховецкаго было погребено съ честью въ гадячскомъ Богоявленскомъ монастырѣ (3). Дорошенко все еще явно не хотѣлъ идти противъ московскаго правительства. Изъ лагеря подъ Опошнымъ онъ послалъ гонца къ Ромодановскому, осаждавшему Котельву, съ извѣстіемъ о смерти Бруховецкаго, о своемъ избраніи въ гетманы восточной Малороссіи и съ совѣтомъ оставить Котельву. Получивъ это извѣстіе, Ромадановскій отступилъ отъ Котельвы къ

(1) Лѣт. Величка; стр. 164.
(2) Лѣт. Самовидца; стр. 52.
(3) Лѣт. Величка; т. 11, стр. 164.

Ахтыркѣ. Дорошенко пошелъ къ Котельвѣ, далъ тамъ отдыхъ своимъ войскамъ, велѣлъ осаждать воеводъ въ Переяславѣ, Черниговѣ и Нѣжинѣ и показывалъ видъ, что хочетъ идти къ Путивлю (1).

Въ это время, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ, до Дорошенка дошелъ слухъ о развратномъ поведеніи его жены (2). Гетманъ передалъ начальство надъ главными силами наказному гетману Якову Корицкому, съ приказаніемъ оборонять Малороссію отъ Ромодановскаго, разполагаясь у Роменъ. Надъ козаками, оставшимися внутрь Малороссіи у Нѣжина и Чернигова, и осаждавшими воеводъ, Дорошенко поставилъ старшимъ черниговскаго полковника Демьяна Многогрѣшнаго.

Распредѣливъ такимъ образомъ начальство, Дорошенко уѣхалъ въ Чигиринъ. Вслѣдъ за нимъ ушли и татары, недовольные на Дорошенка, не позволявшаго имъ грабить. Ихъ примѣру послѣдовали и запорожцы, жившіе въ Малороссіи при Брюховецкомъ и озлобленные на Дорошенка, прекратившаго ихъ грабежъ и владычество.

Возвращеніе въ Сѣчь цѣлой толпы старыхъ товарищей, привезшихъ съ собою награбленныя деньги и сокровища, произвело сильное вліяніе на Запорожье. Привлекая къ себѣ кого подкупомъ, кого убѣжденіемъ, кого надеждою, бывшіе товарищи Брюховецкаго успѣли составить на Запорожьи сильную партію, опозиціонную Дорошенку. Это было для нихъ тѣмъ легче, что во время гражданскихъ воинъ деморализація проникла и на Запорожье, ставшее далеко не тѣмъ, чѣмъ было оно при началѣ возстанія

---

(1) Лѣт. Величка, т. 11, стр. 166.

(2) Лѣтописцы только вскользь упоминаютъ о такой причинѣ отъѣзда Дорошенка, такъ, напримѣръ: Самовидецъ говоритъ, что Дорошенко узналъ о томъ, что жена его *скочила черезъ плоть къ молодшимъ;* другіе лѣтописцы повѣствуютъ, что Дорошенко уѣхалъ, *свѣдавъ о нѣкоемъ жены своея безчиніи. (Скочить черезъ плоть*, или *вскочить въ гречку*, по украински, значитъ совершить прелюбодѣяніе). Рогальскій, авторъ монографіи Dzieje Jana III Sobieskiego, упоминаетъ о послѣдующей судьбѣ жены Дорошенка. Въ 1674 году она составила, вмѣстѣ съ какимъ то паномъ—растригой и двумя жидовками, заговоръ на жизнь мужа. Заговоръ не удался; Дорошенко велѣлъ обрѣзать носъ и уши пану и сжечь живыми двухъ жидовокъ; а жену заставилъ выпить ядъ, не желая публичною казнью безчестить гетманское достоинство (Dzieje Jana III Sobieskiego, стр. 73.).

Хмѣльницкаго. Въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка, назначеніемъ и цѣлью запорожцевъ была непримиримая борьба съ магометанами и защита украинскихъ братьевъ отъ лядскаго, т. е. панскаго угнетенія и обращенія въ унію. Вѣчная брань съ мусульманами и противудѣйствіе латинской пропагандѣ развили въ запорожцахъ глубокую ненависть къ иновѣрцамъ и религіозное настроеніе духа, у людей неразвитыхъ обращающееся въ фанатизмъ; постоянныя же почти неудачи въ борьбѣ съ поляками, всеобщее страданіе братій, всегдашняя опасность, безбрачіе, отсутствіе собственности и домашняго очага—породили въ степныхъ воинахъ презрѣніе къ жизни, равнодушіе ко всѣмъ наслажденіямъ и бѣдствіямъ, къ богатству и къ самой жизни, грубый цинизмъ и дикую отвагу. Одного только боялся запорожецъ: это какимъ нибудь поступкомъ погубить *„козацкую славу“*. Она была единственною его привязанностью, его утѣхою, цѣлью его жизни; она его дѣлала честнымъ товарищемъ въ куренѣ, героемъ на полѣ битвы, хладнокровнымъ, безмолвнымъ мученикомъ въ страшный часъ казни. Геройскіе подвиги козаковъ 16 вѣка служили примѣромъ *„товариству“*. Они повѣствовались въ думахъ, передавались въ разсказахъ. Гигантскіе образы Байды, Богданка, Кишки, Подковы постоянно носились въ воображеніи запорожца. Задушевною мыслію его было сравняться съ ними и личною отвагою поддержать дѣдовскую славу. Не удивительно, что при такомъ закалѣ, запорожцы—защитники вѣры и родины, безкорыстные и безстрашные, сдѣлались идоломъ народа.

Побѣды Хмѣльницкаго и основаніе козацкой автономіи развратили запорожцевъ и возгордили ихъ, а громадная добыча породила корыстолюбіе. Вреднѣе всего дѣйствовало на запорожцевъ (1) обыкновеніе, сдѣланное наслѣдниками Хмѣльницкаго, посылать, при своемъ избраніи, деньги и подарки на Запорожье. Эти подарки, будучи своего рода подкупомъ, пріучили запорожцевъ къ двоедушію и вѣроломству.

Доступъ на Запорожье, какъ мы видѣли выше, былъ весьма легокъ; но до Хмѣльницкаго, Запорожье пополнялось преимущественно бѣглыми украинскими поселянами, которымъ не зачѣмъ

(1) Нужно замѣтить, что въ продолженіи 8 лѣтъ, прошедшихъ послѣ смерти Хмѣльницкаго было по крайней мѣрѣ десять гетмановъ, утвержденныхъ царемъ или королемъ, и самозванцевъ.

было возвращаться въ родную деревню, гдѣ ихъ ждали колъ или висѣлица; послѣ—же пораженія поляковъ, поѣздки на Запорожье южно—русскихъ дворянъ и козаковъ сдѣлались весьма часты. Одни ѣхали отъ бездѣлья, изъ удальства и любопытства, другіе въ слѣдствіе ссоры съ вліятельными лицами, въ ожиданіи перемѣны обстоятельствъ. На Запорожьи они пріобрѣтали знакомыхъ, друзей и приверженцевъ, которые могли быть имъ полезны въ случаѣ надобности. Такъ поступали Бруховецкій, при помощи запорожцевъ, овладѣвшій булавою. Пришельцы подобнаго рода способствовали деморализаціи низоваго братства. Они соблюдали полное равенство, подражали запорожскому цинизму, щедро поили новыхъ товарищей, съ терпѣніемъ переносили ихъ грубыя выходки, направленныя противъ бывшаго панства—пришельца и, при своемъ образованіи и простоватости запорожцевъ, скоро пріобрѣтали вліяніе надъ ними и пользовались имъ для своихъ личныхъ цѣлей.

Изъ пришельцевъ, жившихъ на Запорожьи въ описываемое время, замѣчательнѣе прочихъ были Петръ Суховій, успѣвшій сдѣлаться войсковымъ писаремъ, Михайло Ханенко и Григорій Гуляницкій; оба послѣдніе были полковниками при старомъ Хмѣльницкомъ.

Суховій былъ реестровый козакъ изъ западной Малороссіи,—человѣкъ образованный и смѣлый. Онъ успѣлъ добиться писарства и, пользуясь ничтожествомъ кошеваго Ивана Бѣлковскаго, управлялъ всѣми сѣчевыми дѣлами. (1)

Отецъ Михайла Ханенка былъ запорожецъ. Однажды, разбивъ крымцевъ, онъ отбилъ плѣнниковъ, и въ томъ числѣ дочь лукомскаго старосты. Въ благодарность ли за спасенье, или поневолѣ, старостянка сдѣлалась женою запорожца и отъ этото брака родился Михайло Ханенко. Въ слѣдствіе этого обстоятельства, онъ получилъ воспитаніе въ польско-шляхетскомъ духѣ и тянулъ къ Польшѣ. Въ молодости онъ занимался торговлею (2) и имѣлъ въ Кіевѣ кожевенные заводы. Возстаніе Хмѣльницкаго выдвинуло его на военное поприще. Въ скоромъ времени онъ прославился храбростью и былъ избранъ въ уманскіе полковники (3).

---

(1) Лѣт. Величка, т. 11, стр. 166—167. Ист. Мал. Дос. т. 11, стр. 104—105.

(2) Ojcz. Spom. Ambroż. Grabowskiego; т. II, стр. 263.

(3) Діаріушъ Ханенка, вступленіе, стр. 4.

Около десяти лѣтъ, съ незначительными перерывами, онъ занималъ эту должность, и преданность, которую оказывали ему уманцы, свидѣтельствуетъ о его добротѣ и справедливости.

Ханенко, отъ самой смерти Хмѣльницкаго, держался польской стороны и былъ на хорошемъ счету у короля и вельможъ. Въ награду за его вѣрность, въ 1661 году, было даровано ему три деревни и польское дворянство (1). Что касается до характера Ханенка, то его трудно опредѣлить. По его незначительной дѣятельности, можно только замѣтить, что онъ былъ храбрый и искусный вождь, человѣкъ не дальняго ума, пылкій и увлекающійся. Въ похвалу Ханенку можно сказать то, что онъ былъ честнѣе большинства своихъ современниковъ и до послѣдней возможности оставался вѣренъ обязательствамъ.

Гуляницкій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, надъ которыми, не смотря на ихъ блестящія способности, тяготѣетъ печать несчастія. Онъ былъ родомъ шляхтичъ, православнаго исповѣданія. Въ началѣ возстанія, присталъ онъ къ Хмѣльницкому и былъ выбранъ въ нѣжинскіе полковники. Послѣ берестечской битвы, онъ неизвѣстно чѣмъ навлекъ на себя, вмѣстѣ съ корсунскимъ полковникомъ Гладкимъ, гнѣвъ Хмѣльницкаго. Гладкій былъ казненъ, а Гуляницкій спасся тѣмъ, что скрылся въ монастырѣ. Послѣ смерти Хмѣльницкаго, Гуляницкій присталъ къ Выговскому и игралъ важную роль во время смутъ. Тетеря, губившій всѣхъ, стоявшихъ выше его по своимъ талантамъ, какъ—то Выговскаго и Богуня (2), заподозрилъ и Гуляницкаго въ глазахъ поляковъ. Его схватили вмѣстѣ съ монахомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ, тоже опаснымъ для Тетери, и митрополитомъ Тукальскимъ, и отвезли въ Мальборгъ, гдѣ онъ три года просидѣлъ въ тюрмѣ. Освобожденный по подгаецкому договору, Гуляницкій поселился въ Чигиринѣ у Дорошенка. Съ гетманомъ онъ не ужился. Было ли ему оскорбительно переносить власть человѣка, котораго онъ, во время своего полковничества, видѣлъ юношею, въ числѣ слугъ Хмѣльницкаго, или, быть можетъ, гордость Дорошенка оттолкнула его; но старый воинъ скоро покинулъ Чигиринъ и уѣхалъ въ Сѣчь. Здѣсь, лишенный прежней энергіи, изнемогшій подъ бременемъ

(1) Знаменитый Богунъ былъ растрѣлянъ въ 1664 году, по проискамъ Тетери, обвинившаго его въ измѣнѣ. Таже судьба постигла и Выговскаго.

(2) Ojcz. Spom. Ambroż. Grabowskiego; т. II, стр. 305—322.

несчастій, доживалъ онъ дни свои въ кругу храбрыхъ сѣчовиковъ. Предательства поляковъ, разбитыя надежды и честолюбіе сдѣлали его горячимъ малороссійскимъ патріотомъ. Не приставая ни къ чьей партіи, онъ своими совѣтами поддерживалъ въ запорожцахъ духъ энергіи и независимости и умеръ въ Сѣчи, пользуясь уваженіемъ и громаднымъ вліяніемъ на низовое товариство.

Не смотря на проникнувшую въ Сѣчь страсть къ роскоши и корысти, козаки стараго закала не могли измѣниться въ продолженіи какихъ нибудь пятнадцати лѣтъ. Еще были живы *«сичовые диди,»* товарищи Павлюка, Тараса и Полтора—Кожуха. Они, съ глубокою грустью и негодованіемъ, смотрѣли на партіи, раздирающія Малороссію, на гнусное честолюбіе ея старшинъ, на народъ, страждущій отъ своихъ—же земляковъ, и на развратъ, проникшій въ общество ихъ товарищей. По прежнему, эта партія не хотѣла знать ни чьихъ частныхъ интересовъ, и назначеніемъ истинныхъ запорожцевъ поставляла защиту всѣхъ угнетенныхъ и непримиримую брань съ врагми Христова имени. Представителемъ этой партіи былъ Иванъ Сирко.

Кто былъ отецъ Сирка, неизвѣстно; только изъ надписи надъ нагробнымъ камнемъ кошеваго мы знаемъ, что его звали Димитріемъ. Явился Сирко въ Сѣчь въ то время, когда, послѣ паденія Гука и Остранина, козачество, стѣсненное отовсюду поляками, казалось, было при послѣднемъ издыханіи. Противъ Сѣчи воздвиглась крѣпость Кодакъ. Сѣчовики съ трудомъ держались на островахъ, или кочевали по безпредѣльнымъ степямъ Ново-россіи, утѣшая себя изрѣдка нападеніемъ на поляковъ, или грабежемъ татарскихъ улусовъ. Въ эту тяжкую пору началъ молодой Сирко свою боевую жизнь и бѣдствія, перенесенныя имъ и его товарищами. Постоянная нужда и борьба сдѣлали изъ него безстрашнаго наѣздника, но не убили, а напротивъ утвердили въ его чистой душѣ глубокую любовь къ ближнимъ, презрѣніе къ земнымъ благамъ и мягкость сердца, подъ грубою личиною степнаго рыцаря. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ, глубоко-религіозный Сирко сдѣлался аскетомъ. Воззрѣніе его на жизнь было самое мрачное. Презирая всѣ мірскія наслажденія, онъ видѣлъ въ жизни одну только скорбь и страданія. Лично относясь къ нимъ съ равнодушіемъ и насмѣшкою, онъ въ душѣ мучился за своихъ собратій и выливалъ свое негодованіе въ грубо-краснорѣчивыхъ письмахъ. Письма его, переполненныя сарказмами, представляютъ страшную смѣсь юрод-

ства, цинизма и плохо-скрываемой подъ ними чистой, беспредѣльной любви. Проводя всю жизнь въ битвахъ, безпрестанно рискуя жизнью, Сирко былъ милостивъ ко врагамъ. Онъ не рѣшался убивать беззащитнаго человѣка и всегда послѣ битвы ходатайствовалъ предъ товарищами о помилованіи плѣнниковъ, хотя бы они были величайшіе злодѣи.

Понятно, что, при такомъ характерѣ, Сирко былъ профанъ въ тогдашней политикѣ, которая требуетъ хитрости, а въ тѣ времена стали необходимыми измѣна и предательство. Поэтому Сирко скорѣе былъ вреденъ, чѣмъ полезенъ родинѣ; взгляды его были близоруки и, не считая нужнымъ смотрѣть впередъ далѣе настоящаго дня, онъ часто, при своей громадной популярности, пріобрѣтенной мужествомъ и доблестью, часто разрушалъ самыя благія для родины начинанія. Не уступая, а, быть можетъ, превосходя Дорошенка въ любви къ родинѣ, онъ, какъ мы видѣли выше, не вытерпѣлъ чтобъ пропустить удобный случай нанести вредъ мусульманамъ и тѣмъ спасъ Собѣскаго. Трудно опредѣлить, что потерялъ бы Дорошенко въ слѣдствіе неудачи подъ Подгайцами; но можно сказать съ увѣренностію, что Сирко своимъ нападеніемъ на Крымъ сдѣлалъ гораздо менѣе вреда татарамъ, нежели своей обожаемой Малороссіи.

Сирко сдѣлался извѣстенъ какъ храбрый наѣздникъ вскорѣ послѣ начала войны Хмѣльницкого. Одно время онъ былъ кальницкимъ полковникомъ, но вскорѣ оставилъ эту должность и возратился на свое милое Запорожье. Здѣсь, будучи иногда кошевымъ, а большею частію командуя отдѣльными отрядами, онъ до 1667 года былъ ревностнымъ сторонникомъ московской партіи. Даже андруссовскій договоръ, не подѣйствовалъ на его убѣжденія; только поступки Бруховѣцкого поразили его; онъ принялъ сторону Дорошенка и до времени остался ему вѣренъ.

Толпы запорожцевъ, бывшія при Бруховецкомъ и нахлынувшія теперь на Запорожье, были ненавистны Сирку, но они произвели сильное волненіе между сѣчовиками и вооружили значительную часть ихъ противъ Дорошенка. Сирко и партизаны Дорошенка принуждены были удалиться въ буджацкія степи и первымъ лицемъ въ Сѣчѣ сталъ писарь Суховій. Онъ собралъ раду и убѣдилъ запорожцевъ просить помощи у хана и избрать гетмана на мѣсто Бруховецкого. Суховій поѣхалъ въ Крымъ; тамъ онъ пріобрѣлъ довѣренность хана, былъ назначенъ имъ гетманомъ Малороссіи подъ протекцію крымскаго хана, и получилъ отъ него

гетманскую булаву и печать, съ изображеніемъ лука и двухъ стрѣлъ.

На помощъ Суховію были посланы ханомъ султаны Калга и Нуродинъ, и въ августѣ соединенныя силы татаръ и запорожцевъ вступили въ восточную Малороссію, гдѣ войска Дорошенка остались подъ командою Якова Корицкого и Демьяна Многорѣшнаго. Въ тоже время и Ромадановскій вступилъ въ Малороссію, обошелъ Корицкого, стоявшаго близь Роменъ и пошелъ къ Нѣжину; освободилъ осажденнаго воеводу и для страху сжегъ и разграбилъ городъ. Корицкій не пошелъ къ Нѣжину, надѣясь на Многогрѣшнаго; Многогрѣшный же не противудѣйствовалъ Ромадановскому, замышляя предательство, но еще не выказывая своего намѣренія.

По прїѣздѣ въ Чигиринъ, Дорошенко началъ получать отовсюду дурныя вѣсти. Изъ Сѣчи ему писали о случившемся; партія Сирка увѣряла въ вѣрности и просила замѣнить стрѣлы татарскія (на печати) козацкими мушкетами. (1) Дорошенко обласкалъ посланныхъ, роздалъ имъ шубы, сафьянные сапоги, шапки и отпустилъ на Запорожье съ подарками вѣрнымъ козакамъ.

Дорошенко кипѣлъ негодованіемъ противъ крымцевъ, только что увѣрявшихъ въ преданности и такъ внезапно ему измѣнившихъ. Пріѣздъ татаръ отъ султана Калги съ требованіемъ уступить булаву Суховію, привелъ его въ неописанную ярость.

Въ это время у гетмана былъ монахъ кіевского кирилловского монастыря Іезекіилъ, прибывшій съ жалобою на козаковъ; при немъ происходило свиданіе гетмана съ послами Калги. Дорошенко бранилъ ихъ всякими словами, билъ по лицу и повторялъ нѣсколько разъ: „*Скажите вашому шайтану* (чорту по турецки)—*ни то султану, що и іому те буде;*“ потомъ, вытолкавъ вонъ всѣхъ пословъ, выхватилъ саблю, зжалъ монаха за руку и закричалъ: „*Сіею шаблею опрекину увесь Кримъ до гори ногами. Дідъ мій, Михайло, цего изъ чотырма тілко тисячьми на нівіщо повернувъ*“ (2).

Такая ярость, недостойная государственнаго человѣка, объясняется только его страшнымъ негодованіемъ на татаръ, своею связью съ Суховіемъ разрушившихъ всѣ его надежды на свободу и спокойствіе родины. Какъ только Дорошенко успокоился, то увидѣлъ,

(1) Ист. Малой Россіи, т. 11, стр. 105.
(2) Ист. Малой Россіи; т. II, стр. 106.

что поступилъ крайне неблагоразумно, потому что съ одними своими силами, онъ былъ не въ состояніи бороться съ Суховіемъ, татарами, войсками Ромадановскаго и поляками, которые хотя и помирились подъ Подгайцами, но, конечно, не упустили бы случая уничтожить Дорошенка, пользуясь смутами въ Малороссіи. Кромѣ того до Дорошенка уже дошли слухи о сношеніяхъ Многогрѣшнаго съ Ромодановскимъ. Болѣе всего Дорошенко опасался, чтобы Суховій съ ордою не напалъ на Чигиринъ и западную Малороссію. Гетманъ на первый разъ и тутъ съумѣлъ извернуться: онъ послалъ своего брата Григорія въ Сѣчь, съ поздравленіемъ къ Суховію, призналъ его гетманомъ восточной Малороссіи и просилъ его и все войско оставаться въ дружбѣ и общими силами оберегать отечество, „я же, писалъ гетманъ, не намѣренъ просить ни у кого покровительства, подъ видомъ котораго разоряютъ народъ обманами и измѣнами (1).

Цѣлью Дорошенка было противупоставить Ромадановскому Суховія и такимъ образомъ ослабить своихъ антогонистовъ и въ тоже время отклонить Орду и запорожцевъ отъ нападенія на западную Малороссію.

Григорій прибылъ въ Запорожье, былъ дружески принятъ Суховіемъ и, узнавъ положеніе дѣлъ, донесъ брату, что запорожцы и татары озлоблены противъ него и совѣтовалъ приготовить къ оборонѣ правый берегъ Днѣпра, между тѣмъ самъ такъ успѣлъ повести дѣло, что татары и Суховій ворвались въ восточную Малороссію. Григорій Дорошенко долженъ былъ сопровождать ихъ съ своими козаками (2); Корицкій также присоединился къ нимъ. Суховій овладѣлъ окрестностями Лубенъ, Роменъ и Лохвицы и началъ требовать своего признанія. Но всюду встрѣтилъ сопротивленіе. Причиною тому были татары, грабившіе народъ. Ромадановскій послалъ противъ Суховія небольшой отрядъ, подъ начальствомъ сына своего Андрея. Татары напали на него при Гайворонѣ, одержали побѣду и взяли въ плѣнъ молодаго князя (3). Эта побѣда не принесла, впрочемъ, никакой пользы Суховію; онъ вынужденъ былъ отпустить татаръ, которыми только и держался; Григорій Дорошенко еще раньше ушелъ за Днѣпръ.

Татары разграбили окрестности Лубна и Лохвицы и захо-

(1) Ист. Малой Россіи, Т. II, стр. 106—107.
(2) Лѣт. Самов., стр. 53.
(3) Лѣт. Сам. стр. 53. Лѣт. Величка, Т. II, стр. 168.

тѣли по дорогѣ сдѣлать тоже съ западною Малороссіей. Волею—неволею—Суховій долженъ былъ имъ сопутствовать. Но Григорій Дорошенко предупредилъ брата и, пока татары оставались въ восточной Малороссіи, приняты были надлежащія мѣры противъ ихъ хищничества: Дорошенко велѣлъ жителямъ свезти все имущество въ укрѣпленные города и туда же скрыться самимъ. Въ концѣ ноября, татары перешли за Днѣпръ и увидѣли что добыча ускользнула изъ рукъ ихъ. Напрасно Суховій писалъ, по ихъ приказанію, универсалы, въ которыхъ убѣждалъ отстать отъ Дорошенки, будто-бы принявшаго унію подъ Подгайцами и признать гетманомъ его—Суховія, вѣрнаго православію. Такой грубый обманъ не привлекъ никого на его сторону. Между тѣмъ у Суховія нетало провіанта; сначала стали пропадать лошади, потомъ умирать отъ голода и холода татары. Султанъ Калга рѣшился выместить зло на Суховіѣ и, захвативъ его, запорожцевъ и разный сбродъ, приставшій къ Суховію въ Малороссіи, хотѣлъ увести ихъ, какъ и плѣнниковъ, въ Крымъ (1). Въ такомъ отчаянномъ положеніи Суховій рѣшился прибѣгнуть къ помощи только что высланнаго имъ изъ Сѣчи Сирка и далъ ему знать о своемъ положеніи. Узнавъ, что невѣрные хотятъ погубить христіанъ—запорожцевъ, украинцевъ, Сирко забылъ и личную обиду, и то, что гибнетъ отребье козачества, отъ котораго полезно было избавиться и вѣрный долгу козака стараго времени, поспѣшилъ на помощь. Султанъ, безъ того озлобленный потерею людей и лошадей, не рѣшился привести въ исполненіе предательство и ушелъ въ Крымъ съ остаткомъ уцѣлевшихъ татаръ.

Избавясь отъ татаръ и Суховія, Многогрѣшный началъ дѣйствовать смѣлѣе: онъ окружилъ себя наемнымъ войскомъ, получившимъ впослѣдствіи названіе „компанейцевъ", и сталъ открыто сноситься съ великорусскими воеводами (2). Въ ноябрѣ 1668 года онъ пригласилъ старшинъ въ Новгородъ-Сѣверскій и сталъ убѣждать ихъ избрать новаго гетмана и отступиться отъ Дорошенка. Долго спорили старшины; тогда Многогрѣшный, видя, что они стараются не понять чего ему хочется, заперъ ихъ и окружилъ компанейцами. При видѣ опасности, старшины покорились и стали упрашивать Демьяна Ивановича быть гетманомъ. Многогрѣшный долго отговаривался, „какъ старая дѣвка отъ молодаго жениха,"

(1) Лѣт. Величка; Т. II, стр. 169 и 177.
(2) Лѣт. Грабянки; стр. 199. Лѣт. Самов. стр. 53.

(по словамъ лѣтописи) наконецъ, какъ бы склонясь на ихъ просьбы, согласился. Не теряя времени, онъ послалъ въ Москву обознаго Петра Забѣлу, судью Ивана Демяновича, асаула и нѣжинскаго полковника Матвея Гвинтовку и игумена максаковскаго монастыря Иринея Ширковича (1).

Въ генварѣ 1666 года, посланные пріѣхали въ Москву и подали царю прошеніе о прощеніи Малороссіи и принятіи ея въ подданство съ возобновленіемъ, нарушенныхъ Бруховецкимъ, правъ. Кромѣ того они просили отъ имени всего народа не отдавать Кіева полякамъ. Оружейничій царскій и ржевскій намѣстникъ Богданъ Хитрово отвѣчалъ имъ рѣчью, въ которой изложилъ всѣ прежнія измѣны козаковъ, убѣждалъ хотя на этотъ разъ не измѣнять присягѣ и подалъ надежду, что царь проститъ украинцевъ и возвратитъ имъ прежнія права. Посланные привезли въ Малороссію царское прощеніе и вѣсть о скоромъ прибытіи уполномоченныхъ для присутствія при избраніи гетмана.

Къ 1 марта прибыли въ Глуховъ посланные съ этою цѣлью: князь Григорій Ромадановскій, стольникъ Артамонъ Матвѣевъ и дьякъ Григорій Богдановъ. Многогрѣшный между тѣмъ такъ успѣлъ повести дѣло, что на радѣ было большинство изъ его приверженцевъ и компанейцы. Старшины, неуспѣвшіе противуставить ему другаго кандидата, недружные между собою, должны были согласиться на выборъ Многогрѣшнаго. Поэтому когда 1 марта, собралась рада и князь Ромадановскій прочиталъ царскій указъ о прощеніи и возвращеніи прежнихъ правъ, а потомъ спросилъ, кого желаютъ избрать гетманомъ, общій крикъ: *любъ намъ Демьяно Ивановичъ* былъ ему отвѣтомъ. Ромадановскій вручилъ Многогрѣшному клейноды, привелъ къ присягѣ его и старшинъ и заключилъ съ ними слѣдующія статьи, названныя глуховскими.

Договоръ состоялъ въ слѣдующемъ:

1) Всѣмъ виновнымъ въ прежнихъ измѣнахъ даруется амнистія.

2) Подтверждаются права, данныя Малороссіи договорами съ Хмѣльницкимъ.

3) Воеводы московскіе будутъ, съ ратными людьми, находиться только въ Кіевѣ, Переяславѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ и Острогѣ. Они будутъ начальствовать только надъ московскими войсками, но

---

(1) Лѣт. Величка; Т. II, стр. 178.

не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла народа. Буде возникнутъ дѣла между малороссами и великороссами, то онѣ разбираются въ судахъ, гдѣ вмѣстѣ съ московскими чиновниками будутъ засѣдать выборные отъ народа. Подати и всякіе сборы будутъ взимать мѣстные урядники, безъ вмѣшательства воеводовъ.

4) Если Кіевъ будетъ отданъ полякамъ, то перевести митрополію въ Переяславъ или Черниговъ. (Эта статья была поставлена, чтобы не раздражить поляковъ; въ тайнѣ московскій дворъ обѣщалъ исполнить просьбу украйнцевъ, и Кіева полякамъ не отдавать; къ этому былъ отличный предлогъ: разоренія, сдѣланныя въ восточной Малороссіи Дорошенкомъ, который de jure былъ польскимъ подданнымъ).

5) Гетманъ избирается по старому и имѣетъ власть пожизненно.

6) Онъ имѣетъ право получать и читать письма отъ сосѣднихъ государей, но обязанъ отсылать письма къ царю и не отвѣчать безъ его разрѣшенія.

7) Если будетъ какая либо комиссія съ сосѣдними государями и дѣло будетъ касаться Малороссіи, то въ этой коммисіи должны присутствовать козацкіе депутаты.

8) Войско можетъ смѣнить гетмана только за явную измѣну; на прочіе же поступки должно жаловаться государю.

9) Для прекращенія своеволія посполитыхъ, которые вмѣсто того, чтобъ заниматься хозяйствомъ бросаютъ винокуріе, гонку смолы и прочія работы, превращаются въ козаковъ и дѣлаютъ разбои и смуты,—устроить особливый козачій полкъ въ тысячу человѣкъ. Мѣсто стоянки этого подвижнаго полка опредѣлится надобностію. Полковникъ будетъ смотрѣть за порядкомъ и усмирять своеволіе.

10) Мѣстомъ резиденціи гетмана назначается Батуринъ.

По этимъ статьямъ (1) восточная Малороссія снова получила, потерянное было самоуправленіе.

---

(1) Мы выписали здѣсь для краткости только главнѣйшія статьи; остальными опредѣлялись жалованье старшинамъ и козакамъ, давались льготы отъ податей разоренным городамъ и селамъ, запрещалось московскимъ чиновникамъ брать самовольно подводы, дѣлались постановленія объ учрежденіи почтъ, о постояхъ и бѣглыхъ московскихъ людяхъ, воспрещалась контрабандная торговля виномъ и табакомъ съ Великороссіею, избавлялись отъ повинностей

Честнѣе, великодушнѣй и благоразумнѣе московскаго правительства не возможно было поступить; оно достигало глуховскимъ договоромъ двухъ цѣлей: укрощенія козацкаго безначалія и смутъ и благоденствія подвластной страны. И та, и другая цѣль исходили изъ того начала, которымъ управлялось московское государство. Въ главѣ его стояло одно лице,—царь, полновластный владыка своихъ подданныхъ. Не только такой монархъ, какъ благодушный и мудрый Алексѣй Михайловичъ, но и всякій самодержецъ, стремится къ благому спокойствію народа, потому что онѣ составляютъ его спокойствіе и благо. При разумномъ самодержавномъ правленіи,когда въ странѣ нѣтъ рабства, могутъ страдать, подчасъ только люди близко стоящіе къ престолу, но отнюдь не масса народа.

Алексѣй Михайловичъ далъ восточной Малороссіи спокойствіе и самоуправленіе и, въ теченіи первыхъ сорока лѣтъ, послѣ глуховскаго договора, она находилась въ такомъ благосостояніи, какого ни прежде ни послѣ не имѣла. Не говоря уже о козаках, свободныхъ отъ налоговъ, получавшихъ жалованье и стоявшихъ въ главѣ управленія, даже поспольство находилось въ завидномъ положеніи. Освобожденное отъ прежде бывшаго панскаго самовластія, оно пользовалось рѣдкимъ въ то время правомъ личной свободы; никто не препятствовалъ крестьянамъ перемѣнять мѣсто жительства, лишь бы толпы ихъ не ходили вооруженными. Обиліе никому не принадлежащей земли было причиною легкихъ и выгодныхъ заработковъ, а простота нравовъ, умѣнье обходиться въ жизни домашними произведеніями, общее всѣмъ малороссіянамъ того времени, дешевизна всѣхъ продуктовъ и ничтожная подать дали возможность поспольству достигнуть богатства и благоденствія. Правда, идеалъ всеобщаго козачества, о которомъ мечталъ народъ не осуществлялся и вражда между поспольствомъ и козаками продолжалась до тѣхъ поръ, пока, въ Польшѣ прошлаго столѣтія, самоволіе и тиранія польскаго панства не помирили ихъ общею къ нему ненавистью.

Польское правительство или, лучше сказать, шляхетская оли-

козацкія вдовы и предписывалось князю Ромодановскому и ратнымъ людямъ возвратить захваченныя во время войны вещи и проч. Глуховскія статьи помѣщены полностью въ приложеніяхъ къ Исторіи Малороссіи Маркевича; Т. IV, стр. 241—264 и въ Лѣтописи Величка; Т. II, стр. 188—214.

гархія, стремилось къ усмиренію козаковъ и къ спокойствію Малороссіи. Но оно и то и другое понимало по своему,—разумѣя подъ усмиреніемъ козаковъ истребленіе ихъ, а подъ спокойствіемъ Малороссіи,—безконтрольное давленіе хлопа и невозмутимое благоденствіе польской и ополячившейся шляхты,—невозможныя, во мнѣніи поляка, безъ рабскаго подчиненія посполітства и крѣпостнаго права во всемъ его объемѣ и безобразіи.

Поляки достигли своихъ цѣлей, но путемъ къ тому было истребленіе народа цѣлыми массами, переселеніе остальнаго на лѣвый берегъ Днѣпра, повсемѣстное разореніе селъ и городовъ, сороко-лѣтнее безначаліе въ странѣ, превращеніе ея въ пустыню,—гдѣ, по словамъ лѣтописца Величка, „только кости человѣческія, тлѣющія подъ открытымъ небомъ, да груды камней и пеплу напоминали о прежде бывшемъ народонаселеніи,“—словомъ: поляки достигли господства въ западной Малороссіи цѣною тѣхъ страшныхъ бѣдствій, эпоха которыхъ и теперь живетъ въ памяти народа, подъ именемъ *„руины“*.

Польскіе писатели, а вслѣдъ за ними и нѣкоторые русскіе, считаютъ Дорошенка, призвавшаго турокъ, виновникомъ *руины*; но причиною ея было безсмысленное упрямство поляковъ, и фанатическая преданность ихъ уніи и крѣпостному праву. Острожская комиссія, описаніемъ которой мы займемся въ слѣдующей главѣ, служитъ вѣрнымъ выраженіемъ тенденцій поляковъ и Дорошенка; безпристрастный разборъ ея покажетъ, кто правъ, кто виноватъ.

(Окончаніе впредь).

III.

„Св. равноапостольные просветители славянъ-Кириллъ и Меѳодій“.

Г. И. ШИРЯЕВА.

Есть въ Россіи слѣпецъ, видящій дальше и глубже многихъ милльоновъ своихъ зрячихъ собратій. Есть въ Россіи слѣпецъ, къ которому безъ всякой натяжки и кощунства, можно примѣнить слова Спасителя: „онъ.... слѣпъ не потому, чтобы согрѣшилъ онъ самъ или родители его, но потому, чтобы на немъ явились дѣла Божіи.“ Слова эти весьма явственно оправдались въ жизни и дѣятельности слѣпца, о кототомъ говоримъ мы. Съ утратой зрѣнія физическаго, въ немъ развилось до изумительной зоркости зрѣніе духовное; съ закрытіемъ для него міра внѣшняго, предъ нимъ открылся міръ нравственный, со всею его невыразимою красотою-безконечнымъ разнообразіемъ, дивною гармоніей и отишіемъ. Едва ли нужно и договаривать, что мы разумѣемъ здѣсь извѣстнаго слѣпца нашего Г. И. Ширяева.

Мы, къ несчастью, не знаемъ біографіи Г. И. Ширяева; для насъ извѣстно только, что онъ утратилъ драгоцѣннѣйшее изъ чувствъ еще въ младенчествѣ. Съ той поры, какъ между нимъ и міромъ видимымъ стала непроницаемая завѣса, духъ его устремился къ созерцанію тѣхъ предметовъ, которые составляютъ „единое на потребу“, и которыми по преимуществу изощряется и услаждается зрѣніе духовное. Серьозный и вѣрный взглядъ на жизнь и назначеніе человѣка, глубокое, сознаніе опасности, грозящей современному поколѣнію со стороны отрицанія и разныхъ лжеученій, побудили нашего слѣпца сосредоточить всѣ способности своего духа на

посильномъ служеніи религіозно-нравственнымъ пользамъ своихъ соотчичей. Съ этой цѣлью, онъ посвятилъ свою жизнь и состояніе на изданіе сочиненій, какъ нельзя болѣе гармонирующихъ и съ настроеніями его духа, и съ нравственными нуждами его собратій. Довольно назвать эти сочиненія по имени, чтобъ убѣдиться въ удачности выбора темъ для авторской и издательской дѣятельности Г. И. Ширяева. Вотъ онѣ: „Вечерніе расказы странника на родинѣ о томъ, какимъ путемъ и какъ добраться до св. града Іерусалима,“ „Братское привѣтствіе русскаго слѣпца Григорія Ширяева близкимъ сердцу единоплеменнымъ славянамъ,“ и „Святые и равноапостольные Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ.“ Первое изъ этихъ сочиненій уже переживаетъ третье изданіе. Это наглядно доказываетъ, что книга пришлась по сердцу тѣхъ читателей, для которыхъ она составлена. Русскій человѣкъ любитъ поклоненіе православной святынѣ. Сотни тысячъ русскихъ, въ свободное отъ полевыхъ занятій время, измѣряютъ своими стопами огромныя пространства Россіи, чтобъ исполнить священный обѣтъ, успокоить совѣсть, освѣжить и напитать душу религіознымъ чувствомъ и богомольемъ въ мѣстахъ, ознаменованныхъ присутствіемъ православной святыни и раскинутыхъ отчасти по самымъ отдаленнымъ окраинамъ необъятнаго отечества нашего. Свобода крестьянъ едвали неудесятерила цифру этихъ благочестивыхъ странниковъ. Значительная часть ихъ не довольствуется поклоненіемъ святынѣ своего отечества, а предпринимаетъ, нерѣдко на послѣднія, долгимъ и тяжкимъ трудомъ припасенныя, средства благочестивое пильгримство ко святымъ мѣстамъ востока, ознаменованнымъ чудною жизнью и спасительною для человѣчества смертью Искупителя рода человѣческаго. Для этихъ послѣднихъ „Вечерніе расказы“ Г. И. Ширяева составляютъ чтеніе самое отрадное и полезное, какъ въ нравственномъ, такъ и въ вещественномъ отношеніи.

„Братское привѣтствіе славянамъ“ обязано своимъ происхожденіемъ празднованію тысячелѣтія возрожденію славянъ благовѣстіемъ Христова ученія славянскими апостолами святыми братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ и началомъ славословія Бога на родномъ языкѣ славянъ. Сочиненіе это, можно сказать, освящено приложеннымъ къ нему изображеніемъ святыхъ равноапостольныхъ братьевъ. Изображеніе это такъ полно и свято въ религіозномъ, такъ изящно въ художественномъ отношеніи, что мысль и вооб-

раженіе композитора, равно какъ и искуство исполнителя едва ли могутъ идти далѣе. Лица святителей полны души, рѣшимости, благости и вдохновенія. Осѣняющій и благословляющій свыше на апостольскіе подвиги святыхъ братьевъ Спаситель изображенъ такъ невещественно, что присутствіе Его,— воспользуемся словами Жуковскаго,— „болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь.“ Изображеніе окаймлено прекрасными орнаментами и приличными надписями, а внизу его помѣщено краткое описаніе жизни и подвиговъ просвѣтителей славянъ сугубымъ свѣтомъ ученія Христова, исповѣдуемаго на родномъ ихъ языкѣ. Это, вдвойнѣ драгоцѣнное, изображеніе, съ „Братскимъ привѣтствіемъ“, сперва было пожертвовано Г. И. Ширяевымъ въ учебныя заведенія и народныя училища Россіи, а потомъ и во всѣ училища единовѣрныхъ намъ славянъ. Жертва, при небольшихъ средствахъ жертвователя, дѣлающая особенную честь его усердію и религіозно-національному чувству, и привлекающая къ нему признательность всего славянскаго міра.

Подъ скромнымъ: названіемъ; „Братское привѣтствіе... славянамъ“ также незамѣтно кроется богатство содержанія сочиненія какъ иногда подъ рубищемъ душевное богатство человѣка. „Братское привѣтствіе“... есть—ни болѣе ни менѣе—какъ самое сильное, какое только мы знаемъ, полемическое сочиненіе, направленное къ обличенію заблужденій, самовольствъ, уклоненій отъ ученія Христова доктрины папской. Сжатость и простота изложенія удвояютъ силу обличенія. Но какая же связь заголовки сочиненія съ его содержаніемъ, какое отношеніе привѣтствія славянъ празднивомъ тысячелѣтія ихъ просвѣщенія ученіемъ Христовымъ, памяти святыхъ просвѣтителей ихъ Кирилла и Меѳодія—съ обличеніемъ папскихъ лжеученій? Отношеніе самое близкое, связь самая логичная. Святые братья солунскіе родились въ области греческой, въ іерархическомъ отношеніи подчиненной константинопольскому патріарху. Религіозныя убѣжденія ихъ воспитались и созрѣли подъ сѣнію той церкви православной, къ которой имѣемъ счастіе принадлежать и мы—русскіе. Но промыслъ Божій, провидѣвшій въ огромной семьѣ славянъ истинныхъ сыновъ церкви Христовой, избранное стадо Пастыреначальника Іисуса, посылаетъ святыхъ братьевъ Кирилла и Меѳодія на равноапостольные подвиги въ страны славянскія, отчасти подчиненныя тогда въ іерархическомъ отношеніи римскому патріарху. Видя, съ какимъ рвеніемъ и успѣхомъ,

въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ, подвизаются святые братья въ благовѣстіи и распространеніи ученія Христова, папа, вслѣдствіе взведенной на нихъ клеветы въ неправовѣріи, пригласилъ ихъ въ Римъ, прославилъ ихъ подвиги, облекъ поочередно въ санъ святительскій, явилъ имъ признаки особеннаго своего вниманія и благоволенія, не смотря на каноническую исключительность употребленія латинскаго языка въ римскомъ богослуженіи, разрѣшилъ апостоламъ славянъ благовѣстить ученіе Христово и совершать богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ, рукоположилъ нѣсколькихъ священниковъ изъ славянъ и даже лично освятилъ славянское евангеніе и богослужебныя книги. Такое тѣсное, хотя, быть можетъ, *болѣе политическое и внѣшнее*, чѣмъ искреннее и духовное, общеніе папы Адріана II съ равноапостольными Кирилломъ и Меѳодіемъ, дало поводъ новѣйшимъ защитникамъ папства къ сочиненію слѣдующаго условнаго силлогизма. „Если просвѣтители славянъ были въ подчиненіи римскаго первосвященника и совершали свою миссію въ духѣ ученія римской церкви, то славяне принадлежатъ къ составу этой церкви и находятся въ прямой іерархической зависимости отъ римскаго первосвященника. Если же они съ теченіемъ времени уклонились отъ духа ученія римской церкви, отъ единенія съ римскимъ патріархомъ, отъ подчиненія ему; то они схизматики, отщепенцы; то они не имѣютъ теперь никакого права и основанія называть своими апостолами святыхъ Кирилла и Меѳодія, просвѣтившихъ славянъ со всѣмъ инымъ ученымъ, подчинившихъ ихъ со всѣмъ иной церкви.“ На эту тему вдоволь наговорилась въ свое время (въ 1862 году) „Народовая Газета“ (1), замѣчательная своею ревностью въ отстаиваньи латинопольскихъ притязаній и парадоксовъ, и своимъ ожесточеніемъ противъ всего русскаго православнаго. Силлогизмъ этотъ не стоилъ бы опроверженія, если бы современные намъ послѣдователи папской доктрины т. е. написты не опирались на него съ такою торжественностью руками и ногами. Мы уже сказали, откуда и какое ученье принесли славянамъ просвѣтители ихъ; мы знаемъ, что связь ихъ съ *тогдашнимъ* Римомъ ни на іоту не измѣнила чистоты и православія этого ученія, не привнесла къ нему ничего новаго, противнаго ученію церкви вселенской. Мы даже знаемъ, что кое какія броженія умовъ, начинавшія тогда про-

(1) Ей крѣпко не понравилось, что на памятникѣ тысячелѣтію Россіи помѣщены св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные просвѣтители славянъ.

являться въ западной вѣтви христіанскаго міра, встрѣчали въ равноапостольныхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ самыхъ непреклонныхъ и непобѣдимыхъ противниковъ, и что римская церковь, начинавшая тогда прибѣгать къ нѣкоторымъ уступкамъ въ отношеніи своихъ прозелитовъ, скорѣе сама подчинилась нѣкоторымъ, не противнымъ ученію Христову, внѣшнимъ нововведеніямъ, которыя признаны просвѣтителями славянъ весьма важными въ дѣлѣ апостольской миссіи, какъ наприм., богослуженіе на родномъ языкѣ и проч. Но главная несостоятельность поцитованнаго выше ультрамонтанскаго силлогизма въ томъ, что римская церковь, въ эпоху благовѣстія славянамъ ученія Христова равноапостольными Кирилломъ и (даже) Меѳодіемъ, исповѣдывала еще тѣже догматы христіанскіе, какихъ держалась и церковь восточная, хотя властолюбіе папы Николая уже положило начало разъединенія внѣшняго. Это, между прочимъ, подтверждается какъ торжественнымъ, предъ лицемъ римской церкви, исповѣданіемъ Вѣры святыхъ братьевъ, такъ и согласіемъ съ этимъ исповѣданіемъ папы Адріана II. Вотъ что пишетъ онъ Святополку (князю Моравскому), послѣ испытанія вѣры св. Меѳодія: „Поелику онъ содержитъ символъ вѣры согласно съ евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, *какъ учитъ и римская церковь* и какъ предано отъ отецъ, то мы, нашедши его *православнымъ*“ и проч. Нѣтъ, поэтому, никакого сомнѣнія въ томъ, что славяне просвѣщены тѣмъ самымъ ученіемъ Христовымъ, которое преемственно и неизмѣнно сохранилось и доселѣ въ церкви *православной*; нѣтъ, по этому, сомнѣнія и въ томъ, что равноапостольные Кириллъ и Меѳодій просвѣтили славянъ вовсе не тѣмъ ученіемъ, которое исповѣдуютъ настоящіе р. католики. Въ апостольскихъ подвигахъ и ученіи св. братьевъ никто не найдетъ ни пріемовъ папской миссіи, ни тѣхъ позднѣйшихъ догматическихъ наростовъ, которые появились въ римской церкви послѣ того, какъ она вышла изъ-подъ контроля церкви вселенской, православной и стала на пути къ заблужденіямъ и ересямъ, превратившимъ ее изъ Церкви Христовой въ церковь папскую. Равноапостольные Кириллъ и Меѳодій не только совсѣмъ чужды были такихъ дикихъ для нихъ *сочиненій*, каковы исхожденіе св. Дуда и отъ Сына, главенство надъ *Церковію Христовою римскаго архіепископа*, мірская его власть, непогрѣшимость, ученіе объ индульгенціяхъ, чистилищѣ, безбрачіе духовенства, пріобщеніе міранъ подъ однимъ видомъ; но и, при всякомъ случаѣ, обличали своихъ па-

сомныхъ въ тѣхъ немногихъ еще тогда отступленіяхъ отъ восточнаго православія, которыя уже начали появляться въ полухристіанскихъ, можно сказать, областяхъ, зависѣвшихъ въ іерархическомъ отношеніи отъ папы римскаго. Подъ конецъ жизни св. Меѳодія эти отступленія росли еще спѣшнѣй и вѣтвистѣе. Равноапостольный уже долженъ былъ бороться съ разными сѣятелями нечестія и невѣрія; интриги папистовъ успѣли довесть его до изгнанія и узъ темничныхъ. Папа уже запрещаетъ отправленіе богослуженія на „варварскомъ" языкѣ славянъ. Вскорѣ послѣ смерти св. Меѳодія латинскіе патеры предаютъ торжественному аутодафе богослужебныя книги славянскія. Словомъ—просвѣтители славянъ были въ единеніи съ Римомъ тогда только, когда Римъ былъ единовѣренъ Византіи; но во всѣхъ случаяхъ уклоненія отъ восточнаго правовѣрія, онъ встрѣчалъ въ святыхъ братьяхъ, особенно въ святителѣ Меѳодіѣ, ревностныхъ обличителей ученія неправаго и произвольнаго. Говоримъ: особенно въ святителѣ Меѳодіѣ, потому что, при жизни св. Кирилла, Римъ еще держалъ единомысліе съ востокомъ въ предметахъ вѣры, тогда какъ святый Меѳодій, какъ мы видѣли уже долженъ былъ вести открытую борьбу съ интригами латинскаго духовенства и напоромъ лжеученій, обособившихъ впослѣдствіи церковь римскую отъ церкви Христовой. Если же ученіе равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія не всегда и во всемъ сходилось съ ученіемъ Рима тогда, то что сказать о согласіи этого ученія, съ доктриной современныхъ намъ папистовъ! Смѣло можно сказать, что, еслибы просвѣтители славянъ воскресли, прочли папскій катихизисъ, они едва ли признали бы въ чтителяхъ папы должныхъ христіанъ. Короче: нужна особенная отвага или невѣжество, чтобы считать святыхъ Кирилла и Меѳодія провозвѣстниками того ученія, которое извратило самый духъ ученія, Христова и которое при жизни ихъ почти не существовало. Поэтому, на религіозныя демонстраціи р. католиковъ, мы должны смотрѣть какъ на дерзкія посягательства усвоить себѣ то, что принадлежитъ другому, какъ на желаніе уличить славянъ въ уклоненіи будто бы отъ ученія ихъ просвѣтителей, бывшихъ въ единеніи и единомысліи съ римскою церковью и зависѣвшихъ отъ римскаго патріарха.

Такая демонстрація, такая попытка р. католиковъ, безъ сомнѣнія, и была поводомъ къ тому изданію Г. И. Ширяева, по случаю рецензіи котораго мы сію минуту высказали нѣсколько важныхъ для настоящей эпохи истинъ. Но несостоятельность этой демон-

страціи всего нагляднѣе уяснена въ изданіи нашего слѣпца: „Святые равноапостольные Кириллъ и Меѳодій просвѣтители славянъ.“ Это изданіе, такъ своевременно подарившее славянъ подробнымъ описаніемъ жизни и апостольскихъ подвиговъ ихъ просвѣтителей, показываетъ, какъ, въ теченіи 10 вѣковъ римское вѣроученіе ушло далеко всторону не только отъ ученія церкви православной, но и отъ самаго себя, и какъ напрасны и безсмысленны притязанія папъ на унію съ ними славянъ IX вѣка, думающія опереться на весьма шаткой и небезусловной уніи съ ними равноапостольныхъ Кирила и Меѳодія. Это изданіе, отъ начала до конца, переполнено непоколебимыми доказательствами единомыслія св. братьевъ съ римскою церковью въ ученіи правомъ и очищенія ими нивы Христовой отъ тѣхъ плевеловъ, которые, тамъ и здѣсь, начинали уже при нихъ всходить на почвѣ римской церкви. И подчиненность іерархическая папѣ тѣхъ странъ, въ которыхъ подвизались св. братья, равно и ихъ самихъ, весьма сомнительна. Границы епархій тогда еще не были обозначены такъ вѣрно, какъ теперь. Константинопольскій и римскій патріархи имѣли почти равныя права на присвоеніе себѣ областей, въ которыхъ благовѣствовали равноапостольные Кириллъ и Меѳодій. Мы недаромъ сказали—почти. Только римская интрига, самовластіе и близость мѣста, гдѣ подвизались св. братья, къ патріархату римскихъ папъ могли осмѣлить сихъ послѣднихъ усвоить себѣ чужое достояніе,—тогда какъ и ученье, и просвѣщенные имъ, и сами просвѣтители вполнѣ принадлежали православному востоку.

О художественной сторонѣ этого прекраснаго изданія было такъ много лестнаго для издателя заявлено въ нашей прессѣ, что намъ остается къ этимъ заявленіямъ прибавить развѣ только то, что мы не знаемъ изданія, которое могло бы выдержать съ нимъ конкурренцію въ этомъ отношеніи. И гравюры, и виньетки, и печать, и бумага—верхъ совершенства. Мы слыхали, что это изданіе отправлено на парижскую всемірную выставку и,—если слухъ этотъ вѣренъ,— вполнѣ убѣждены, что оно одержитъ побѣду надъ своими соперниками даже на этой аренѣ всемірной современной цивилизаціи. Но мы слыхали также и то, что это изданіе обошлось издателю около 5,000 рублей. Такою затратою капитала объясняется высокая цѣна (3 р.) продажныхъ экземпляровъ изданія и неумѣстность частныхъ нареканій на его дороговизну. Такого великолѣпія дешево не купить; потому что оно, по коммерческой по-

говоркѣ, „себѣ дороже стоитъ.“ А при всемъ томъ нельзя не посѣтовать, что такое прекрасное, по самому своему характеру, общенародное и даже общеславянское, изданіе, недоступно по своей цѣнѣ для массъ народныхъ. Но и этому горю помочь не трудно если только (въ чемъ мы почти увѣрены) (1) сбережены гравильныя доски. Другой, обыкновенный наборъ, меньшій, обыкновенный шрифтъ и простая, даже полубѣлая, бумага обошлись бы не дорого.

Не можетъ при настоящемъ случаѣ пройдти молчаніемъ и того радости, съ которымъ прочитали мы въ газетахъ Высочайшее вниманіе и благодарность, съ какими было принято драгоцѣнное изданіе Г. И. Ширяева Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Государыней Наслѣдницей Цесаревной.

НЕУМѢСТНАЯ ВЫХОДКА.

Въ одномъ изъ недавно вышедшихъ нумеровъ мѣстной газеты, редакція ея *весьма напрасно* выступила съ посильнымъ глумленіемъ надъ однимъ изъ капитальнѣйшихъ сочиненій, какія только вышли въ послѣднее время въ нашемъ отечествѣ. Мы разумѣемъ „Польскую эмиграцію до и во время польскихъ бунтовъ 1830, 1863 годовъ“, В. Ѳ. Ратча. Такъ какъ этимъ сочиненіемъ имѣлъ счастіе украситься первоначально „Вѣстникъ Западной Россіи“; такъ какъ ударъ, сдѣланный по сочиненію, помѣщенному въ извѣстномъ періодическомъ изданіи, сдѣланъ съ тѣмъ вмѣстѣ и по сему послѣднему, то мы поставлены въ обязанности установить *надлежащій* взглядъ на произведеніе В. Ѳ. Ратча и доказать несостоятельность того слишкомъ *широкаго* взгляда, какимъ окинула его газета.

Значеніе польской эмиграціи, вліяніе ея на наши внутреннія безпокойства и внѣшнія коалиціи извѣстны всякому, кто только не страдаетъ дальнозоркостью, или той *широтою* взгляда, которая простирается за предѣлы наблюдаемаго предмета. Тысячи раз-

(1) А если доски эти уничтожены, можно обойдтись и безъ нихъ; изданіе за то можетъ быть дешевле и доступнѣе для народа.

сѣянныхъ по всему земному шару *уцекинеровъ*, тѣмъ только и занимаются, о томъ только и мечтаютъ, какъ бы нанести посильный ударъ Россіи. Злоба, постоянство, терпѣніе, ловкость, интрига съ одной, легковѣріе и личная зависть и ненависть съ другой стороны—были причиною того, что польская эмиграція работала недаромъ, что она умѣла попадать въ чуткія мѣста и Россіи и Европы. Эмиграція подняла въ 40 годахъ чуть не половину Европы, она укомплектовала въ Трансильваніи 30 тысячный корпусъ Бема, почти истребленный Лидерсомъ; эмигранты отверглись Христа и перемѣняли евангеліе на коранъ, лишь бы сподручнѣе вредить Россіи; они состряпали въ крымскую компанію пресловутый 5 тысячный польскій легіонъ; они подкупали западно-европейскую прессу и обѣими горстями сѣяли ложь и клевету на Россію; они разсыпали по всему земному шару своихъ эмиссаровъ, навербовали цѣлыя шайки сподвижниковъ своего бунта, размѣстили при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ свой дипломатическій корпусъ и такъ отчаянно повели свою интригу, что чуть было не составили противъ насъ *фактической* коалиціи (нравственную составили) трехъ могущественнѣйшихъ державъ Европы. И теперь гнусный выстрѣлъ откуда раздался, какъ не изъ лагера польскихъ бѣглецовъ?.. Еще ли плоха служебная аттестатія польской эмиграціи, еще ли можно считать ее тою мелочью, какою считаютъ ее люди съ *широкимъ* взглядомъ?! Съ такой именно точки и смотритъ на нее В. Ѳ. Ратчъ. Теперь мы пойдемъ слѣдомъ за его критикомъ

Критикъ прежде всего упрекаетъ автора за скудость источниковъ, которыми послѣдній пользовался. Хотя благонамѣренная критика смотритъ на сочиненіе само въ себѣ, – на то, что оно даетъ, а не на то, изъ *сколькихъ* источниковъ авторъ компилировалъ свое произведеніе; но, при оцѣнкѣ сочиненія В. Ѳ. Ратча, упрекъ въ бѣдности источниковъ — поменьшей мѣрѣ неумѣстенъ. Кромѣ богатѣйшихъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, источниковъ на мѣстѣ, изъ которыхъ авторъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ и самопожертвованьемъ вычерпалъ до дна все нужное для своего обихода, онъ пользовался и многими заграничными изданіями и рукописями, слѣды которыхъ разсыпаны по всему пространству сочиненія. Мы рѣшительно не знаемъ автора, который съ большею усидчивостью, увлеченіемъ, можно сказать, упорствомъ предавался бы своему труду. Когда въ кабинетъ В. Ѳ.

Ратча приходили его знакомые во время работы, они, порой, не замѣчали его маленькой, исхудалой, тяжкими трудами изможденденной личности,— это отъ того, что между имъ и вошедшими была стѣна изъ грудъ фоліантовъ, судебныхъ дѣлъ, манускриптовъ и проч. и проч. Всякій трудъ В. Ѳ. именно и отличается громадною начитанностью, авторскою добросовѣстностью; эти свойства какъ нельзя нагляднѣй отразились и въ „Польской эмиграціи" В. Ѳ. Ратча. Такого ли труженика можно упрекнуть, въ недостаткѣ трудолюбія, въ бѣдности историческихъ пособій при сочиненіи!? Время печатанія не допускало, при многихъ еще неконченныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, указать источники; но мы имѣли случаи видѣть въ рукописи рядъ ссылокъ относящихся до польской эмиграціи; болѣе 200 источниковъ изъ конфискованныхъ писемъ, записокъ, мемуаровъ, брошюръ, слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ и особыхъ объясненій, сдѣланныхъ подсудимыми, служили, сколько намъ извѣстно, документами для составленія Польской эмиграціи". И самъ же критикъ говоритъ, что „Польская эмиграція есть плодъ усидчивыхъ занятій и *отличнаго знакомства* съ предметомъ." Согласить „отличное знакомство" съ несостоятельностью научной стороны сочиненія—или, что тоже, съ недостаткомъ знакомства съ предметомъ,—предоставляемъ находчивости критика.

Столь же страненъ,— чтобъ не выразиться точнѣе,— и упрекъ въ „поспѣшности работы." Усидчивыя занятія, а особенно „отличное знакомство съ предметомъ" также непримиримы съ поспѣшностью работы, какъ и недостатокъ эрудиціи. И критикъ говоритъ, что эта работа производилась „въ продолженіи, кажется, (къ чему это—кажется въ дѣлѣ наглядномъ?) двухъ лѣтъ." Сколькожъ, по мнѣнію критика, полагается лѣтъ для работы непоспѣшной?

Ближайшимъ слѣдствіемъ поспѣшности работы критикъ полагаетъ, „*безпрестанное*" (sic!) возвращеніе автора къ одному и тому же предмету." Возвращеніе къ одному и тому же предмету въ *большомъ* сочиненіи, имѣющемъ *одинъ* предметъ, есть прямая потребность ясности и здравомыслія. Авторъ, въ продолженіи всего сочиненія, говоритъ о польской эмиграціи, онъ и возвращается къ ней неизбѣжно. Въ частности: извѣстная интрига или затѣя эмигрантовъ производитъ цѣлый рядъ явленій. Явленія эти развѣт-

вьются на свои отпрыски, перепутываются другъ съ другомъ, обогащаются новыми эпизодами, обозрѣваются авторомъ подробно. Чтобы читатель не заблудился въ этомъ хаосѣ явленій, чтобъ онъ понялъ связь причины съ дѣйствіями, предыдущаго съ послѣдующимъ,—здравая логика налагаетъ на автора обязанность припомнить эту причину, указать на связь съ нею другаго—третьяго явленія, повторить основную мысль, служащую исходною точкой развитія слѣдующихъ явленій. Ламберовъ, напримѣръ, отель произвелъ извѣстнымъ революціоннымъ маневромъ смуты разомъ въ трехъ государствахъ. Обозрѣвъ смуту, произведенную въ одномъ изъ нихъ и приступая къ описанію смуты, произведенной въ другомъ, можно ли не возвратиться къ тому же маневру Ламберова отеля, изъ котораго вышла та и другая и третья смута? Когда вы измѣряете, *во всѣхъ направленіяхъ*, извѣстную плоскость физическую, можете ли вы обойдтись безъ того, чтобы не пройдти по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ? Впрочемъ, не зная на какія именно повторенія въ „Польской эмиграціи“ мѣтитъ критикъ, мы не можемъ отвѣчать ему обстоятельнѣй. Если бъ онъ потрудился пополнить въ этомъ родѣ пробѣлы, неизбѣжные при голословности обвиненія, мы доказали бы ему, что *кажущееся для него* излишнимъ повтореніемъ, на самомъ дѣлѣ есть такое основное звѣно, связующее части цѣлаго, безъ котораго оно обратилось бы въ отрывочную компиляцію. Такъ, неопытный глазъ, смотря на множество похожихъ другъ на друга колесъ въ часахъ, весьма легко можетъ придти къ мысли объ излишкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тогда какъ безъ любаго изъ нихъ вся машина останется неподвижною.

Въ прекрасномъ сочиненіи В. Θ., точно, можно подмѣтить довольно типографскихъ опечатокъ, подобно тому какъ на солнцѣ можно замѣтить нѣсколько пятенъ; но тыкать на нихъ пальцами, по меньшей мѣрѣ, не вѣжливо, какъ не вѣжливо было бы тыкать на улицѣ пальцами на соринки, навѣянныя вѣтромъ на бархатное платье важной барыни. „Страданье германизмами и гал(л)ицизмами“ мы относимъ къ намѣренію критика назвать по имени пятна въ „Польской эмиграціи“; но критикъ не пошелъ далѣе намѣренія.... Теперь посмотримъ, какъ иные критики, чуть не съ микроскопомъ подмѣчающіе „сучецъ во оцѣ брата своего, не замѣчаютъ цѣлаго бревна, потемняющаго ихъ собственное око.“ Эти критики распинаются за названіе папистовъ „католиками“, (1) „руской

(1) Въ одной изъ статей В. З. Р. непоколебимо такъ ясно доказано,

Вильны—Вильномъ“ (какимъ?), *глубокомысленно* доказываютъ, что вся суть обрусѣнія западной Россіи не въ людяхъ, а въ окончаніи фамилій ихъ на „*инъ* и *овъ* (sic!), что всѣ *вичи* и *скіе*— и „клерикалы и фанатики, и поляки“, и что угодно „*зловредное*.“ Такіе критики не знаютъ даже того, что *вичи* и *скіе*, въ теченіи четырехъ вѣковъ, словомъ и дѣломъ, муками и жизнію, отстаивали и отстояли въ западной Россіи народность русскую и православіе, что они были мишенью всѣхъ стрѣлъ вражьихъ. Для чьей потѣхи производятся эти междоусобные, хоть и холостые, выстрѣлы? Эти критики, увѣковѣчивающіе память о своей въ нашемъ краѣ миссіи излишними и никого неинтересующими автобіографіями и поучающіе В. Ѳ. Ратча русской словесности,— вотъ какъ сами выражаются: „Само собою разумѣется, что какъ газета таковая, то есть: поразительно — не внимательная, мы съ точки зрѣнія нашихъ противниковъ должны были умышленно исказить факты.“ А смыслъ, г. критикъ?... „Подъ видимымъ усердіемъ къ русскому дѣлу, вѣчно здѣсь живому..., не легко было здѣсь, (—) въ Вильнѣ (а отчего жъ вы не говорите въ Вильно?), при отсутствіи кореннаго русскаго.... общества, распознать“ и проч. (?!)... Вѣроятно, легче читать уроки, чѣмъ выполнять ихъ!

Критику не нравится полемическій тонъ „Польской эмиграціи“; напрасно. Есть предметы, по самому своему характеру, полемическіе. Таковы—всякая фальшивая доктрина, всякое ненормальное, уродливое явленіе. При оцѣнкѣ ихъ, полемика составляетъ суть сочиненія. Можно ли не относиться къ предмету полемически или критически, трактуя, наприм., о главенствѣ въ церкви Христовой римскаго архіепископа, его непогрѣшимости, безбрачіи духовенства и проч.? Къ такимъ предметамъ по преимуществу относятся польскіе бунты и уродливѣйшее явленіе ихъ—эмиграція. Можно ли говорить о такихъ явленіяхъ безъ критическаго отно-

---

что съ 9-го вѣка церковь римская утратила всѣ права на названіе католической. Что касается Вильны, критика можно извинить развѣ незнаніемъ, какъ писалась встарину полатыни и даже попольски Вильн*а*, и съ коихъ поръ іегомосци перевернули ее въ Вильн*о*.

ненія къ ихъ безобразію, сумбуру, утопіи? Можно ли безразлично трактовать о посягательствѣ на наше политическое бытіе, свободу, жизнь? Можно ли хладнокровно разсуждать о панѣ Березовскомъ, о подвигахъ отравителей, вѣшателей, кинжальщиковъ и другихъ побѣдителей лѣсовъ? Можно ли безъ грустной улыбки смотрѣть на борьбу польскихъ Донъ-кихотовъ съ громадною каменною мельницей, на чванство и самозванство разныхъ уцекинеровъ, на дипломатическія сношенія эмиграціи, на Яновъ IV, на жалкія басни о Россіи и другія траги — комическія продѣлки эмигрантовъ польскихъ? Такія явленія напрашиваются на полемику; трактовать объ нихъ отвлеченно-исторически значитъ умышленно измѣнять истинѣ, закрывать глаза, чтобъ не видѣть уродливости предмета; избѣгать полемики при оцѣнкѣ такихъ явленій, значилобъ быть пристрастнымъ къ „польской справѣ", тогда какъ критикъ думаетъ совершенно напротивъ и совершенно заблуждается. „Пристрастнымъ" сочиненіе было бы тогда, еслибъ оно не замѣчало уродливаго, нелѣпаго, смѣшнаго, а не на оборотъ. Самъ же критикъ говоритъ, что „авторъ (Польской эмиграціи) *совершенно справедливо и заслуженно* казнитъ ихъ (эмигрантовъ) своимъ юморомъ„; а юморъ и есть самый существенный пріемъ полемики при оцѣнкѣ если не ложной теоріи, то уродливаго явленія.

Говорить, что „авторъ (Польской эмиграціи") умышленно хотѣлъ оскорбить все русское общество завербованіемъ его въ „панургово стадо", значитъ *оскорблять* и *все* русское общество, и одного изъ самыхъ доблестныхъ, честныхъ и безпристрастныхъ представителей нашей цивилизаціи. Авторъ польской эмиграціи такъ точно, такъ, по словамъ самаго критика, „рельефно", опредѣлилъ и объемъ и характтръ этого стада, что нужно принадлежать къ нему, чтобъ обижаться его очеркомъ? Отъ чего пишущій эти строки и всѣ подобные ему не упрекнули доселѣ автора „Польской эмиграціи" въ причисленіи ихъ къ „панургову стаду"?...

Но всего замѣчательнѣе въ рецензіи критика „Польской эмиграціи" упрекъ ея автора въ „узкости взгляда". Если бы критикъ подѣлился съ нами *широтою* своего взгляда на предметъ, мы могли бы составить хоть относительное понятіе объ объемѣ этой широты въ сравненіи съ узкостью взгляда В. Ѳ. Ратча; но пока этого не сдѣлано, намъ остается только преклониться предъ недосязаемой, *быть можетъ*, для нашего слабаго зрѣнія, широ-

тою взгляда критика и пожать плечами. Мы уже уяснили взглядъ нашъ, совпадающій съ взглядомъ на польскую эмиграцію В. Ѳ. Ратча; мы уже видѣли, что этотъ взглядъ ни шире, ни уже той рамки, въ которую оправлена картина „Польской эмиграціи"; о какой же широтѣ и узкости толкуетъ критикъ? Самъ же онъ— не скорѣе ли упрекаетъ автора въ излишней широтѣ взгляда на предметъ, когда говоритъ, что „эмиграція (по мнѣнію будто бы автора) управляетъ всей Европой, заправляетъ всѣми европейскими переворотами, въ теченіи трехъ послѣднихъ десятилѣтій,— что она подъ взглядомъ автора выросла до міроваго значенія". *Узкость* взгляда на предметъ, и усвоеніе ему *міроваго* значенія,— ужъ непротиворѣчите ли вы сами себѣ, г. критикъ? Впрочемъ и заправленіе эмигрантами *всей* Европой, *всѣми* европейскими переворотами относится къ унесенной воображеніемъ за предѣлы обозрѣваемаго предмета широтѣ взгляда самаго критика, а не къ узкости автора „Польской эмиграціи". Правда критикъ задѣлъ тутъ *мимоходомъ* и польскую эмиграцію, сказавъ: „не *слишкомъ* ли ужъ *много* придаетъ авторъ значенія своему герою, и безъ того кичливому"; но на эту фразу (и другія не многія), равно какъ и на лестныя для автора выраженія, мы должны смотрѣть такъ, какъ смотримъ на поступокъ того домохозяина (простолюдина), который отрѣзалъ тонкіе—претонкіе ломтики хлѣба и, съ почтительными поклонами и ласкательными названіями, поднесъ престарѣлымъ—отцу и матери и, отваливъ глыбу фунта въ два, грубо сунулъ подъ носъ жены, прибавивъ: трескай!

Нѣтъ, г. критикъ! о такихъ произведеніяхъ, какъ „Польская эмиграція" нужно судить основательнѣй. Если бы въ немъ и были (не забудьте, *еслибъ были*!) какіе нибудь „сучцы"; то не намъ съ вами тыкать на нихъ пальцами,— не намъ быть адвокатами той „справы", защищеніе которой не составляетъ нашей обязанности. Русская сила въ здѣшнемъ краѣ слишкомъ еще слаба для того, чтобы можно было безнаказанно заниматься междоусобіями. Развѣ вы не замѣчаете того, что нашъ врагъ очень ловко начинаетъ уже примѣнять къ намъ *фактически* любимое свое правило: „divide et impera"!

IV.

—

СХОДСТВО И РАЗНИЦА УЧЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ И РИМСКОЙ ЦЕРКВЕЙ.

(*Продолженіе*) (1).

О власти и непогрѣшимости папъ.

Ученіе о власти папъ у римлянъ двоякое. По галликанскому ученію, которое поддерживалъ знаменитый Боссюетъ, римскій папа, какъ преемникъ св. апостола Петра, есть средоточіе христіанства. Онъ заправляетъ дѣлами вселенской церкви, но несамодержавно, а подчиненъ вселенскимъ соборамъ, которые одни непогѣшимы. Папы наблюдаютъ за исполненіемъ церковныхъ законовъ и дѣлаютъ новыя дисциплинарныя распоряженія, подлежащія пересмотру слѣдующаго вселенскаго собора, который вправѣ судить и низлагать папу.

По другому ученію ультрамонтанскому, преимущественно развитому іезуитами, римскій папа есть намѣстникъ Христа, получившій отъ Него неограниченную власть надъ всею церковію. Даже вселенскіе соборы пріобрѣтаютъ силу только тогда, когда будутъ утверждены папою, который одинъ непогрѣшимъ.

Православная же церковь учитъ такъ: всѣ апостолы были равны въ отношеніи власти и благодати, данной имъ отъ Господа. Также равны были по власти и благодати между собою всѣ епископы, рукоположенные апостолами. Ни І. Христосъ, ни апостолы не подчиняли епископовъ одних другимъ. Уважались однако

(1) Смотри 3-ю книжку Вѣстника Западной Россіи.

епископы тѣхъ каѳедръ, на которыя они первоначально были назначены непосредственно самими апостолами. Но почитались не какъ начальники, а какъ старѣйшіе апостольскіе мужи, которые болѣе вѣрно передавали преданіе объ апостольскомъ ученіи. Таками каѳедрами были: іерусалимская, александійская, антіохійская, ефесская и римская. Въ самомъ началѣ христіанства, римскій епископъ не могъ быть начальникомъ церкви, ни даже равнымъ между епископами, потому что тогда въ Римѣ не было епископа. Христіанство проповѣдывалось и разпространялось прежде на востокѣ, начиная отъ Іерусалима, а уже послѣ достигло Рима. Вскорѣ послѣ того св. апостолами Петромъ и Павломъ основана была въ Римѣ церковь и поставленъ былъ ими для нея епископъ. Епископы этого города пріобрѣли важное значеніе потому, что въ Римъ, какъ въ столицу почти всемірной имперіи, отвсюду стекались христіане по разнымъ дѣламъ гражданскимъ и въ тамошней церкви находили совѣтъ и покровительство Когда же въ Римской имперіи число христіанъ значительно умножилось, то, ради порядка, различныя епископскія церкви были поручаемы въ вѣденіе епископовъ митрополій, т. е. городовъ, кои были столицами епархій; въ римскихъ же провинціяхъ первенство было усвоено римскому епископу, какъ епископу столицы государства, но первенство чести, а не власти. Наконецъ, когдя столица имперіи была перенесена въ Константинополь, то такое же *равное первенство* дано было и константинопольскому епископу, какъ епископу новаго Рима. Но это первенство не давало особой власти,— оба были первые между равными. Судъ надъ епископами производился епископами, подвѣдомственными митрополіи. Епископъ митрополіи не имѣлъ права отрѣшать отъ мѣста подвѣдомаго ему епископа безъ рѣшенія мѣстнаго собора, который рѣшалъ также и возникавшія недоумѣнія. Впрочемъ, опредѣленія мѣстныхъ соборовъ по предметамъ, относящимся къ вѣрѣ и апостольскимъ преданіямъ, подлежали апелляціи и обсужденію вселенскихъ соборовъ, рѣшеніе которыхъ считается окончательнымъ и признается непогрѣшимымъ. Архіепископы, митрополиты, патріархи, изъ коихъ александрійскій и римскій назывались папами, не были учрежденіями І. Христа, но установлены соборами для церковнаго порядка, примѣнительно къ обстоятельствамъ своего времени. Какъ эти обстоятельства могутъ измѣняться, то и учрежденія эти должны съ согласія соборовъ, измѣняться.

Во время означенныхъ учрежденій почти все христіанство, сосредоточенное въ одной римской имперіи, соотвѣтственно областнымъ раздѣленіямъ имперіи раздѣлялись и іерархическія управленія, — въ чемъ императоры принимали дѣятельное участіе: они управляли дѣйствіями соборовъ и соборныя постановленія приводили въ исполненіе. Теперь же, когда христіанство, быстро распространившись, занимаетъ своимъ населеніемъ почти всю вселенную, каждое хонстіанское государство, конечно, вправѣ желать себѣ такого іерархическаго устройства, какое было въ бывшей Римской имперіи, но отнюдь не обязано подчиняться іерархамъ другихъ государствъ. Независимыя, одна другой неподвѣдомственныя церкви, которыя держатся Христова ученія такъ, какъ оно объяснено св. отцами и вселенскими соборами, — управляемыя невидимою главою І. Христомъ, обѣщавшимъ быть съ ними до скончанія вѣковъ, — такія церкви могутъ пребывать въ единомысліи и любви и составлять одну вселенскую церковь, вовсе не нуждаясь въ видимой главѣ.

Такъ учитъ о іерархіи православная церковь. Разсмотримъ теперь на чемъ православная и римская основываютъ свое ученіе.

Предвартельно замѣчу, что обѣ церкви согласны въ томъ, что всѣ епископы обѣихъ церквей правильно рукоположены, по непрерывному преемству отъ апостоловъ, что епископство есть завершеніе таинства священства, и что для епископскихъ титуловъ, не исключая даже патріарховъ и папы, не полагается новаго таинства священства.

Римляне основываютъ свое ученіе о главенствѣ римскихъ папъ на тѣхъ мѣстахъ св. евангелія, въ которыхъ говорится: а) о камнѣ, на коемъ созиждается церковь, б) о ключахъ царства небеснаго, обѣщенныхъ Петру, в) молитвѣ Христа, дабы не оскудѣла вѣра Петра, г) о порученіи ему пасти агнцевъ и овецъ, наконецъ д) объ евангельскомъ счисленіи апостоловъ, гдѣ Петръ стоитъ первымъ по счету. Изъ этого заключаютъ, что апостолу Петру дано начальство надъ апостолами и неограниченная власть надъ церковью, а такъ какъ римскіе папы суть преемники св. Петра, то эта власть его перешла на нихъ.

Для уразумѣнія подлиннаго смысла указываемыхъ римлянами евангельскихъ мѣстъ, приведемъ эти мѣста въ подлинникѣ и сравнимъ ихъ съ другими мѣстами евангелія, а также съ значеніемъ

и смысломъ, какіе придавали имъ св. отцы первенствующей церкви, и, наконецъ, съ опредѣленіями вселенскихъ соборовъ.

1) *Ты еси Петръ, и на семъ камни созижду церковь мою и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царствія небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, а еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ.* (Мат, XXI. 18. 19). Православные объясняютъ эти слова такъ: Христосъ не далъ Петру ключей царствія небеснаго (1), а только обѣщалъ дать (*дамъ ти*); когда же пришло время, свыше предназначенное, для исполненія этого обѣщанія, то, послѣ воскресенія своего, Спаситель собираетъ всѣхъ апостоловъ и на всѣхъ ихъ, безъ всякаго личнаго указанія, даруетъ туже власть. Святый евангелистъ обстоятельно описываетъ это событіе словами: *Якоже посла мя Отецъ, и азъ посылаю вы. И сіе рекъ, дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ и имже держите, держатся.* (Іоан XX. 19. 20). *И елика аще свяжете на земли будетъ связано на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ.* (Мат. XVIII. 18). Слѣдовательно, всѣ апостолы получили эту власть единовременно, вообще, одинаково и въ равномѣрной степени, а неисключительно одинъ Петръ. Что же касается камня или основанія церкви, то слѣдующія мѣста свящ. писанія показываютъ, что всѣ апостолы называются основаніемъ церкви. *На здани на основани апостолъ и пророкъ* (Ефез. 11, 20). *Стѣна града Іерусалима, нисходящаго съ небесе, имѣяше основаній дванадесяти и на нихъ именъ дванадесятъ апостоловъ.* (Апок. XXI. 10. 11). Слова же, обращенныя Христомъ къ Петру: „*Ты еси Петръ и на семъ камни созижду церковь мою,*“ православная церковь понимаетъ такъ, какъ понимали ихъ св. отцы первенствующей церкви. Знаменитѣйшій учитель западной церкви блаж. Августинъ разсуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ: „На вопросъ Спасителя, обращенный къ апостоламъ, за кого они считаютъ Его, Симонъ-Петръ отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго..* Іисусъ отвѣчалъ Ему: *блаженъ еси Симоне баръ Іона; яко плоть и кровь неяви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ. И Азъ же*

(1) А послѣдователи папства рисуютъ апостола Петра съ обыкновенными ключами! Ред.

тебѣ глаголю: яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою. (Матѳ. XVI. 16. 19). „На семъ камнѣ, который ты позналь — исповѣдуя *ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* созижду церковь мою. На мнѣ созижду тебя, не на тебѣ созижду меня (то есть мое тѣло, мою церковь), ибо тѣ которые хотѣли созидать человѣковъ на основаніи человѣковъ, говорили: азъ убо есмь Павловъ, азъ же Кифинъ, т. е. Петровъ „Изъ этого очевидно, что камень, на которомъ зиждется церковь, по ученію Спасителя, не апостолъ Петръ, но твердое исповѣданіе Христа, Сыномъ Бога живаго, не Петръ, а Христосъ (1). Въ греческомъ и латинскомъ текстѣ камень — petra — женскаго рода; такого рода никакъ нельзя согласовать съ мужескимъ именемъ Петра; ибо не сказано на Петрѣ или на тебѣ, какъ слѣдовало-бы сказать допуская ученіе ультрамонтанъ, но прямо говорится *на семъ камнѣ* (super hanc petram). Изъ чего слѣдуетъ, что Симонъ названъ Петромъ по твердости своей вѣры, исповѣданной словами: *ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*, и на этой святой вѣрѣ, сравненной съ камнемъ, какъ на твердомъ основаніи, создана церковь.

2) По ученію римлянъ, вторымъ основаніемъ главенства и власти римскихъ папъ служатъ слова Спасителя къ Петру: *Азъ же молихся о тебѣ* (о Петрѣ) *да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою.* (Лук. XXII, 32).

---

(1) Такъ же точно понимаютъ и объясняютъ это слово Спасителя и прочіе св отцы первенствующей церкви: св. Иларіонъ (de Trinitate, lib. 6), св. Амбросій (lib. 2.—на IX, глав. Еван. Луки и на II глав. посл. къ Ефес.), св. Іеронимъ (на 18 ст. XVI, глав. Еван. Мат., св. Іоаннъ Златоустъ (въ Бесѣдѣ 55 и 83 на Еван. Мат. и на 1, глав. посланія къ Галатамъ), Акакій (въ бесѣдѣ объ ефескомъ соборѣ), св. Кириллъ Александрійскій (книга IV, на прор. Ісаія книг. IV, о Троицѣ), св. Левъ (1 Serm. 2 и 3 о своемъ возвышеніи на епископство и на преображеніе Господне, а также въ словѣ о рожденіи апостоловъ Петра и Павла), св. Іоаннъ Дамаскинъ (въ словѣ на преображеніе Господне).

Такое толкованіе этихъ словъ было принимаемо на Западѣ даже въ средніе вѣка, пока іезуиты не возвели въ систему ультрамонтанское ученіе. Достаточно указать на Іону орлеанскаго (lib. de III cultu imag.), на Гинкмара Реймскаго (Opus. 33); даже на письмо папы Николая I къ Фотію патріарху; на Одона изъ Клуны (Serm. de cath. Petri); на Руперта lib. III, на Ев. Мат. и lib. XII, на XVI главу Ев. Матѳ. на Еккіл. о первенствѣ св. Петра; на кардинала Кузу Concord, cathol. lib. II cap. 13 и 18.

Здѣсь римляне почему-то видятъ особую благодать и непогрѣшимость, данныя Петру, чего не было дано прочимъ апостоламъ, ибо рѣчь обращена къ одному только Петру; а въ словахъ *утверди братію твою* они видятъ данную Петру неограниченную власть надъ апостолами, а въ лицѣ ихъ и надъ всею церковью.

Обращая вниманіе на предыдущую и послѣдующую рѣчь Спасителя, православная церковь находитъ въ этихъ словахъ совершенно иной смыслъ. Слова, предшествующія этому тексту (на которыя, впрочемъ, не всѣ римляне и любятъ ссылаться), заключаютъ въ себѣ тотъ смыслъ, что Петру, какъ человѣку слабому, не укрѣпленному еще силою Св. Духа, необходима была молитва Христова болѣе, чѣмъ другимъ апостоламъ. Вотъ эти слова: Спаситель говоритъ къ нему: *Симоне, Симоне, и сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ, яко пшеницу: Азъ же молихся о тебѣ* и проч. Послѣдующія же за этою рѣчью слова еще прямѣе доказываютъ вѣрность такого толкованія. Въ отвѣтъ на слова Спасителя, Петръ возразилъ: *Господи, съ Тобою готовъ есмь и въ темницу, и на смерть ити. Онъ же рече: глаголю ти Петре: не возгласитъ петелъ днесь, дондеже трикраты отвержешися мене не вѣдѣти.* (Лук. XXII, 33, 35). Раскроемъ мысль свою обстоятельнѣе: Сатана проситъ всѣхъ апостоловъ разсѣять, какъ пшеницу (отречься Христа), *проситъ васъ*; Спаситель же молился объ одномъ только Петрѣ, потому, что паденіе его было близко. Спаситель, какъ Богъ, предвидѣлъ это паденіе Петра, а потому и молился, чтобы не оскудѣла до конца вѣра его,—когда онъ увѣдитъ Его мучима и распинаема, то хотя страха ради и отречется своего учителя, но снова обратится къ Нему, если только вѣра не оскудѣетъ, и горько разкается въ своемъ паденіи; а это слезное обращеніе св. Петра послужитъ примѣромъ для братіи его, т. е. церкви, въ томъ, что каждый вѣрный, падшій по человѣческой слабости, если только твердо вѣритъ, снова можетъ возстать и, оплакавъ свое паденіе, снова содѣлается возлюбленнымъ сыномъ Божіимъ по благодати. Дальнѣйшая евангельская исторія подробно описала какъ самое паденіе апостола Петра и его горькія слезы раскаянія, такъ и вторичное призваніе его на апостольство. Что и самъ Петръ въ такомъ смыслѣ принималъ слова Спасителя, видно изъ отвѣта Петра. Онъ какъ-бы увѣряя Христа, что неподвержется сатанинскому искушенію, отвѣчаетъ: Господи! съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и

на смерть ити. Нѣтъ, отвѣчалъ Христосъ: три краты отвергнешься меня и проч. Надобно удивляться, что римско-католики изъ выше приведенной рѣчи евангельской выводятъ заключеніе о власти, данной будто бы Спасителемъ Петру,—тогда какъ вся эта рѣчь служитъ униженіемъ для апостола Петра предъ прочими апостолами. Но мы перестанемъ удивляться, когда обратимъ вниманіе на то, что учители западной церкви (разумѣется новѣйшіе), доказывая власть апостола Петра, не указываютъ народу на всю цѣльную рѣчь Спасителя; а только на отрывочныя изъ нея слова по виду, подходящія къ ихъ ученію. Поэтому то у нихъ народу и запрещено читать св. писаніе, а безъ этого не возможно узнать всей шаткости доказательствъ ихъ.

3) Въ основаніе своего ультрамонтанскаго ученія, римляне указываютъ еще на третье мѣсто св. евангелія, именно на бесѣду Спасителя съ тѣмъ же апостоломъ Петромъ, описанную евангелистомъ Іоанномъ, въ глав. XXI, ст. 15—17. Но эта бѣсѣда столь же унизительна и прискорбна для Петра, какъ и указанная выше, потому что она намекаетъ на самомнительнось и горячность, съ какими онъ вызывается умереть со Христомъ, между тѣмъ какъ трижды отвергся Его. По воскресеніи своемъ, Спаситель, явившись ученикамъ своимъ, *глагола Симону Петру: Симоне Іонинъ, любиши ли мя паче сихъ; глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему: Паси агнцы Моя. Глагола ему: паки второе: Симоне Іоаннъ, любиши ли Мя; глагола Ему: ей Госпоби, Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя. Глагола ему третіе: Симоне Іонинъ любиши ли Мя, оскорбѣже Петра, яко рече ему третіе, любиши ли Мя: и глагола Ему: Господи Ты вся вѣси, Ты вѣси яко люблю Тя. Глагола ему Іисусъ: паси овцы Моя.*

Здѣсь римляне видятъ такой смыслъ: І. Христосъ, испытавъ апостола Петра въ любви къ себѣ, поручаетъ ему одному пасти всѣхъ христіанъ,— и, подъ словомъ *агнцы* міранъ, а подъ славомъ *овцы* самихъ пастырей,— подчиняетъ ему всѣхъ, какъ верховному пастыре—начальнику и князю апостоловъ.

Православная же церковь, напротивъ, считаетъ эту бесѣду укоромъ апостолу Петру за троекратное отреченіе отъ Христа и возстановленіемъ его снова въ апостольствѣ, которое онъ потерялъ своимъ отреченіемъ. По этому то І. Христосъ троекратно и вопрошаетъ его: *любиши ли Мя.* Что такой смыслъ приведеннаго

евангельскаго обстоятельства вѣренъ, это очевидно изъ толкованій св. отцевъ первенствующей церкви. Блаж. Августинъ (въ Serm. 296) пишетъ: „Симонъ Іонинъ любиши ли Мя, спрашивалъ Господь,— люблю, отвѣчалъ онъ (Петръ), и, еще вопрошенный, огорчился, какъ будто ему не вѣрятъ. Не огорчайся апостолъ, отвѣчай трижды, дабы трижды побѣдило исповѣданіе любви, поелику трижды побѣждена была надменность. Трижды должно разрѣшить то, что ты сказалъ трижды (отрекаясь Христа); разрѣши любовью сказанное страхомъ. И однако Господь поручаетъ своихъ овецъ Петру."

Тотъ же св. отецъ (въ Serm. 297 с. 11) объ томъ же предметѣ такъ говоритъ: „Еще нѣчто хочу сказать вамъ братія: то что поручено и повелѣно было Петру, не одинъ Петръ принялъ, но всѣ апостолы слышали, получили и сохранили, наипаче соучастникъ его страданій Павелъ слышалъ сіе и предалъ нашему слышанію." Блаж. Августинъ и при другихъ случаяхъ не разъ повторяетъ, что то, что дано Петру, дано всѣмъ,—что церковь пріяла отъ Христа власть вязать и рѣшать,—словомъ, въ разныхъ выраженіяхъ этого писателя церкви доказывается равенство по власти Петра съ прочими апостолами.

Св. Іоаннъ Златоустъ (Бесѣда 88 на Іоанна) пишетъ: „Когда, послѣ двукратнаго вопрошенія Сердцевѣдца, Петръ услышалъ и третій вопросъ о тойже любви къ Нему, онъ смутился духомъ; память прежняго проступка (отреченія) сдѣлала его робче и осторожнѣе; ибо тогда за смѣлымъ и увѣрительнымъ отвѣтомъ, близко слѣдовало малодушіе и паденіе. Господи, Ты все знаешь, Ты знаешь, что я люблю Тебя, отвѣчалъ Петръ. Замѣтьте, братія, какъ много онъ измѣнился, какъ остороженъ и скроменъ! Въ немъ уже нѣтъ прежней надменности, уже не смѣетъ онъ противорѣчить; онъ говоритъ самъ въ себѣ: я думаю что люблю, а быть можетъ не люблю, подобно прежнему. Много на себя надѣясь, я отвѣчалъ тогда съ твердостію, и рабыня меня побѣдила" Какъ ясно, какъ краснорѣчиво и въ православномъ смыслѣ св. Златоустъ анализируетъ мысли апостола Петра!

Св. Григорій Богословъ (въ бесѣдѣ 39 противъ Новата отвергавшаго покаяніе) говоритъ: „не ужели ты не уважаешь того великаго Петра, съ которымъ случилось, во время спасительной страсти, нѣчто человѣческое? Не принялъ ли его самъ Іисусъ, и трикратнымъ вопрошеніемъ и исповѣданіемъ, не исцѣлился ли онъ отъ трикратнаго отреченія?"

Св. Кириллъ Александрійскій (толк. на XXI глав. Іоан.) также *определенно* объясняетъ смыслъ означеннаго выше евангельскаго разсказа, и точно такъ, какъ учитъ православная церковь.

Вотъ его слова: „Блаженный Петръ рукоположенъ былъ въ санъ божественнаго апостольства вмѣстѣ съ прочими апостолами; поелику же случилось произойти навѣту іудейскому, а между тѣмъ апостолъ сей нѣкоторымъ образомъ палъ (ибо блаженный Петръ, будучи объятъ страхомъ, трижды отрекся Господа), то Господь врачуетъ рану его и требуетъ троекратнаго исповѣданія, какъ бы полагая оное въ равновѣсіе съ отверженіемъ, и какъ бы совершая исправленіе равносильное паденію. Ибо грѣхъ сдѣланный языкомъ и имѣющій силу вины только въ словахъ, тѣмъ же способомъ долженъ быть и уничтоженъ“ и проч. „*Паси овцы моя*, сказалъ Іисусъ Христосъ вновь поставляя его въ санъ апостольства, дабы оно не казалось нарушеннымъ чрезъ отверженіе, по слабости человѣческой случившееся.“

Изъ всего этого видно, что изъ разбираемой евангельской бесѣды Христа съ Петромъ, невозможно заключить о чрезвычайной власти апостола Петра, а, напротивъ, очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о паденіи его и возведеніи его снова въ апостольство, а съ этимъ послѣднимъ званіемъ, наравнѣ съ прочими апостолами поручено и ему пасеніе Христова стада.

Надобно удивляться произволу, съ какимъ римляне, для своихъ цѣлей, толкуютъ, что слово *агнцы* значитъ мірянъ, а слово *овцы* означаетъ пастырей, подвластныхъ Петру, а чрезъ него будто бы и папамъ римскимъ. Они уже слишкомъ наивно надѣются, что агнцы ихъ не будутъ повѣрять правильности ученія овецъ. Вотъ что пишетъ поэтому случаю ученый іезуитъ Мальдонатъ: „Не слѣдуетъ входить въ тонкость для уразумѣнія, почему І. Христосъ употребилъ слово *агнцы*, а не *овцы*. Тотъ, кто дѣлаетъ это, долженъ быть внимательнымъ, дабы не показаться смѣшнымъ предъ учеными людьми (1), ибо безспорно, что І. Христосъ называетъ однихъ и тѣхъ же и агнцами и овцами.“

Въ самомъ дѣлѣ, іезуитъ правъ. Слова *агнцы* и *овцы* безразлично употребляются въ св. писаніи; такъ, мы читаемъ у еван.

(1) Въ этихъ словахъ сразу видѣнъ іезуитъ. По его словамъ не слѣдуетъ толковать столь неправильно только предъ учеными, а предъ агнцами можно.

Матоеа (глав. X, ст. 16): *се азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ;* а у еван. Луки (глав. X, ст. 3): *Се азъ посылаю вы яко агнцы посредѣ волковъ.* І. Христосъ даетъ названіе овецъ всѣмъ вѣрнымъ, предвидимымъ Имъ въ далекомъ будущемъ: *И инъ овцы имамъ, я же не суть отъ двора сего: и тыя ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышатъ.* (Іоан. X, ст. 16. 4). Въ подкрѣпленіе выше приведенныхъ доказательствъ о власти апостола Петра римляне говорятъ еще слѣдующее:

а) При поименныхъ счисленіи въ евангеліи апостоловъ, Петръ поставленъ на первомъ мѣстѣ.

Мы съ своей стороны вправѣ возразить римлянамъ: долженъ ли считаться начальникомъ, имѣющимъ власть надъ всѣми учениками, тотъ, кто въ спискѣ учениковъ стоитъ первымъ? Какъ составить списокъ безъ перваго?... Св. Іоаннъ Злотоустъ (въ бесѣдѣ 32 на ев. Матө.), въ порядкѣ исчисленія апостоловъ видитъ совершенно другое, чѣмъ то, что видятъ римляне. Вотъ его слова: „Господь поставилъ Петра и Андрея прежде прочихъ, потому что они прежде всѣхъ призваны были; потомъ поставлялъ Іакова прежде Іоанна, не по достоинству, а просто по зрѣлости его лѣтъ, какъ обыкновенно считаютъ одного изъ братьевъ старше другаго."

Если бы Златоустъ видѣлъ въ Петрѣ такую власть, какую видятъ въ немъ римляне, то онъ сказалъ бы, что Петръ поставленъ первымъ потому, что ему дана власть надъ всѣми, а другимъ поставилъ Андрея потому, что онъ съ Петромъ прежде всѣхъ былъ призванъ на апостольство. Впрочемъ въ св. евангеліи и въ апостольскихъ посланіяхъ Петръ не всегда на первомъ мѣстѣ. Въ евангеліи Іоанна (глав. 1, 44) апостолъ Андрей поставленъ прежде Петра: *бѣже Филиппъ отъ Виөсаиды, отъ града Андреева и Петрова.* Въ посланіи къ Галатомъ (глав. 2, ст. 9) говорится такъ: *и познавше благодать данную ми* (Павлу апостолу), *Іаковъ и Кифа* (Петръ), *и Іоаннъ мниміи столпи были.* Въ посланіи къ Коринөяномъ (1-мъ глав. 9, ст. 5) говорится такъ: *Еда не имамы власти сестру жену водити; яко и прочіи апостолы, и братія Господня и Кифа.* (Петръ).

б) Апостолъ Петръ первый отъ лица апостоловъ отвѣчаетъ Христу и потому св. отцами названъ устами апостоловъ, да и самъ І. Христосъ иногда обращаетъ къ нему свою рѣчь. А все это, по ученію римлянъ, ведетъ къ заключенію о преимуществѣ Петра предъ прочими апостолами. Это отличіе Петра отъ другихъ апо-

столовъ мы относимъ къ личнымъ качествамъ его характера, болѣе другихъ живаго, нетерпѣливаго и впечатлительнаго, но отнюдь не къ власти его; потому что приписывать власть апостолу Петру надъ апостолами, значило бы вообще противорѣчить заповѣди Христовой: *иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга. И иже аще хощетъ въ васъ быти старый, да будетъ всѣмъ рабъ*. (Еван. Мар. глав. X, ст. 43, 44).

Кромѣ того, мы можемъ пояснить свою мысль нагляднымъ образомъ: Если на вопроссъ въ классѣ учителя, ученикъ болѣе живой и самомнительный, отвѣчаетъ за всѣхъ своихъ сотоварищей, можно ли изъ этого заключить, что ему дана высшая власть, а прочіе ученики подчинены ему?

Раскрывъ невѣрность доказательствъ папской власти, приводимыхъ римлянами изъ св. писанія, мы поэтому предмету приходимъ къ слѣдующимъ соображеніямъ, также основываясь на св. писаніи и символѣ вѣры.

Вѣра въ соборную церковь есть существенный догматъ христіанства,— догматъ, помѣщенный въ самомъ древнемъ символѣ, называемомъ апостольскимъ: *вѣрую въ святую каѳолическую* (вселенскую) *церковь*.— По ученію же ультрамонтанъ значеніе церкви уничтожается предъ властію римскихъ папъ; потому что они учатъ, что и вселенскіе соборы не имѣютъ силы безъ утвержденія римскаго папы. Если бы это было такъ, то слѣдовало бы въ символѣ вѣры вмѣсто „*вѣрую въ святую соборную церковь*“ поставить такъ: *вѣрую въ римскаго папу!* Когда бы вѣра въ Петра и римскаго папу была существеннымъ догматомъ христіанства, то безсомнѣнія Христосъ опредѣлительно сказалъ бы: даю апостолу Петру и преемникамъ его — римскимъ папамъ власть надъ всею церковію, и кто не будетъ повиноваться имъ, тотъ Мнѣ не будетъ повиноваться; а между тѣмъ мы видимъ изъ св. евангелія, что эта власть дана равно всѣмъ апостоламъ. Если же спаситель заповѣдалъ апостоламъ повиноваться Петру и римскимъ папамъ словами, не записанными въ св. писаніи (мы видимъ выше, что приведенныя изъ него римлянами слова не заключаютъ въ себѣ заповѣди о такомъ подчиненіи), то почему въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ не видно, чтобы Петръ, какъ начальникъ, распоряжался и употреблялъ свою власть, опредѣляя, что и какъ каждый изъ апостоловъ долженъ дѣлать? Напротивъ, мы видимъ, что Петръ посылается другими апостолами въ Самарію (Дѣян. VIII, 14), что

іерусалимскіе христіане укоряли его за то, что онъ, находясь между необрѣзанными, ѣлъ съ ними, и Петръ вынужденъ былъ объясняться предъ ними, что Богъ особымъ видѣніемъ (какъ читаемъ въ Дѣяніяхъ, глав. XI) разрѣшилъ ѣсть все. Власть Петра если-бъ онъ имѣлъ ее, должна бы проявиться на іерусалимскомъ соборѣ апостоловъ, бывшемъ для рѣшенія разногласія апостоловъ Петра и Варнавы съ проповѣдниками того, что христіане не могутъ спастись безъ обрѣзанія. Для разрѣшенія этого спора обратились не къ Петру, какъ слѣдовало бы ожидать по ученію римлянъ, а къ апостоламъ и пресвитерамъ (старцамъ). Апостолы и пресвитеры, собравшись, долго разсуждали объ этомъ предметѣ; высказалъ свое мнѣніе и Петръ, а послѣ него Варнава и Павелъ, и, наконецъ, Іаковъ, послѣ разныхъ своихъ соображеній, въ заключеніе преній, формулируетъ законъ, который былъ принятъ всѣми. И такъ, на этомъ соборѣ Іаковъ дѣлалъ то, что по нашимъ обычаямъ предсѣдатель. Даже распоряженіе объ оповѣщеніи этого закона не Петръ дѣлаетъ, а самъ соборъ посылаетъ соборную грамоту, въ которой выражено: *изволися Святому Духу и намъ.* Если бы Петръ имѣлъ власть надъ всѣми, какъ того желаютъ римляне, то апостолъ Павелъ, безсомнѣнія, не писалъ бы къ Галатамъ (глав. 2,ст. 9), что Іаковъ, Петръ и Іоаннъ считаются столпами, а не одинъ только Петръ, котораго даже имя поставлено не на первомъ мѣстѣ. Далѣе, апостолъ Павелъ ни чѣмъ не отличаетъ себя отъ этихъ мнимыхъ столповъ и сравниваетъ себя съ Петромъ, коему ввѣрено проповѣданіе евангелія для обрѣзанныхъ, а Павлу—для необрѣзанныхъ (1). Многіе изъ коринѳянъ раздѣлились на общества, — одни говорили: мы Павловы, другіе — мы Аполлоса, третьи—мы Петра. Если бы Павелъ считалъ Петра намѣстникомъ Христа, то объяснилъ бы, что вы всѣ Петра, какъ Христова намѣстника; но, напротивъ, Павелъ сравниваетъ Петра съ другими,— онъ строго осуждаетъ такое раздѣленіе, сильно обличаетъ всѣхъ за это и Петровыхъ и Павловыхъ, и учитъ: *вси вы Христовы.* (Коринѳ. III). Но что всего болѣе поражаетъ, такъ это то, что апостолъ Павелъ сильно укоряетъ апостола Петра въ лицемѣріи за то, что онъ, въ обществѣ христіанъ изъ іудеевъ, соблюдалъ законъ Моѵсеевъ, а въ обществѣ христіанъ изъ язычниковъ не дѣлалъ этого. Объ этомъ апостолъ Павелъ

(1) Въ тойже 2 главѣ къ Галатамъ.

говоритъ въ своемъ посланіи къ Галатамъ (во 2-й главѣ), выражаясь между прочимъ такъ: *егда же пріиде Петръ въ Антіохію, въ лице ему противу стахъ, яко зазоренъ бѣ* (1).

Имѣя предъ собою столь убѣдительныя доказательства основанныя на св. писаніи и ученіи св. отцевъ, православная церковь твердо стоитъ на томъ, что І. Христосъ не далъ Петру ни какой особой власти, а тѣмъ болѣе чрезъ него римскимъ папамъ; потому что такая власть, какую приписываютъ себѣ сіи послѣдніе, противна ученію Христа и церкви. Всѣмъ апостоламъ дана власть чисто духовная: а) власть вязать и разрѣшать грѣхи людей, б) власть преподавать вѣрнымъ благодать Божію, дарованную заслугами І. Христа, и наконецъ в) власть учить вся языки, *крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа*, и то безъ всякаго принужденія ихъ къ слушанію: *идѣже примутъ васъ, ту пребывайте, а где не примутъ васъ, износите оттуда и прахъ ногъ вашихъ*.

Признавали ли св. отцы первыхъ вѣковъ христіанства, что римскимъ епископамъ дана отъ І. Христа власть надъ всею церковію? Мы видѣли уже, что св. отцы объясняютъ приводимыя римлянами мѣста св. писанія не по мысли ультрамонтанъ; теперь, разсмотримъ, правда ли, какъ увѣряютъ написты, что власть римскихъ папъ, такая какъ они понимаютъ, проявлялась въ первыхъ вѣкахъ христіанства по дѣламъ церковнаго управленія и разрѣшенія разногласій возникавшихъ въ разныхъ частяхъ церкви?

1) Римляне говорятъ: когда возникли въ первомъ вѣкѣ христіанства безпорядки между коринѳскими христіанами, то римскій папа Климентъ, на основаніи своей власти надъ всею церковію, отправляетъ къ нимъ посланіе для возстановленія порядка, о чемъ свидѣтельствуетъ церковный историкъ Евсевій.

Разкроемъ исторію Евсевія и посмотримъ, что онъ говоритъ объ этомъ, и можно ли изъ словъ его вывесть ультрамонтанское заключеніе. Вотъ слова его (Hist. Eccl. lib. III, cap. 16) „нахо-

(1) Если бы такими словами упрекалъ апостола Павла апостолъ Петръ, то римляне, имѣющіе надобность во что бы нистало возвысить Петра, видѣли бы въ этомъ упрекѣ начальство Петра, и это было бы болѣе сильнымъ аргументомъ, чѣмъ всѣ прочіе, извлѣкаемые ими изъ св. писанія—между тѣмъ, какъ въ порицаніи, сдѣланномъ Петру, не видятъ даже равенства между этими двумя апостолами.

дится письмо, единогласно приписываемое Клименту; оно превосходно и достойно удивленія. Онъ писалъ отъ имени римской церкви къ церкви коринѳянъ, между коими возникли великіе споры. Мы нашли, что во многихъ церквахъ, какъ и въ нашей, былъ обычай отъ незапамятныхъ временъ читать это письмо. Гегезипъ есть очень компетентный свидѣтель разногласій, возникшихъ у коринѳянъ во времена Климента." Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что это письмо начинается словами: „церковь Божія римская церкви Божіей коринѳской," и что въ немъ говорится о церковномъ служеніи, по тому случаю, что коринѳяне несправедливо отвергли многихъ священниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывается, что служители церкви вообще происходятъ отъ преемства апостольскаго. Въ этомъ письмѣ Климентъ не упоминаетъ ни о своемъ, ни о чьемъ либо другомъ первенствѣ въ этомъ же священно-служеніи.

Вся сила ультрамонтанскаго доказательства падаетъ, коль скоро мы обратимъ вниманіе на то, что Климентъ писалъ не по власти, а по братской любви, и не отъ своего имени, какъ бы слѣдовало начальствующему, но отъ римской церкви къ церкви коринѳской. Издревле существовало обыкновеніе, что церкви, въ случаѣ возникавшихъ несогласій и недоумѣній, любовно сносились съ собою и при общихъ усиліяхъ водворяли миръ и согласіе; такія сношенія назывались братскимъ общеніемъ церквей. Такъ, св. Игнатій антіохійскій, св. Ириней ліонскій, св. Діонисій александрійскій писали посланія къ разнымъ церквамъ, даже къ римской, безъ всякой претензіи на господство надъ ними. Евсевій, въ своей исторіи церкви (Hist. Eccl. lib. V, cap. 23) расказываетъ, что въ 2-мъ вѣкѣ, по случаю разногласія нѣкоторыхъ церквей о времени празднованія Пасхи, были въ разныхъ церквахъ собранія епископовъ, на которыхъ постановленныя правила сообщались всѣмъ вѣрнымъ чрезъ посланія. Имѣются письма (посланія) соборовъ бывшихъ: а) палестинскаго — подъ председательствоуъ Ѳеоѳила, епископа кессарійссаго и Наркисса, епископа іерусалимскаго; б) римскаго, подъ которымъ подписанъ епископъ Викторъ папа; в) епископовъ Понта, подъ предсѣдательствомъ Пальмы, какъ старейшаго; г) галликанскаго, подъ предсѣдательствомъ Иринея, и проч. — всѣ они были согласны." Мы видимъ, что Евсевій не предпочитаетъ римскаго собора другимъ, имъ исчисленнымъ, — на первомъ мѣстѣ поставляетъ соборъ іерусалимскій, а римскаго папу называетъ просто епископомъ. Тогда еще не было правъ архіепископ-

скихъ, ни митрополичьихъ, ни патріаршихъ учрежденій, учрежденій не Спасителя, а людскихъ. Всѣ эти внѣшніе порядки учреждены при содѣйствіи свѣтской власти.

Къ тому же, Евсевій не называетъ Климента ни епископомъ римскимъ, ни папою. Есть слѣдъ въ исторіи, что Климентъ былъ поставленъ въ епископа прежде 93 года, но не управлялъ паствою, вѣроятно, по причинѣ апостольскаго странствованія, а принялъ управленіе паствою послѣ Анаклета. Безпристрастная историческая критика открыла, что тогда, когда писано было это посланіе, Климентъ не былъ еще римскимъ епископомъ. Онъ наслѣдовалъ папѣ Анаклету въ 93 году, а въ письмѣ Климента упоминается о существованіи жертво-приношеній въ іерусалимскомъ храмѣ, который былъ разрушенъ Титомъ въ 70 году. Климентъ былъ сотрудникомъ апост. Павлу въ евангельской проповѣди, а потому быть можетъ, что съ св. Павломъ трудился онъ и въ Коринѳѣ. Слѣдовательно, ему, какъ мужу извѣстному и знавшему коринѳянъ, поручено было написать означенное посланіе, которое, по внутреннему своему достоинству, весьма понравилось современникамъ, кои при томъ знали Климента, какъ мужа святаго и апостольскаго.

2) По этому же самому дѣлу о времени празднованія пасхи, римскій епископъ Викторъ отлучилъ отъ церковнаго единства ефесскаго епископа Поликрата и всѣ ассійскія церкви, которыя не приняли внушеній Виктора и не согласились праздновать пасху въ одно и тоже время съ римскою и другими церквами. Ультрамонтаны видятъ въ этомъ употребленіе папской власти надъ всѣми церквами.

Для узнанія имѣетъ ли приводимый фактъ силу доказательства въ пользу ультрамонтанскаго ученія, разсмотримъ это дѣло. Оно довольно обстоятельно описано Евсевіемъ въ его церковной исторіи, тѣмъ болѣе, что сами же римляне на него ссылаются. Вопросъ времени празднованія пасхи не принадлежитъ къ вѣрѣ, при всемъ томъ желательно было, чтобы всѣ христіане праздновали этотъ великій день одновременно всюду. Между тѣмъ какъ въ то время нѣкоторыя восточныя церкви праздновали въ одно время съ евреями, а западныя и нѣкоторыя восточныя церкви праздновали въ 1 воскресенье послѣ 14 марта; тѣ и другія основывали свою практику на апостольскомъ преданіи и подозрѣвали однѣ другихъ въ отступленіи отъ такого преданія. Судя по твер-

дости, съ какою каждая церковь держалась своего преданія, можно заключить, что разность времени празднованія пасхи произошла еще во времена апостоловъ.

Тверже всѣхъ обстаивалъ свой обычай Поликратъ епископъ еффесскій; возникло живое прѣніе между нимъ и римскимъ епископомъ Викторомъ. Поликратъ тѣмъ съ большею стойкостію держался своего мнѣнія, что оно было согласно съ мнѣніемъ мѣстнаго собора епископовъ. Викторъ грозилъ ему отлученіемъ отъ общенія съ собою, но Поликратъ отвѣчалъ, по словамъ Евсевія, такъ: „я узналъ о семъ отъ тѣхъ, которые больше меня" (вѣроятно, онъ разумѣлъ преданіе, происходящее отъ евангелиста Іоанна Богослова, который долго жилъ въ Ефессѣ) и желаю лучше повиноваться Богу, чѣмъ людямъ. Такъ ли отвѣчалъ бы Поликратъ, если бы тогда вѣровали въ Христово намѣстничество папъ? „Викторъ, продолжаетъ Евсевій, получивъ такое письмо пытался отдѣлить всѣ церкви ассійскія отъ общенія за убѣжденія, противныя вѣрѣ (какъ будто время празднованія пасхи относится къ вѣрѣ). Онъ Викторъ написалъ посему граматы, въ которыхъ обвиняетъ всѣхъ братьевъ той страны, и объявляетъ что они отлучены отъ единства церковнаго" (Евсев. Hist. Eccl. lib. V cap. 14).

Нужно здѣсь замѣтить слова Евсевія, Викторъ *пытался отлучить;* онѣ наводятъ на мысль, что Викторъ своимъ вліяніемъ старался достигнуть того, чтобы Поликратъ и единомышленники его были отлучены съ согласія всѣхъ церквей, о чемъ высказалъ свое мнѣніе. Потому то отлученіе, произнесенное Викторомъ, не приведено въ исполненіе. Евсевій продолжаетъ: „такое поведеніе Виктора не понравилось всѣмъ епископамъ, кои и увѣщали его, дабы онъ проникся чувствованіями болѣе мирными, болѣе согласными съ единствомъ и любовію къ ближнимъ" Видите, сказано, *къ ближнимъ*, а если бы епископы вѣровали въ непогрѣшимое главенство папы, какъ вѣруютъ ультрамонтыны, то они сказали бы *къ подчиннымъ своимъ*. Далѣе Евсевій пишетъ: „имѣются посланія, которыми они съ энергіею это порицаютъ. Между посланіями есть Иринея, который къ нему (Виктору) писалъ отъ имени галликанскихъ братій, хотя сторонниковъ ученія римской и другихъ церквей (о праздновании дня Воскресенія Христова), онъ однако же предостерегаетъ Виктора, въ приличныхъ выраженіяхъ, что не слѣдуетъ отлучать отъ общенія церкви Божіей, послѣдующихъ преданію старѣйшихъ ихъ". Ириней, по словамъ этого же исто-

рика, убѣждалъ Виктора слѣдующимъ примѣромъ: „Когда блаженный Поликратъ прибылъ въ Римъ во время Анаклита предмѣстника Виктора и когда возникъ между ними легкій споръ о нѣкоторыхъ вопросахъ, они тотчасъ же дали другъ другу мирное цѣлованіе. Анаклитъ не могъ увѣрить Поликрата оставить обычай, котораго онъ держался съ Іоанномъ ученикомъ Господа нашего и съ другими апостолами, съ которыми онъ жилъ въ тѣсной связи. Поликратъ, съ своей стороны, не могъ увѣрить Анаклита послѣдовать этому обычаю, ибо онъ говорилъ, что долженъ придерживаться обычая, принятаго отъ старѣйшихъ, бывшихъ прежде его. При такомъ положеніи дѣла, они не прерывали общенія одинъ съ другимъ. Анаклитъ даже уступилъ Поликрату честь совершать таинство безкровной жертвы и всѣ кои послѣдовали различнымъ обычаямъ, оставались въ общеніи со всѣми церквами".Ириней писалъ не только къ Виктору, но и ко многимъ другимъ епископамъ въ такомъ же смыслѣ... „епископы Палестины, о которыхъ мы говорили выше, то есть Наркисъ и Өеоѳилъ, Кассій тирскій, Кляръ птолемаидскій и тѣ, кои съ ними, собрались, поговоривши, о преданіи на счетъ празднованія дня пасхи, такомъ какое не прерывно дошло до нихъ,— разсуждали о многихъ другихъ вопросахъ и кончили свои грамоты сими словами: нужно, чтобы экземпляры нашей граматы были посланы всѣмъ церквамъ изъ опасенія, дабы мы не были обвиняемы тѣми, кои легко совращаются съ прямой стези правды. Мы въ тоже время даемъ вамъ знать, что въ Александріи празднуется пасха въ тотъ же день, какъ и у насъ. Мы и епископы этой страны (александрійской) взаимно ведемъ переписки и такимъ способомъ знаемъ, что мы въ одинъ день съ ними празднуемъ святый день."

Я нарочно помѣщаю много выписокъ изъ исторіи Евсевія по дѣлу о праздновании дня пасхи, потому что и по другимъ дѣламъ было подобное же движеніе церквей, пребывавшихъ въ общеніи, взаимно переписывавшихся, отлучавшихъ отъ общенія тѣхъ, коихъ считали нарушителями вѣры. Ультрамонтаны приводятъ въ доказательство папской власти вмѣшательство римскихъ епископовъ въ дѣла не своей церкви, тщательно при этомъ скрывая, то что подобно римскимъ епископамъ, вмѣшивались въ дѣла другихъ епархій и прочіе епископы. Изъ исторіи Евсевія видно, что во 2-мъ вѣкѣ всѣ епископы сносились между собою, какъ равные съ равными, по большей части отъ имени своихъ церквей, собиравших-

ся для разсмотрѣнія спорнаго вопроса. У него же мы видимъ что епископы всѣхъ каѳедръ назывались прямо епископами, безъ всякихъ иныхъ титуловъ, каковые уже впослѣдствіи вошли въ употребленіе совмѣстно съ властію и обязанностями, сопряженными съ мѣстомъ, занимаемымъ епископами.

Обширныя области даваемыя въ управленіе епископамъ, а съ ними и возвышеніе ихъ въ титулахъ, были дѣломъ человѣческихъ установленій; но этотъ порядокъ въ теченіи долгаго времени столь сросся съ властію и обязанностію заповѣданными Христомъ, что тѣ, кои незнакомы съ исторіей первенствующей церкви, могутъ принять эти человѣческія установленія за божественныя.

3) Самымъ важнымъ доказательствомъ власти своихъ папъ, изъ всѣхъ указаній приводимыхъ изъ ученія св. отцевъ, римляне считаютъ слѣдующія слова Иринея (книга 3. Слово 3 противъ еретиковъ). „Ad hanc enim ecclesiam, propter potentiorem, principalitatem, necesse est omnem convenire ecclesiam“, римляне переводятъ ихъ такъ: съ этого (римскою) церковью по причинѣ могущественнѣйшаго первенства, нужно, чтобы всѣ церкви согласовались.“ На эти слова ссылается и нынѣшній папа Пій IX въ энцикликѣ своей къ восточнымъ христіанамъ, эти слова преимущественно поставлялъ намъ на видъ профессоръ богословія въ бывшемъ виленскомъ университетѣ (1). Православные же доказываютъ, что здѣсь говорится о римской церкви, а не о папѣ, и когда прибавить слова Иринея, которыми онъ оканчиваетъ эту рѣчь, то выйдетъ совершенно другой смыслъ. Послѣ словъ „omnem convenire ecclesiam.“ Ириней объясняетъ что значитъ *каждая церковь:* „hoc est eos, qui sunt undique fideles, in qua semper ab his qui sunt undique conservata est ea, quae est ab apostolis traditio.“ Изъ этого видно, что слова ad hanc convenire, не значитъ согласоваться съ него, но сходиться, стекаться,— а потому значеніе этого слова даетъ иной смыслъ: т. е. вѣрные изъ всей имперіи (отвсюду) стекаются къ ней и приносятъ свѣденіе о томъ, какое у нихъ преданіе; такимъ образомъ римская церковь имѣла возможность повѣрять свои преданія съ преданіями существующими всюду, и посредствомъ такой повѣрки могла сберечь ихъ отъ поврежденія. Такая мысль подтверждается предъидущими словами и

(1) Я учился богословію у римско-католиковъ, впрочемъ не ультрамонтанъ.

цѣлою рѣчью Иринея. Главная его мысль, направленная противъ еретиковъ западныхъ, та, что необходимо вѣровать такъ, какъ вѣровали и вѣруютъ *всегда, всюду и всѣ:* „quod semper, quod ubique, quod ab omnibus.“ Примѣняя это правило къ дѣлу, онъ пишетъ: „было бы очень долго исчислять въ этой книгѣ преемства всѣхъ церквей, но достаточно обратиться къ римской (1), всѣмъ извѣстной церкви, въ ней сохранилось все, что есть въ другихъ церквахъ, ибо въ Римъ, какъ столичный городъ (по могущественнѣйшему первенству), стекаются вѣрные изъ всего государства и приносятъ свѣденія о томъ, какое у нихъ преданіе и проч. (2).

Различный смыслъ рѣчи Иринея зависитъ отъ различнаго значенія придаваемаго слову *convenire* (сходиться), значитъ ли оно *согласоваться* или *стекаться, приходить?* На послѣднее значеніе указывать предлогъ *ad* (къ, до), который означаетъ напрввленіе движенія куда то, *ad Romam* въ Римъ; а откуда происходитъ движеніе, показываетъ слово *undique* (отсюду) первое значеніе требовало бы предлога *cum* (,—съ) *cum hac ecclesia*—съ этою церковію, а въ рѣчи Иринея читаемъ *ad hanc ecclesiam*—въ эту церковь. Когда римская столица была перенесена изъ Рима въ Константинополь, св. Григорій Нисскій говоритъ о константинопольской церкви почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, и даже опредѣленнѣе, чѣмъ Ириней о римской „городъ сей есть око вселенной, въ него стекаются (3) отдаленнѣйшіе народы изъ всѣхъ странъ,

(1) Западнымъ еретикамъ удобнѣе справляться съ ученіемъ всѣмъ имъ извѣстной римской церкви, чѣмъ съ другими отдаленными.

(2) Я выразилъ содержаніе главной мысли, а вотъ подлинныя слова: »Quoniam valde longum est, in hoc tali volumine omnium ecclesiarum enumerare successiones; maximae, et antiquissimae, et omnibus cognitae (западныя еретики лучше знали римскую церковь нежели другія:) a gloriosissimis duobus apostolis Petro et Paulo, Romae fundatae et constitutae ecclesiae, eam, quam habet ab apostolis traditionem, et annuntiatam hominibus fidem, per successionem episcoporum pervenientem usque ad nos, indicantes, confundimus omnes eos, qui quoque modo, vel per levitatem et malam sententiam, preterquam oportet colligunt. Ad hanc enim Ecclesiam, propter potentiorem principalitatem, necesse est omnem convenire Ecclesiam, hoc est eos, qui sunt undique fideles; in quos semper ab his qui sunt undique, conservata est ea, quae est ab apostolis traditio.»

(3) Латин. переводчикъ Григорія употребилъ здѣсь именно слово *convenire*.

и онъ высасываетъ отъ нихъ, какъ изъ источника, основанія вѣры."

Было бы обременительно для моей старости прослѣдить и объяснить въ этомъ письмѣ всѣ дѣла первенствующей церкви, въ которыхъ оказывалось какое либо предпочтеніе римской церкви и епископамъ ея, считаемое ультрамонтанами основаніемъ безграничной власти, будто бы данной римскимъ папамъ самимъ Спасителемъ. Скажу вообще, что причиною такого предпочтенія были: или личныя достоинства нѣкоторыхъ римскихъ епископовъ, или же то, что они были епископами столицы могущественнѣйшаго въ то время государства и своею близостю къ административной власти могли защищать въ разныхъ случаяхъ и покровительствовать церкви провинціальныя. Мы видѣли, напримѣръ, что Ириней епископъ ліонскій (1) вмѣшивался въ дѣла епископа римскаго съ Поликратомъ; а что епископамъ даже другихъ митрополій давалось предпочтеніе, видно изъ 9-го канона антюхійскаго собора, бывшаго въ 341 году. Вотъ слова этого канона: „нужно чтобы епыскопы, постановленные въ каждой провинціи, знали, что епископъ митрополіи обремененъ заботою о всей провинціи, ибо по разнымъ дѣламъ со всѣхъ сторонъ приходятъ въ митрополію, потому-то оказалось...." Такое преимущество епископовъ митрополій, а тѣмъ болѣе епископа столицы всей имперіи, получило начало съ первыхъ временъ христіанства, когда еще и государи, и участвующіе въ управленіи и судѣ были язычники. Христіане, стекавшіеся со всѣхъ сторонъ въ митрополитальные города и столицу, по частнымъ и политическимъ дѣламъ, по господствовавшей тогда тѣсной связи и любви между христіанами, — находили въ епископахъ, постоянно тамъ жительствовавшихъ, совѣтъ и покровительство.

Уваженіе къ епископамъ митрополій и столицы увеличивалось еще отъ того, что въ этихъ городахъ насадили христіанство сами апостолы; но все-таки преобладало уваженіе къ знаменитости городовъ. И такъ, хотя насаждено христіанство прежде въ Іерусалимѣ и самимъ І. Христомъ, хотя св. Петръ прежде поставилъ епископа въ Александріи, а послѣ въ Римѣ, однакожъ, ради столичнаго города, дано первенство предъ всѣми епископу римскому, — и хотя въ Константинополѣ не было введено христіанство непосред-

(1) Мы увидимъ ниже, что въ область подвѣдомственныхъ римскому епископу церквей не входила ліонская церковь.

ственно апостолами, но когда въ этотъ городъ была изъ Рима перенесена столица, равное жъ первенство чести дано епископу константинопольскому,— и напротивъ, хотя апостолы непосредственно поставляли епископовъ во многихъ городахъ востока, но какъ эти города не были митрополіями, то считались ниже митрополитальныхъ. Но это предпочтеніе не давало власти надъ другими епископами. Они не имѣли права сами ни поставлять ни судить, ни извергать епископовъ, ни рѣшать окончательно спорныхъ ученій, все это дѣлалось или мѣстными, или вселенскими соборами.

Если который изъ епископовъ отъ своего или даже отъ своей частной церкви отваживался высказывать власть надъ другими церквами, сейчасъ находилъ отпоръ отъ другихъ церквей, и рѣшенія ихъ не уважались, какъ мы видѣли, что не уважалось отлученіе, произнесенное римскимъ епископомъ Викторомъ. Подобный отпоръ данъ былъ другому римску епископу Стефану епископами Кипріаномъ карфагенскимъ, который, по дѣлу о перекрещиваніи еретиковъ, для опроверженія ученія Стефана, собираетъ соборъ, а Фирмиліанъ, одинъ изъ епископовъ каппадокійскихъ, пишетъ къ томужъ Стефану, между прочимъ: „какой тяжкій грѣхъ ты совершилъ, отлучаясь отъ толикаго стада; ибо дѣйствительный схизматикъ есть тотъ, кто отказался отъ общенія съ единствомъ церкви. Ты думаешъ, что всѣ прочіе суть отлученные отъ тебя; нѣтъ, ты самъ отлученъ отъ прочихъ (1).“ За равенство власти всѣхъ епископовъ такъ крѣпко стояли, что даже были нетерпимы титулы, намекающіе на власть, каковы *епископъ епископовъ*, *или вселенскій епископъ*. Когда константинопольскимъ патріархамъ начали давать титулъ „вселенскаго патріарха,“ то римскій папа Григорій Великій въ шестомъ вѣкѣ, въ письмахъ къ патріарху Іоанну, сильно защищалъ равенство власти всѣхъ епископовъ. Приведу нѣкоторыя его слова: „Если св. апостолъ Павелъ не хотѣлъ, чтобы члены Христова тѣла подвластны были, кромѣ Христа, какимъ нибудь особымъ главамъ, хотя бы то были апостолы, то какой ты дашъ отвѣтъ въ послѣдній судный день Христу, т. е. главѣ всей церкви, — какой дашъ отвѣтъ ты, который названіемъ вселенскаго, стараешься подчинить своей власти всѣ его члены?“ Такъ ли бы писалъ Григорій, если бы вѣровалъ въ папскую властъ

(1) Споръ этотъ рѣшенъ тѣмъ, что еретиковъ, правильно крещенныхъ, не нужно перекрещивать, но епископъ римскій нашелъ отпоръ, когда собственною властію хотѣлъ рѣшать и отлучать.

какую доказываютъ ультрамонтаны? Онъ бы сказалъ: Павелъ не хотѣлъ, чтобъ были подвластны какимъ либо особымъ главамъ, кромѣ невидимой главы Христа и намѣстника его видимой главы епископа римскаго. Въ другомъ посланіи къ епископу александрійскому тотъ же Григорій очень основательно говоритъ: „Допустить употребленіе этого названія (вселенскаго) значило бы унизить всѣхъ патріарховъ, и если тотъ, кто называетъ себя вселенскимъ, впадетъ въ заблужденіе, то значитъ не будетъ уже ни одного епископа, который бы пребывалъ въ истинѣ“—разумѣется, что другіе епископы, обязанные повиноваться вселенскому, также заблуждались бы. Вотъ еще слова карѳагенскаго собора, порицающіе титулы епископовъ римскихъ: „перваго престола епископъ да не нарицается главою священства (princeps sacerdotum), или верховнымъ священникомъ, или чѣмъ подобнымъ сему, а только епископомъ перваго престола)“. III Corlhog. cor. 26.

(Окончаніе впредь).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОГО ЕВРЕЙСКАГО СМОТРИТЕЛЯ УЧИЛИЩЪ 1го РАЗРЯДА (1).

„Каковъ хозяинъ, таковы и домашніе.“

(*Окончаніе*).

Прошло нѣсколько времени съ того вечера, въ который смотритель читалъ мнѣ свой дневникъ. Во все это время, при каждой новой встрѣчѣ со мною, онъ былъ неистощимъ въ матеріалахъ для бесѣды со мною. То онъ разсуждалъ о еврейскомъ вопросѣ, о невозможности полнаго усвоенія себѣ евреями русскаго языка, пока на Руси будутъ существовать хедеры и ихъ корифеи меламды, которые, по его мнѣнію, ни болѣе-какъ поборники тьмы и всякаго злополучія евреевъ; о громадной пользѣ для еврейскаго образованія, обязанной тому, что въ раввинскомъ училищѣ, благодаря неутомимой дѣятельности ея администраціи и гг. препода-

(1) Смот. 3-ю книжку Вѣстника 1867 г.

вателей, преподають всѣ еврейскіе предметы: библію, талмудъ, мишну, исторію евреевъ, сводъ узаконеній, грамматику древняго еврейскаго языка на русскомъ языкѣ вмѣсто прежняго преподаванія на нѣмецкомъ,— словомъ о всѣхъ тѣхъ живо трепещущихъ вопросахъ, о которыхъ столько уже толковали, толкуютъ и будутъ толковать Богъ знаетъ до какихъ поръ всѣ и каждый и даже такіе, которые столько же способны рѣшать подобные вопросы сколько способенъ родившійся слѣпцемъ различать краски цвѣтовъ, или лучше, сколько смыслитъ полуидіотъ,—еврейскій меламедъ въ педагогикѣ. Такіе и подобные имъ матеріалы всегда находилъ для разговора смотритель училища, но объ немъ самомъ, о его положеніи между N-скими евреями—ни слова. Ему, какъ я догадываюсь теперь, было досадно, что онъ открылъ мнѣ тайны души своей и такимъ образомъ нечаянно поднялъ занавѣсь моей собственной будущности. Но молчаніе смотрителя о томъ, о чемъ болѣе всего хотѣлось мнѣ узнать, еще больше раздражало мое нетерпѣніе, и я сдѣлался любопытенъ какъ женщина, говоря словами психологовъ. Я сталъ всматриваться не подмѣчу ли вокругъ себя какихъ либо интересныхъ для меня явленій, касающихся положенія училища и его смотрителя, но всѣ мои наблюденія не повели ни къ какимъ результатамъ, все было однообразно вокругъ меня сегодня, какъ и вчера. Утромъ ученики являлись въ училище, послѣ уроковъ, когда вожделѣнный звонокъ миніатюрнаго классного колокольчика извѣщалъ два часа по полудни, двери класса распахивались и все юное народонаселеніе его, помолившись Богу, разлеталось по домамъ, безъ шуму и гвалту, какъ отъ меламда, а, какъ бы сознавая свое превосходство надъ уличными шалунами и мальчиками, посѣщающими грязные, смрадные и душные хедеры. По окончаніи уроковъ, я обыкновенно отправлялся бывало въ канцелярію училища, гдѣ заставалъ уже смотрителя, отдыхающаго послѣ тяжкой работы. Я говорю послѣ тяжкой работы и напираю на эти слова, потому что нѣтъ ничего труднѣе, въ педагогическомъ, разумѣется, отношеніи, какъ перерабатывать языкъ еврейскаго мальчика, прежде обучавшагося у безгласнаго меламда. Однажды, войдя въ канцелярію, я нашелъ тамъ кромѣ смотрителя еще одного еврея. Наружность послѣдняго поразила меня. Блѣдное, исхудалое лицо его, впалыя щеки, словно обнаруживавшія желаніе сблизиться между собою, острый носъ клювомъ, подбородокъ шириною въ палецъ, маленкіе глаза, искрившіеся угольями, узкій лобъ,

весь покрытый морщинами, какъ взбороненное поле, наконецъ весь шестообразный корпусъ, имѣвшій діаметръ не больше нѣмецкаго куфеля, внушали во мнѣ изумленіе, доходившее до ужаса. Глядя на него, невольно вспомнилъ я о томъ Харонѣ, при взглядѣ на котораго Данте затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Гардеробъ его былъ à la меламедъ. На головѣ грязнѣлась ермолка, до того запачканная и засаленная, что и самому искусному фабриканту—нѣмцу едва ли удалось бы узнать первоначальный колоритъ ея; длиннополый балахонъ, съ обвитымъ вокругъ него кушакомъ,—нето шелковымъ, нето бархатнымъ, покрывалъ его тѣло до самыхъ ногъ, которыя барахтались въ грязныхъ исполинской величины полусапогахъ. Проницательный наблюдатель сей часъ узналъ бы въ немъ меламда, но я, по неопытности своей, принялъ его за хасида; вышло, впрочемъ что я не совсѣмъ обманулся,—онъ былъ то и другое: по профессіи былъ меламедъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, а относительно религіозныхъ предразсудковъ принадлежалъ къ строжайшимъ хасидамъ коцкой секты. (1)

— Lieber Herr смотритель, сказалъ хасидъ-меламедъ, не погубите меня, ради Бога, не погубите меня и моего бѣднаго семейства! Если потребуете моихъ талмидовъ (2) въ школу, тогда что будетъ со мною и съ моимъ бѣднымъ семействомъ?!!..

— Помилуйте, ребъ Іекеле, вѣдь я не требую, чтобъ они со всѣмъ оставили хедеръ; два часа, въ лѣтній день, что это за важность! Я, право не предпологалъ, чтобы вы были противъ этого.

— Два часа въ день, собственно говоря, сами по себѣ, не большое время; но не въ томъ дѣло, а вотъ въ чемъ. Если мои талмиды почуютъ школу, а всѣ они мальчишки способные, тогда совсѣмъ забудутъ о хедерѣ, не смотря на то, что пойдутъ въ школу только на два часа въ день. Вы человѣкъ ученый, съ вами много толковать не нужно, поэтому сами навѣрно понимаете, что нынѣшнія дѣти не то что въ былое время; дайте имъ чайную ложечку, они скоро попросятъ цѣлое блюдо: вы хотите учить ихъ русскому чистописанію и чтенію, а имъ, бьюсь объ закладъ, скоро захочется знать и ариѳметику и грамматику и другіе собла-

---

(1) Хасиды раздѣляются на многія секты; одна изъ замѣчательнѣйшихъ есть коцкая.

(2) Учениковъ.

зительные предметы, и тогда прощай хедеръ, прощай лекахъ-товъ (1), прощай парнаса (2)!!!

— Почему же „прощай парнаса"? Я думаю, что русская грамота нисколько не исключаетъ еврейскихъ предметовъ, а напротивъ увѣренъ, что такое сложное знаніе произведетъ самую отрадную и полезную гармонію.

— Извините, Herr смотритель, я васъ не совсѣмъ хорошо понимаю.

— Я, видите, то говорю, Herr Іекеле, что ваше предположеніе, будто бы ариѳметика и русская грамматика вызоветъ въ душѣ еврейскаго мальчика равнодушіе къ еврейскимъ предметамъ, совсѣмъ не вѣрно. Я видѣлъ много примѣровъ, доказывающихъ противное. По опыту я знаю, что тамъ, гдѣ преподаются и еврейскіе и общіе предметы, если только учители дѣльные педагоги и сочувствуютъ своей профессіи, успѣхи оказываемые учащимися, по всѣмъ предметамъ равны, чтобъ не сказать, что въ еврейскихъ предметахъ еще больше успѣваютъ; если сердце ваше предсказываетъ вамъ, что мои предметы произведутъ охлажденіе къ вашимъ хедерскимъ, то значитъ, что вы сами слабы въ вашемъ знаніи, и что вы плохой педагогъ, т. е. меламедъ.

— Я плохой меламедъ? ошибаетесь, Herr смотритель, возразилъ ребъ-Іекеле съ жаромъ, двацать два года занимаюсь этимъ честнымъ ремесломъ и никто еще не сказалъ обо мнѣ, чтобъ я не владѣлъ всѣми качествами меламда. Посмотрите на весь здѣшній женатый людъ; весь онъ, безъ исключенія, былъ моими талмидами и какъ они всѣ успѣвали!... Ребъ Тодресъ лавочникъ и теперь еще прочитаетъ наизустъ листокъ изъ Баба-меція; всѣ: ребъ Іоселе, ребъ Сендеръ, ребъ Герцъ,—словомъ сказать—всѣ здѣшніе торговцы, если не въ состояніи прочитать что нибудь наизусть, то, по крайней мѣрѣ, исчислятъ вамъ всѣ заголовки важнѣйшихъ трактатовъ талмуда. И доселѣ, слава Богу, я отлично занимаюсь, не смотря на то, что мнѣ стукнулъ уже 63 годъ; мои талмиды и доселѣ боятся меня пуще огня....

— Въ томъ то и дѣло, что талмиды ваши васъ боятся пуще огня, а мои воспитанники такъ нисколько меня не боятся, а только уважаютъ меня и любятъ. Нѣтъ, ребъ Іекеле, не отка-

---

(1) Маленкій сборникъ изъ остроумныхъ трактатовъ талмуда для младшаго возраста.

(2) Зарабатываніе.

жусь отъ моего рѣшенія: ученики ваши непремѣнно должны посѣщать училище; здѣсь дѣло идетъ не о нашей личной пользѣ, о семейныхъ выгодахъ, а о будущности нашего племени.... Довольно намъ коснѣть подъ спудомъ фанатизма и предрасудковъ, пора уже и намъ выйдти изъ тьмы на свѣтъ Божій. Поле дѣйствія широко, обстоятельства благопріятствуютъ... Правительство основываетъ для насъ училища, пусть же летятъ всѣ наши дѣти въ эти училища... И вамъ, ребъ Іекеле, довольно уже заниматься притупленіемъ здраваго смысла дѣтей! Ступайте домой и подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ сейчасъ сказалъ.

Ребъ-Іекеле сдѣлалъ кислую рожу, сжалъ судорожно губы, растопырилъ руки, согнулся дугой и торопливо скрылся за двери. По уходѣ ребъ Іекеле, смотритель вздохнулъ свободнѣе: точно двухпудовая гиря свалилась съ его сердца. „Ну ужь борьба, такъ борьба"! произнесъ съ грустью смотритель. Мнѣ кажется, что увлекшись своимъ краснорѣчіемъ, онъ считалъ себя совершеннымъ побѣдителемъ и торжествовалъ надъ разбитымъ меламдомъ; но это только мое предположеніе.

— Вотъ вамъ живой экземпляръ одного изъ нравственныхъ убійцъ нашей молодежи, сказалъ мнѣ смотритель, собравшись духомъ. Вы не вѣрили тому, что я вамъ говорилъ о нихъ, теперь кажется, вы убѣдились въ истинѣ своими ушами. Не долго я еще служу здѣсь, а уже много разъ испытывалъ силу меламдовъ на себѣ, а училище мое уже порядочно натерпѣлось отъ ихъ обскурантизма. Я вамъ раскажу, если хотите, кое-что объ этомъ ребъ-Іекеле.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Слушайте.— На второй день праздника Шебуоѳа (пятидесятницы) я зашелъ въ домъ одного здѣшняго благомыслящаго еврея, именно аптекаря. Туда пришелъ и какой то г. X. поздравить хозяина съ праздникомъ. Послѣ обмѣна обыкновенныхъ поздравленій и благожеланіій, г. X. завелъ рѣчь о своемъ единственномъ пятнадцати лѣтнемъ сынѣ, котораго, по его словамъ, природа одарила отличными способностями: здравымъ умомъ, крѣпкою памятью, пламеннымъ воображеніемъ и проч., и проч. Выслушавъ отъ г. X. панитирикъ его своему дѣтищу, хозяинъ замѣтилъ ему, между прочимъ, что уже давольно было бы кормить 15 лѣтняго сына однимъ талмудомъ, о которомъ онъ уже имѣетъ слишкомъ громоздкое понятіе, и, который, наконецъ,

можетъ надоѣсть ему, какъ одно и тоже блюдо, подаваемое ежедневно къ обѣду, и, что пора дать ему современное, болѣе полезное и практичное воспитаніе: учить его, по крайней мѣрѣ, читать и писать по русски, что необходимо для каждаго русскаго гражданина, не исключая, конечно, и еврея. Да, отвѣчалъ г. Х., вы правы; уже пора учить моего сына русской грамотѣ, въ которой онъ еще и аза не знаетъ; и жена моя тоже совѣтовала мнѣ уже нѣсколько разъ взять для него наставника; уже и пріискалъ— было учителя перваго разряда, но, послѣ двухнедѣльнаго обученія, принужденъ былъ отказать ему.

— Какъ такъ, спросилъ компетентный хозяинъ, поблѣднѣвъ, какъ голландское полотно. Почему же вы отказали учителю, если рѣшились на такое доброе дѣло, по какой это причинѣ?

— По очень простой причинѣ, наивно отвѣчалъ г. Х: меламедъ моего сына, ребъ Іекеле, настаивалъ на этомъ. Дѣло, если хотите знать подробно, было вотъ какъ:

Замѣтивъ, что сынъ мой является въ хедеръ послѣ обѣда не по обыкновенію въ три часа, а въ половинѣ пятаго, ребъ Іекеле спросилъ его о причинѣ такого запаздыванья. Сынъ мой объяснилъ дѣло объ учителѣ. Ночью, часовъ въ одинацать, сидя у себя дома за столомъ и любуясь хорошо написанными русскими буквами въ тетрадкѣ моего сына и радуясь быстрымъ его успѣхамъ, я вдругъ замѣтилъ, какъ отворилась дверь и вошелъ ребъ Іекеле. Замѣтивъ на лицѣ моемъ удивленіе такому позднему визиту, ребъ Іекеле объяснилъ мнѣ тотъ часъ его причину.

„Я, сказалъ онъ, пришелъ къ вамъ по весьма важному дѣлу, а именно: высказать мое мнѣніе на счетъ новаго занятія вашего единственнаго сына.... (Здѣсь ребъ Іекеле возвысилъ голосъ на нѣсколько тоновъ, а указательнымъ пальцемъ сдѣлалъ нѣсколько круговъ въ воздухъ). Я слышалъ, что вы взяли для него учителя русской грамотности, а потому какъ истинный вашъ другъ, пришелъ вамъ сказать, что это дѣло для васъ обоихъ, т. е. какъ для васъ, такъ и для сына вашего лишнее и весьма неудобное. Для васъ, какъ для человѣка небогатаго неудобно тратить нѣсколько рублей въ мѣсяцъ попусту безъ всякой пользы (sic); а сыну вашему это новое ученіе будетъ мѣшать въ его хедерскихъ занятіяхъ. Я, продолжалъ онъ, до свадьбы моей не зналъ, какъ держать перо въ рукѣ, а теперь, слава Богу, пишу на еврейско-нѣмецкомъ языкѣ (жар-

гонѣ) огромныя письма и даже умѣю подписаться порусски; а поэтому я прошу васъ, для вашего блага, отказать“.

Сначала я и жена моя противились его просьбѣ, но когда онъ началъ грозить намъ, что если не откажемъ учителю, то онъ перестанетъ заниматься съ нашимъ сыномъ, мы принуждены были удовлетворить его желанію.

„После праздника, я пригласилъ ребъ Іекеле къ себѣ и спросилъ его: вѣрно ли все то, что расказалъ г. Х. Нисколько не стѣсняясь, ребъ Іекеле призналъ все вѣрнымъ. Я сдѣлалъ ему предостороженіе и далъ слово, въ случаѣ повторенія подобной продѣлки донести учебному начальству. На мои слова ребъ Іекеле скорчилъ прегадкую рожу, разразился истерическимъ смѣхомъ и сказалъ: не горячитесь, г. смотритель! вы знаете что говоритъ пословица: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись; я хоть не богатъ но знайте, что все мѣстечко на моей сторонѣ!

Услужливый меламедъ доказалъ это на дѣлѣ. Зная, что казенный раввинъ и польскій смотритель отъявленные мои враги, ребъ Іекеле заключилъ съ ними наступательный и оборонительный союзъ противъ меня и училища. Скоро я замѣтилъ, что въ училищѣ съ каждымъ днемъ становится меньше учащихся. Сначала я не понялъ въ чемъ дѣло, но потомъ это объяснилось, когда въ одинъ день явились въ училище только два слушателя. На вопросъ: почему нѣтъ учениковъ, мнѣ отвѣчали, что всѣ больны. Тутъ я убѣдился въ справедливости словъ меламда. Чрезъ три дня въ училище не явилось ни одного ученика; на червертй день у меня уже не хватило терпѣнія. Я сталъ ходить по домамъ и разслѣдовывать причины отсутствія учениковъ, но увы! вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „не отпустимъ больше нашихъ дѣтей въ училище“. Въ одномъ домѣ меня даже порядкомъ ругнули: вотъ, сказали, еврей хуже поляка;—польскій смотритель хоть тоже требовалъ иногда для виду нѣсколько учениковъ, зато никогда не тревожилъ меламдовъ, никогда не занимался съ учениками такъ много порусски, никогда не вмѣшивался не въ свои дѣла, и дѣло шло превосходно—и волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы, а онъ, еврей нашъ братъ, а всѣхъ хотѣлъ бы сдѣлать русскими. Отъ меламдовъ требуетъ, чтобъ посылали своихъ талмидовъ въ училище, съ учениками говоритъ порусски, еврейскіе предметы преподаетъ порусски, дома то и дѣло твердитъ ученикамъ: говорите порусски,— все порус-

сія!... тфу пропасть!... Нѣтъ, говорили мнѣ, извините, г. смотритель, вы намъ не братъ, ни кумъ, ни сватъ... Съ этими категорическими отвѣтами и поучительными наставленіями я отправился къ моему comes fidus, къ аптекарю, единственному здравомыслящему человѣку въ мѣстечкѣ, за совѣтомъ; но о Deus bone! съ каждымъ шагомъ умножались мои удары: аптекарь сообщилъ мнѣ, что польскій смотритель, казенный раввинъ и услужливый ребъ Іекеле всѣ трое отправились куда слѣдуетъ подать прошеніе о закрытіи училища, а до ихъ возвращенія жители мѣстечка поголовно обѣщались не посылать дѣтей въ училище. Долго я и аптекарь ломали головы, надъ разными планами, какъ отклонить предстоящую грозу, и парализировать затѣи враговъ прогресса, но въ концѣ концевъ вышло, что всѣ наши планы были неудачны. Но вотъ ребъ Іекеле и раввинъ возвратились, какъ говорится, съ носомъ. Раввинъ за свое *полезное* прошеніе былъ отрѣшенъ отъ должности, а ребъ Іекеле дали совѣтъ не перечить намѣреніямъ правительства и исполнять все, что приказываетъ смотритель; польскій смотритель ушелъ въ Царство Польское.

Скоро по возвращеніи посланниковъ, стѣны училища снова увидѣли своихъ старыхъ жильцевъ; уроки стали преподаваться по прежнему, съ тою только разницею, что и законъ Божій Хаіе Адамъ (1) тоже началъ преподаваться на русскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ видите, все пошло благополучно; развѣ иногда столкнешься съ какимъ нибудь фанатикомъ меламдомъ, который пуще смерти боится, чтобы талмидамъ его, которыхъ волей не волей долженъ посылать въ училище, не захотѣлось чего нибудь горькаго, вреднаго, какъ напр. русская грамматика или ариѳметика; но къ этому ты уже привыкъ, какъ къ такой хронической болѣзни, отъ которой никуда и никогда не спасешься, но на которую впрочемъ, не слѣдуетъ обращать большаго вниманія.

Вотъ все, что я слышалъ отъ еврейскаго смотрителя, во время пребыванія моего въ N., и что я рѣшился передать безцеремонно читающей публикѣ на страницахъ безпристрастнаго „Вѣстника Западной Россіи“. Если моя безцеремонность не понравится, можетъ статься, нѣкоторымъ отсталымъ моимъ единовѣрцамъ; если

(1) Жизнь человѣка.

иные изъ нихъ сочтутъ ее „вынесеньемъ сора изъ избы“, то я могу сказать въ свое оправданіе только слѣдующее: во первыхъ, chaque baron a son goût, а я не зналъ ихъ вкуса и долженъ былъ руководиться собственнымъ; вовторыхъ, что я все таки люблю своихъ единоверцевъ больше всѣхъ меламдовъ, не смотря на то, что послѣдніе кормятъ ихъ пряниками, а я горькою дѣйствительностью; honny soit qui mal y pense.

Лазарь Пахманъ.

НѢТЪ БОЛѢЕ ПОЛЬШИ.

(*Продолженіе*) (1).

Глава пятая.

КАРТИНА.

Вотъ картина театра войны, или лучше инсуррекціи въ Царствѣ Польскомъ: съ одной стороны духовенство, дворяне, шляхта, негоціанты и лица должностныя, всѣ вмѣстѣ составляющія не свыше пол миліона людей, къ которымъ присоединяются толпы праздношатающихся бродягъ, всегда ищущихъ сумятицъ и возмущеній, и готовыхъ вѣрою и правдою служить изъ за денегъ. Съ другой стороны четыре милліона крестьянъ, пролетаріевъ, мастеровыхъ, работниковъ и жидовъ.

Въ главѣ стоитъ сословіе привилигированное, называемое просвѣщеннымъ, но въ сущности только самое высокомѣрное и начальное. Трудно составить себѣ вѣрное понятіе о невѣжествѣ большей части польскаго дворянства. Невѣжество это замѣтно рѣшительно во всемъ. Меня неоднократно увѣряли, что я должно быть непременно дворяниномъ, ибо иначе былъ-бы необразованъ и не умѣлъ-бы обходиться съ особами высшаго круга. Они допускаютъ образованіе только въ дворянинѣ по происхожденію, и нѣтъ силы, которая могла-бъ ихъ въ томъ разубѣдить. Я даже иногда

(1) Смотри 1 и 2 кн. Вѣстника.

задумывался, не соединяеть-ли въ себѣ Польша идіотовъ со всего свѣта, и признаться сказать—не приходилъ къ противоположному заключенію. Представители *образованнаго* сословія, вербуютъ бѣдниковъ для мятежа, такими *прокламаціями:* „Покоряйся! Работай, страдай и умирай для моего удовольствія, или-же я тебя такъ изобью плетьми, что ты съ плачемъ побѣжишь, и криками своими огласишь воздухъ!“ Но чего-жъ они теперь добиваются? Они хотятъ освободиться отъ вліянія иностранныхъ державъ, которыя преслѣдуютъ ихъ прогрессивными побужденіями. Чего-жъ они *еще* желаютъ? Вѣрнѣе всего, что возвратиться къ тому блаженному времени невѣжества и несчастій, которое они называютъ „годами своего великолѣпія.“

На второмъ планѣ стоятъ *обиженные*, быть можетъ и желавшіе просвѣщенія, но силою удержанные отъ благородныхъ порывовъ. Чего-жъ просятъ и на что надѣются послѣдніе? Просятъ они освобожденія своихъ потомковъ, а надѣются на то, что *Король* и *Государь* не отдадутъ ихъ снова въ руки ихъ пановъ, и не допуститъ, чтобъ снова возвратилось время отчаянія и проклятій. Этихъ людей можно назвать и русскими, и австрійцами, и пруссаками, *но* не по одному влеченію сердца, а также и по разсудку. Они гораздо свѣтлѣе смотрятъ на дѣло, чѣмъ классъ *образованный.* Пятидесятилѣтній опытъ внушилъ имъ сознаніе человѣческаго достоинства, которымъ каждый можетъ справедливо гордиться, тогда какъ вѣчныхъ враговъ ихъ, ничему не научилъ опытъ и десяти столѣтній.

Каждый разъ какъ мысли мои возвращаются къ Польшѣ, я невольно припоминаю слѣдующія старинныя правила: „Не останавливайся тамъ, гдѣ мужикъ кланяется своему помѣщику до земли, раболѣпно цѣлуя его руки. Остановись на *томъ* перекресткѣ, гдѣ не будетъ ни однаго нищаго. Если-же увидишь богатый дворецъ, окруженный бѣдными лачугами, иди своей дорогой, ибо тамъ царствуетъ плачь и нищета.“

„Гдѣ много играютъ и пьютъ, тамъ преобладаетъ невѣжество.“

„Не суди о блалочестіи города, по числу его церквей. Настоящая набожность, скромна и покойна.“

„Гдѣ женщина стоитъ выше мужчины, тамъ и остальное принимаетъ характеръ женственности.“

„Тѣ города, гдѣ днемъ разъѣзжаютъ роскошные экипажи, а

по вечерамъ освѣщаются дурно,—походятъ на тѣхъ опозоренныхъ женщинъ, которыя подъ шелковыми платьями, скрываютъ грязныя рубища.

Идеальная Польша не походитъ ни на Англію— царицу торговли, ни на богиню художествъ—Италію, ни на богатую великими воспоминаніями Германію и Испанію, ни на Россію, яркую сѣверную звѣзду, согрѣвающую своими лучами весь народъ, и наконецъ не походитъ и на геніальную Францію, съ ея острыми оружіями и доблестными воинами.

Но нельзя себѣ представить Польшу и въ томъ геройско-мученическомъ вѣнцѣ, какою представляютъ ее поляки. Это не болѣе какъ старая дѣва, безплодная, деспотическая, безграмотная и фанатически набожная,—которая ни однимъ дѣломъ не принесла пользы человѣчеству, а продолжаетъ влачить путь свой, по бѣлу-свѣту, съ завязанными глазами, съ хлыстикомъ въ рукѣ и эгоизмомъ въ душѣ.

Польша пропитана непреодолимыми предразсудками, и если бы когда нибудь она воскресла, то представила бы грустную аномалію, рядомъ съ остальными европейскими государствами. Что-же сказать послѣ того о тѣхъ немногихъ людяхъ, которые судятъ о Полшѣ совершенно превратно,— полагая, что уже всѣ народы дошли до одной точки образованія съ Франціей?— Они еще болѣе запутываютъ и безъ того уже многосложные жизненные вопросы.

Въ 1812 году г-жа Сталь проѣзжала Галицію и вотъ какъ она описываетъ Польшу; изъ этого описанія видно, что отъ 1812 до 1864 года, почти ничто не измѣнилось:

„Край однообразенъ и скученъ. Народъ безргамотенъ и лѣнивъ, и не смотря на вѣчное желаніе свободы, никогда не успѣли ее водворить. О воспитаніи народа вовсе не радѣютъ, и промышленность до того въ упадкѣ, что *всей* торговлей завладѣли жиды. Между помѣщиками и крестьянами цѣлая пропасть; роскошь и богатство первыхъ, и страшная нищета послѣднихъ, до того поражаютъ своей противоположностью, что невольно обдаетъ холодомъ, при видѣ этаго печальнаго зрѣлища, и остается только желать, чтобы австрійцы позаботились о введеніи лучшихъ законовъ чѣмъ тѣ, которые существуютъ въ настоящее время.

Край населяютъ три разряда людей: 1) польскіе нищіе, 2) евреи, и 3) ясневельможные паны.

Длиннобородные нищіе, въ древнихъ сарматскихъ одеждахъ, внушаютъ глубокое состраданіе. Конечно, еслибъ они хотѣли работать, то не были-бы доведены до такого жалкаго состоянія; но неизвѣстно—лѣнь, или гордость заставляетъ ихъ пренебрегать обработкой помѣщичьей земли.

На большихъ дорогахъ безпрестанно встрѣчаются торжественныя процессіи, съ пѣніемъ хвалебныхъ гимновъ; но на лицахъ каждаго изъ присутствующихъ написана сильная грусть. Когда имъ подаютъ даже и не деньги, а только пищу лучшую ихъ обыкновенной скудной пищи,—они съ такимъ удивленіемъ глядятъ на небо, какъ будто считаютъ себя недостойными наслаждаться такими дарами.

Въ польскомъ народѣ существуетъ обычай, при встрѣчѣ съ помѣщикомъ цѣловать ему колѣна, и въ деревняхъ васъ ежеминутно осаждаютъ такими привѣтствіями женщины, дѣти и старики, и не дадутъ свободно пройти десяти шаговъ."

Еслибъ г-жѣ Сталь пришлось еще разъ проѣзжать чрезъ Польшу, то навѣрное ей ничего не пришлось-бы измѣнить въ грустномъ описаніи Царства Польскаго. Все осталось неизмѣнно: только нищій или, иначе сказать, мужикъ немного болѣе трудится, да и то потому, что условія его немного улучшились; вотъ и все.

Глава шестая.

Возмущеніе и причины его возбужденія.

Польскій народъ не могъ существовать и уже давно потерялъ свою самостоятельность,—это доказано. „Со временъ святаго Адальберта, съ тысячнаго года, дворянство и папа, всей своей тяжестью, налегли на народную могилу, въ которой замуровали человѣчество," такъ говоритъ Мишле.

Понятовскій, призванный на престолъ Екатериною II, организовалъ польское войско. Прежде Польша не имѣла своего войска. Новая армія сражалась съ русскими при помощи Костюшки и варшавскихъ и виленскихъ инсургентовъ. Но развѣ можно назвать эти возмущенія патріотическими или народными? Нѣтъ. Народъ не имѣлъ ничего общаго съ мятежами побѣжденныхъ. Костюшко это хорошо зналъ, когда, образовавъ косиньеровъ, онъ палъ окровавленный на полѣ битвы и воскликнулъ: *Finis Poloniae!*

Теперь здѣсь русскіе, прусскіе и австрійцы, но хотя они и считаются, сравнительно съ французами, народами отсталыми, все таки они существуютъ и будутъ существовать въ будущемъ. Теперь и паріи, и угнетенные, и проклятые имѣютъ сношенія съ *людьми*, а нѣмецкія колоніи — своимъ примѣромъ, уничтожаютъ слѣды первоначальнаго варварства. Теперь и эти несчастные паріи рѣжутъ, бьютъ, жгутъ, истязуютъ помѣщиковъ:

Вотъ это было дѣйствительно народное возстаніе! Подобная рѣзня въ Европѣ болѣе немыслима; теперь просвѣщаютъ другими средствами, и Австрія тотчасъ-же поспѣшила прервать, внезапно возбужденный страхъ кровавой мести. Но возстанія 1830—1846— и 1863 года, на что они похожи— и какая въ нихъ характеристическая черта? Это не болѣе какъ возмущеніе дворянъ и духовенства, — гнѣвныя вспышки ханжей и женщинъ.

Ксендзы и паны до того горды, что ни на одно мгновеніе не разстаются съ мыслью, что *они составляютъ* Польшу, а нація служитъ только орудіемъ къ достиженію ихъ корыстолюбивыхъ замысловъ.

Однако народъ бросилъ своихъ тирановъ и сталъ искать отечества подальше отъ нихъ. Польша не существуетъ! и польскій патріотизмъ— вещь вымышленная; это выдумка журналистовъ; въ противномъ-же случаѣ онъ долженъ былъ непремѣнно проснуться во время севастопольской войны.

Всѣ возмущенія, которыми гордится Польша, происходятъ отъ однѣхъ и тѣхъ-же причинъ; стоитъ изучить только послѣднее изъ нихъ, чтобъ имѣть понятіе и объ остальныхъ.

На французскихъ знаменахъ стали вдругъ появляться огненными буквами имена *Мажента*, *Сольферино*. Ломбардія присоединилась къ Италіи. Гарибальди сначала въ Марселѣ, потомъ быстро переходитъ въ Волтурнъ. Однимъ словомъ, безпорядки и волненія готовы породить смуты и въ цѣлой Европѣ.

Императоры Наполеонъ и Александръ въ совершенномъ согласіи и хорошо понимаютъ намѣренія одинъ другаго. Завистливая Англія, предвидя, что дружелюбныя отношенія двухъ государей не могутъ соотвѣтствовать ея эгоистическимъ видамъ въ по-

литическомъ перевѣсѣ., старается поссорить петербургскій и парижскій кабинеты и для этого избираетъ Польшу, которая должна послужить яблокомъ раздора. И вотъ, благодаря долговременной ненависти лорда Росселя къ Франціи и ея правленію, дипломатическая интрига должна выйдти чудомъ махіавелизма и терпѣнія (1).

Обаяніе древней польской національности живо сохранилось въ сердцахъ р. католическихъ властей. Очарованіе это, неискусно поддерживаемое римскимъ духовенствомъ, іезуитами и эмиграціями болѣе не потухало; напротивъ оно возростало изъ ложно выдуманнаго героизма и всѣхъ несчастій, несправедливо приписываемыхъ народу. Франція привыкаетъ превозносить похвалами воспоминаніе о Польшѣ, забывая, что революція 89 года сдѣлала вопросъ этотъ даже неумѣстнымъ.

Народные предразсудки преувеличиваютъ и безъ того уже воспламененный вопросъ. Старые ветераны вспоминаютъ и хвалятъ польскія войска, въ которыя одинъ только геній могъ ввести дисциплину.

Безграмотные *республиканцы* (ихъ то болѣе всего и было), видятъ только умирающую республику и угнетенный народъ тамъ, гдѣ не болѣе какъ угасшая олигархія и народъ освобожденный.

Партизаны старой системы оплакиваютъ феодальную религіозную, католическую Польшу и на этомъ пунктѣ соглашаются всѣ разномыслящія партіи и рѣшаютъ, что Польшу слѣдуетъ поднять и воскресить.

Италія считаетъ Польшу сестрой по мнимому угнетенію московіей.

Благородная фанатическая *Испанія*, древняя земля инквизицій, защищая польскій вопросъ, защищаетъ свое собственное духовенство и дворянство.

Швеція заговариваетъ о наступательномъ союзѣ, съ видимо

---

(1) Франко-русскій союзъ составляетъ вѣчную заботу Великобританіи. Послѣ рѣчи императора Наполеона въ 1863 году ноябрѣ мѣсяцѣ, въ газетѣ «Times» была напечатана слѣдующая статья: «Тѣ которые помнятъ направленіе французской прессы,— знакомы съ настоящимъ сочувствіемъ французскаго народа и съ силою польскихъ преданій во Франціи,— будутъ немало удивлены, съ какою искренностью императоръ признаетъ въ своей рѣчи, что нѣчто въ родѣ *русскаго союза* существовало отъ крымской войны, до этого года; хотя *мы это и знали*, но эта великая правда еще никогда намъ не была высказана такъ съ высока.»

корыстолюбивой цѣлью, но тѣмъ не менѣе должный эффектъ произведенъ.

Флегматическая, жеманная *Англія*, горячится за польскій вопросъ, какъ и вообще за все, что можетъ повредить Франціи.

И, наконецъ, *Швейцарія* воображаетъ, что польскіе ряды, такъ же дружно соединены, какъ и мужички ея четырехъ кантоновъ, когда они побѣдили бургонскаго льва.

Однимъ словомъ—вся Европа вооружилась противъ Россіи! Съ такимъ прочнымъ основаніемъ не можетъ быть недостатка въ деньгахъ, а слѣдовательно и успѣхъ въ войнѣ несомнѣненъ. Не достаетъ только Польшѣ патріотизма, но это замѣнится храбростью и кровью французовъ. Францію считаютъ за краеугольный камень свободы, и подстрекнуть ее къ войнѣ такъ же легко, какъ подстрекнуть недовольныхъ дворянъ къ возстанію, а тогда цѣль іезуитовъ и англичанъ будетъ достигнута. Г. Монталамбертъ еще прежде меня утверждалъ, что мятежъ вобужденъ извнѣ (1).

Основателями злоумышленнаго заговора были, конечно, выбраны самые влiятельные члены польской эмиграціи, честолюбіе которыхъ уже давно было извѣстно въ Европѣ. Чарторыжскіе, Габровскіе, Браницкіе и многіе другіе, вошли въ составъ заговора, съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ критическую минуту, фанцузскій народъ съумѣетъ заставить своего императора заступиться за Польшу. Съ тѣхъ поръ они начали искать приверженцевъ польскаго вопроса, и хитро сплетенный англо-іезуитами планъ, сталъ приводиться въ исполненіе.

---

(1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первое побужденіе къ послѣднему польскому мятежу было внѣ ея предѣловъ и даже происходило изъ того самаго источника, который произвелъ революцію въ Италіи. Намъ хорошо извѣстно, что со времени послѣднихъ демонстрацій, не смотря на нравственную побѣду, которой Польша имъ обязана,—нахлынули вновь подстреканія, въ видѣ упрековъ или укоризны, въ такомъ родѣ: «Хотя вы люди честные, но въ дѣлѣ ровно ничего не смыслите и неспособны организовать великое предпріятіе; смотрите на итальянцевъ, берите съ нихъ примѣръ, какъ надо дѣйствовать и т. д.» Тѣмъ не менѣе лазутчикамъ революціонной демократіи не удалось перемѣнить характера польскихъ смутъ.

(Нація облеченная въ трауръ (1860) Монталамбертъ).

Не стану разбирать эти строки; и безъ того ясно видно, что самый храбрый защитникъ польскаго вопроса давно уже понялъ то, что я замѣтилъ, только гораздо позже.

Движеніе начиналось уже въ 1859 году, но разразилось въ 1863 г., слѣдовательно четыре года понадобились духовнымъ интригамъ, чтобъ нагальванизировать спящее мужество *героической*, *высокой*, *изящной Польши*.

Іезуиты, монахи и бѣлое духовенство возбуждаютъ отвращеніе національнаго дворянства къ русскому правительству, поддерживая тайную религіозную ненависть. Между тѣмъ сіятельные дворяне *не жаждутъ жертвъ*, а потому торопятся все движимое имущество превратить въ недвижимое. Къ счастью, и женщины скучаютъ, а „скучающая женщина способна на все.“ Одинокія, какъ бы въ плѣну въ своихъ громадныхъ уединенныхъ замкахъ, среди безконечныхъ полей, скучающія, теряющія жизненныя силы, вельможныя *пани*, находятъ пищу своему напряженному воображенію въ революціонномъ движеніи, которое ласкаетъ ихъ, и въ особенности развлекаетъ. Онѣ побуждаютъ къ возстанію мужей, любовниковъ и братьевъ, но при всемъ томъ, эгоизмъ ихъ не спитъ. Онѣ усердно приготовляютъ корпію и порохъ, нужды нѣтъ что патроны дурно сдѣланы, пули согнутыя, мужчины не смѣютъ дать совѣтъ,—нѣкоторые сами совершенно ничтожные, другіе влюбленные, и т. п. Да при томъ-же инсургенты все равно не съумѣютъ заряжать оружія. Направленныя ими въ москалей бомбы, недолетятъ до цѣли и лягутъ на полъ-дорогѣ, между тѣмъ какъ непріятельскіе снаряды будутъ уничтожать польскіе ряды, приводя въ ужасъ оставшихся въ живыхъ. Но что за бѣда? Неспособность и слабость не испортятъ дѣла. *Дураки* французы все спасутъ *въ своемъ гордомъ хвастовствѣ*, *которое прославило ихъ такими храбрыми*. Съ помощью женщинъ, сторонники возстанія, пожалуй, и будутъ правы: за нихъ фанатизмъ любви и фанатизмъ религіозный.

Цѣлыя массы шляхты, работниковъ, бѣдныхъ и нищихъ слушаютъ въ костелахъ патріотическіе гимны, которые велѣно пѣть для народа, между тѣмъ какъ помѣщики живутъ у себя тихо и невозмутимо. Набожность доводитъ до изступленія; всѣ порывы, таинственныя воззванія къ свободѣ, доходятъ въ особенности у женщинъ, до *nec plus ultra*, и вотъ въ одинъ прекрасный день гимны раздаются на народной площади и нѣсколько рядовъ невооруженныхъ бѣдняковъ, должны сопротивляться московскимъ войскамъ; Россію вынуждаютъ разгонять толпы людей на видъ безвред-

ныхъ, но въ сущности опасныхъ, и весьма естественно, что кровь проливается.

Но что за дѣло тѣмъ, кто извлекаетъ изъ мятежа пользу?

Францiя вмѣшивается, а либеральные органы прессы: Siècle и l' Opinion Nationale втягиваютъ цѣлыя массы рабочаго люду, который въ свою очередь будетъ стараться заставить Наполеона силою оружiя требовать возстановленiя Царства Польскаго.

Но кто же будетъ драться? Вопросъ немаловажный. Помѣщики черезчуръ щекотливы, слабы и слишкомъ изнѣженны, чтобы пачкать свои бѣлыя руки черной селитрой войны.

Кто же, повторяю, станетъ въ ряды повстанцевъ?

—Мелкая шляхта,—безмозглое сословiе, которое, не желая остаться мирными гражданами—мѣщанами, подслуживается аристократiи, съ унизительнымъ подобострастiемъ. Впрочемъ, съ деньгами найдутся и воины, тѣмъ болѣе, что не малая часть населяющихъ этотъ несчастный край, бездомныя сироты, ищущiя себѣ кусокъ хлѣба всевозможными средствами. Иностранные комитеты организуются.

Парижъ изображаетъ *центръ умственнаго движенiя;* конечно, попадаются и люди достойные, уважаемые, не за одинъ титулъ, талантливые и добрые. Но большинство, это изгнанники, которые, вспоминая далекое отечество, мечтаютъ о несбыточныхъ призракахъ, и взывая издалека къ соотечественникамъ, поддерживаютъ огонь возстанiя, который безъ того скоро-бы потухъ въ Польшѣ.

Далѣе, когда польскiе комитеты пойдутъ въ ходъ, существованiе безличнаго правительства будетъ возможно только посредствомъ постоянной лжи и терроризма. Во всякомъ случаѣ, если теорiя парижскихъ комитетовъ будетъ честная, то теорiя варшавскаго комитета будетъ безчестна, непримѣнима на практикѣ и безнравственна.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Отношенiя русскихъ и поляковъ замѣтно измѣняются: послѣднiе дѣлаются взыскательнѣе, враждебнѣй и стычка становится неизбѣжна. Слово *возстанiе* производитъ сильное броженiе въ юныхъ головахъ школьниковъ; будущiе воины выжидаютъ только повода, чтобы взбунтоваться и совершенно увѣрены, что найдутъ себѣ вѣрную помощь. Но вотъ во время внезапнаго рекрутскаго набора, представляется случай. Наборъ этотъ происходитъ именно въ томъ классѣ, который долженъ былъ послужить средствомъ для заговорщиковъ (шляхты),

тогда какъ вельможи устраняютъ себя отъ вмѣшательства до болѣе удобнаго времени. Въ 1816 году дѣйствовалъ законъ, дозволявшій правительству произвольно выбирать солдатъ, но онъ былъ уничтоженъ въ 1859 году, обнародованіемъ рекрутскаго устава, съ тѣхъ поръ эта повинность стала производиться совершенно правильно. Въ началѣ 1863 года встрѣтилось столько сопротивленій новому набору, что доведенный до крайности маркизъ Велепольскій остановилъ дѣйствія по уставу и возвратилъ законъ 1816 года.

Возстаніе вспыхнуло 15 января, и новые рекруты, а съ ними и университетскіе воспитанники, бѣжали изъ Варшавы въ лѣса (до лясу), рѣшившись, во что бы то ни стало, сопротивляться аресту, которымъ хотѣли заставить ихъ покориться царской власти.

Поляки начали дѣйствія съ необыкновеннымъ безразсудствомъ: основываясь на одной надеждѣ въ поддержкѣ, они побуждали идти подъ градъ русскихъ пуль однихъ только партизановъ своей національности, забывая, какъ и всегда, о народѣ, т. е. крестьянахъ, которыхъ даже не пробовали завлечь въ мятежъ. По правдѣ сказать, инсургенты представляли грустное зрѣлище: эти несчастные, обманутые простяки, служили только орудіемъ панскихъ интригъ и опасныхъ замысловъ духовенства, которое надѣялось вполнѣ возвратить древнюю силу религіознаго фанатизма.

Но разъ ужъ дѣло начато,—отступать было нельзя. Аристократы (слишкомъ лѣнивые и изнѣженные, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ и съ непокрытой головою на солнцѣ сражаться съ русскими солдатами) взялись за организацію, которая вовсе не существовала, да и не могла быть осуществима. Слѣдовательно, дѣйствующими лицами были шляхта и немногіе галиційскіе эмигранты (1). Такъ появились и сошлись Мѣрославскій и Лангевичъ. Первый (генералъ онъ или нѣтъ-неизвѣстно) человѣкъ ученый, краснорѣчивый, представитель демократическихъ идей, совершенно несхожихъ съ направленіемъ польскихъ дворянъ. Второй—обыкновенный прусскій офицеръ, человѣкъ совершенно простой, не обладающій никакими нравственными правилами, былъ поставленъ, такъ сказать, во главѣ движенія по выбору юныхъ инсургентовъ, которые, не

(1) Авторъ пристрастенъ: панство, какъ доказали военносудныя комиссіи, доставили минувшему мятежу самый сильный контингентъ. Ред.

смысля ничего сами въ военныхъ наукахъ, были вынуждены отнестись къ его солдатскимъ знаніямъ. Въ тотъ критическій моментъ, когда національное правительство вовсе еще не начинало дѣйствовать, уже были учреждены для различныхъ пунктовъ особые комитеты—въ родѣ *базароеъ*, дѣйствующіе въ смыслѣ закона *Liberum veto*, который былъ безъ колебанія примѣненъ къ этимъ *достопочтеннымъ* сборищамъ.

Результатомъ учрежденій коммиссій (какъ и всегда) вышла путаница, ясно обрисовавшая неисправное направленіе поляковъ. Враждебныя партіи, не будучи въ состояніи примириться даже для дѣла отечества, начали борьбу между собой. Революціонные демократы провозгласили диктаторомъ Мѣрославскаго, ясновельможные паны избрали Лангевича. Глупѣйшіе инсургенты, подобно скоту, идущіе на бойню для удовольствія другихъ,—уступили, и аристократическая партія, одержавъ верхъ, объявила Лангевича избранникомъ *народа* (который въ сущности посмѣивался въ сторонѣ надъ этою комедіей).

Какъ это происходило въ дѣйствительности, передать почти физически невозможно, ибо трудно уловить всю нить правды въ хаосѣ поднятомъ поляками.

Можно за вѣрное утверждать только, что и Мѣрославскій и Лангевичъ были оба провозглашены диктаторами, и я читалъ даже печатную прокламацію, въ которой Мѣрославскій благодарилъ Польшу за ея выборъ и увѣдомлялъ о планѣ своихъ дѣйствій. Я счелъ долгомъ передать всѣ эти мало-извѣстныя обстоятельства на судъ общественнаго мнѣнія, чтобы по нимъ могли видѣть и сдѣлать заключеніе о невѣжествѣ и заблужденіи пресловутой французской „прессы.“

(Продолженіе впредь).

БИРУТА И КЕЙСТУТЪ.

(Продолженіе) (*).

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

Дѣйствующія лица.

(КАРТИНА ШЕСТАЯ).

Бирута.
Веррика, литвинка, служанка Бируты.
Княгиня, первая жена князя Кейстута, лѣтъ 30-ти.
Кейстутъ.
Дѣвицы, бурты и рабыни.

(КАРТИНА СЕДМАЯ).

Великій князь Андрей Ольгердовичъ.
Князь Юрій.
Странникъ.
Стольникъ изъ замка в. к. Ольгерда.

(КАРТИНА ВОСЬМАЯ).

Криве-Кривейто.
Кейстутъ.
Григорій русинъ.
Князь Юрій.
Гаштольдъ.

(*) Смотри 1, 2 и 3 кн. Вѣстника.

1-й }
2-й } *Плѣнные рыцари.*
3-й Бирута, въ костюмѣ рыцаря.
Гонецъ изъ Трокъ.
Вайделотки.
Вайделоты.
Бурты.
Буртиники.
Вуршайтоги.

Дружинники, слуги и латники Кейстута.

ДѢЙСТВІЕ 4-е.

(Картина 6-я).

Покой въ трокскомъ замкѣ, 2 двери и 2 окна.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Бирута, дѣвицы, бурты, рабыни и Веррика.

Бирута (Обращается ко всѣмъ и кланяется). За пляску и *Дзаукемо Гњсме* (1) спасибо вамъ, милыя дѣвицы; но я хочу покою.... Идите, милыя подруженьки, а я останусь съ Веррикой.... Когда соскучусь, позову васъ. (Всѣ, за исключеніемъ Веррики, низко кланяются Бирутѣ и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Бирута и Веррика.

Бирута. (Подходитъ къ окну, облокачивается на него и погружается въ думы).

Веррика. (Всматривается въ Бируту). Добрая княжна, бѣлая ты лилія!— тебѣ ли— теперь омрачать взоръ свой грустью и печалью?!... Тебѣ ли, розовой цвѣтокъ, вянуть по веснѣ?!... Ты скоро будешь нашей матушкой княгиней; нашей королевой.... Ты прислушайся: и озеро Гальва ласкается въ плескахъ волнъ своихъ у гранитнаго подножія твоего.

Бирута. Нѣтъ, Веррика! не ласки слышу я въ бушующихъ валахъ Гальвы, а слезы, плачь и вопль... Утромъ, когда я смотрѣла въ окно, то мнѣ казалось, что разъяренная Гальва хо-

---

(1) Веселыя пѣсни.

четъ поглотить меня на дно свое; что самъ Атримпосъ хочетъ моей смертью смыть позоръ княжескій.... Мнѣ казалось, что и птицы, летая надъ озеромъ, жалобно кричали о великомъ грѣхѣ Кейстутія.

Веррика. Добрая княжна! этотъ грѣхъ на князя, а не на тебя, и онъ выкупится отъ него богатыми жертвами...

Бирута. Онъ можетъ выкупиться только моей смертью.... Ахъ, Веррика! Веррика! Развѣ ты не знаешь, что клятву, данную богинѣ Прауримѣ, нарушить нельзя, что законъ нашъ велитъ наказывать смертью того, кто измѣняетъ святой Праурнмѣ?....

Веррика. Княжна прекрасная! О твоихъ добродѣтеляхъ, о о твоемъ радѣніи къ богамъ нашимъ слава прошла изъ конца въ конецъ Литвы.... Боги простятъ тебѣ твое невольное замужество съ княземъ Кейстутіемъ. Боги знаютъ, что ты одна будешь защитой нашей вѣры...

Бирута. Нѣтъ, Веррика, мнѣ женой Кейстутія быть нельзя... Слушай: Сегодня ночью святая Праурима явилась мнѣ во снѣ... Лицо ея было строго, въ рукахъ она держала зажженный свѣточь и со слезами на глазахъ сказала: „Бирута! посмотри, какъ чистъ огонь мой; ужели ты хочешь осквернить его? Ты клятвой обязалась служить мнѣ вѣчно и ты должна исполнить свой обѣтъ. Обманомъ, потихоньку въ будущую ночь выйди изъ своего покоя, сойди въ подземелье, гдѣ въ цѣпяхъ томятся три плѣнныхъ рыцаря, которыхъ князь Кейстутій повезетъ въ Ромнове для благодарственной жертвы, пусть всѣ трое кинутъ жребій кому быть освобожденнымъ и тотъ, на кого падетъ жребій, пусть сниметъ свою верхнюю одежду и отдастъ тебѣ, а ты отдай ему свою и пусть онъ идетъ куда хочетъ, а ты надѣнь его оковы, прикрой свое лицо и въ храмѣ Перкуна, когда привезутъ всѣхъ васъ, не дожидайся, когда будутъ раздѣвать тебя, а подойди къ пылающему жертвеннику, возми ножъ и заколи себя!... Я тебѣ въ этомъ буду помогать.“ Тутъ я проснулась и мнѣ чудилось, что чистая дѣва стояла возлѣ моего изголовья.

Веррика. (Благоговѣйно). Святые боги!...

Бирута. Веррика! ты хорошо знаешь, что противъ воли чистой дѣвы идти нельзя.... Помоги мнѣ, Веррика, сойдти въ подземелье....

Веррика. Да умудритъ тебя богиня Будте (*), но моя помощь безполезна...

Бирута. Веррика! ужели ты боишься гнѣва Кейстутіева и не боишься богини Праурімы?

Веррика. Нѣтъ, добрая княжна! я не боюсь гнѣва княжескаго, но чѣмъ же я могу помочь тебѣ?

Бирута. А вотъ слушай: сегодня ночью, какъ только мѣсяцъ засеребритъ пѣнистыя валы Гальвы, и въ замкѣ все погрузится въ крѣпкій сонъ; когда сторожевые оклики будутъ все рѣже и рѣже,— тогда сними свою одежду, я надѣну ее, а ты надѣнь мою.... Въ ночной темнотѣ не узнаютъ меня въ покояхъ княжескихъ, а ключи отъ подземелья я достану....

Веррика. Но завтра князь хватится тебя и на пыткѣ меня заставятъ сказать гдѣ ты.

Бирута. Мнѣ князь вчерась говорилъ, что завтра, съ первыми лучами восходящаго солнца, трехъ рыцарей плѣнныхъ повезетъ въ Вильну для благодарственной жертвы, а такъ рано онъ не придетъ ко мнѣ...

Веррика. Но въ подземелье тебя не пуститъ стража...

Бирута. А развѣ ты забыла слова святой дѣвы Праурімы: я буду помогать тебѣ въ этомъ?

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣже и **Княгиня.**

Княгиня. (Тихо входитъ. Видя, что ее не замѣчаютъ, она осторожно подходитъ къ столу и торопливо всыпаетъ изъ свертка что то бѣлое въ чашу стоявшую на столѣ. Въ сторону). Отрава всыпана; пусть выпьетъ красавица и мщеніе мое исполнится...

Веррика. (не замѣчая княгини). Добрая княжна! вѣдь грѣхъ твой съ тебя снимется старой княгине, первой женой Кейстутія; ее онъ хочетъ въ вайделотки на мѣсто тебя отослать...

Бирута. Такъ она жива?!.. она не умирала?.. Святые боги!!...

Княгиня. (Про себя). Смерти моей хочешь?!.. умрешь скорѣй сама и Кейстутій опять полюбитъ меня...

(*) Богиня мудрости.

Веррика. Жива... Нашъ князь тоже до времени заперъ ее въ подземелье...

Вирута. Несчастная княгиня!!... О Пеклосъ, Пеклосъ! умертви меня лютой смертью, я много бѣдъ причинила!...

Княгиня. (Про себя). Умрешь и безъ Чернобога (идетъ къ двери). Они не замѣтили меня, хвала богамъ нашимъ! И хитрить было не зачѣмъ (хочетъ уйдти).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже и **Кейстутъ.**

Кейстутъ. (Хватаетъ за руку княгиню). Стой, голубка!... Я знаю все.... Я видѣлъ все.... (общее движеніе). За чѣмъ ты здѣсь?...

Княгиня. (опускаясь на колѣна). Прости меня, король!.. я... я хотѣла взглянуть на новую твою княгиню...

Кейстутъ. Кто выпустилъ тебя изъ подземелья?

Княгиня. Не гнѣвись!... Молю сыномъ моимъ Патрикіемъ, не гнѣвись!... Меня выпустила стража...

Кейстутъ. Но не впуститъ и не выпуститъ она болѣе. Я тебя сейчасъ отправлю туда, гдѣ ни слезъ, ни змѣинаго лукавства не нужно... гдѣ червь обезобразитъ твой трупъ (подводя ее къ столу). Вотъ чаша, въ ней питье, приготовленное тобою для княгини Бируты (подаетъ княгинѣ), но я заставлю выпить тебя...

Княгиня. Король! (хватаетъ его за ноги).

Кейстутъ, Пей, княгиня! питье доброе, сама же ты подсластила его.... Что смотришь такъ злобно на меня?.. Я знаю, какъ ты вышла изъ подземелья, какъ пришла сюда, я смотрѣлъ изъ-за двери, какъ ты тихонько сыпала отраву въ чашу молодой княгини, я знаю гдѣ ты достала и отравы.... Тебѣ не по нраву пришлась свадьба моя съ молодой княгиней... Ну такъ отвѣдай же то, что ты сама приготовила....

Княгиня. Прости меня.... Прости меня, король, не забывай— у меня есть сынъ....

Кейстутъ. Онъ мой, хищная волчица!...

Бирута. Король! прости ей, она имѣетъ сына.

Кейстутъ. Нѣтъ, нѣтъ! я глухъ теперь ко всѣмъ мольбамъ.... Часъ ея насталъ.... Пей же, княгиня!...

Княгиня. Великій король, милый мужъ мой, зачѣмъ ты от-

вергнулъ меня бѣдную отъ своей груди; вѣдь у насъ есть сынъ?! (Рыдаетъ).

Кейстутъ. Пей же, злодѣйка!...

Княгиня. Выпью... выпью, господинъ мой; только позволь мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на моего бѣднаго сына Патрикія; позволь мнѣ прижать его къ своей груди и поцѣловать предъ смертью.... Вѣдь онъ сиротинкой останется!...

Бирута. Князь, смягчи свой гнѣвъ...

Кейстутъ. Мой гнѣвъ утихнетъ только лишь тогда, когда я увижу ея бездыханный трупъ... (подноситъ чашу).

Княгиня. Хоть изъ двери дай посмотрѣть на него... на моего прекраснаго юношу!... Сжалься надъ матерью!...

Кейстутъ. (Силою заставляетъ ее выпить). До дна пей, княгиня, умрешь безъ мученія.... Спасибо, выпила!... Веррика! выбрось эту чашу въ Гальву... (Отдаетъ чашу Веррикѣ).

Княгиня. (Выпивъ). И лютой звѣрь милосерднѣе тебя.... О, да будетъ проклятъ тотъ день, когда я увидѣла тебя, злодѣй... (къ Бирутѣ). Къ тебѣ... къ тебѣ обращаю моленья мои.... Прости меня!... Не оставь моего сына, моего Патрикія,... люби его какъ я люблю.... И пусть, когда надъ моей могилой выростетъ зеленая травка, мой сынъ придетъ туда... И если увидитъ въ рутяныхъ листочкахъ дрожащую росу, то скажи ему, что это слезы несчастной его матери.... Онъ поплачетъ обо мнѣ, а можетъ быть и отомститъ за раннюю смерть мою моему убійцѣ...... Охъ душно!.... Сынъ!.... Прощай..... А!... (Умираетъ).

(Конецъ шестой картины).

Картина седьмая.

Дѣйствіе происходитъ на могильномъ курганѣ Гедимина въ Вильнѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Великій князь Андрей Ольгердовичъ, князь Юрій и Странникъ.

В. к. Андрей Ольгердовичъ. (Первый входитъ на курганъ). Помяни, Господи, усопшаго раба Твоего.... здѣ лежащаго (крестится) въ царствіи Твоемъ!... (Странникъ и кн. Юрій, тоже крестятся). Отпусти ему слѣпоту поганскую и всѣ его прегрѣшенія и къ стаду Христову причти.... (становится на одно колѣно, подымаетъ глаза къ небу и тихо начинаетъ молиться; потомъ встаетъ, долго смотритъ въ землю и дѣлаетъ поклонъ). Здравствуй, желанный дѣдъ мой.... (обращается къ спутникамъ). Давно ужъ мнѣ не приходилось быть на могилѣ дѣдушки, почитай два года.... Чай сердится родимый?! (обращаясь къ землѣ). Не сердись, желанный, не сердись на меня! И на чужой сторонѣ, въ славномъ градѣ Псковѣ, я молился о спасеніи души твоей.... (Садится на землю). Присядемъ, бояре, поотдохнемъ маленько.... Вишъ какъ здѣсь все прекрасно — и для глазъ то, и для сердца!... Воздухъ чистый, благоуханный, поютъ птицы.... журчитъ дѣдушкинъ ручеекъ (1).... Старушка *Нерисъ* (2), словно голубая лента извивается въ берегахъ своихъ. Налѣво Вилейка струится.... Вонъ *гридня* княжеская, а вонъ и *Верки*, гдѣ мой прадѣдъ Витенесъ, въ орлиномъ гнѣздѣ, нашелъ Лиздейку.... А вонъ и поляна *Купалы*.... Внизу городъ; нашъ замокъ.... капище Перкуна.... Вонъ какъ блестятъ на Пятницкой и Никольской церквахъ золотые купола!... А вонъ

---

(1) Онъ протекаетъ между могильнымъ курганомъ и Бекетовой горой.

(2) Рѣка Вилія.

и твоя церковь, князь Юрій.... Покровская; только не горитъ.... Точно сиротинушка осталась, всѣ ее забыли, ветха стала и золото-видно сошло.... Коли Богъ дастъ благополучіе въ Полоцкѣ мнѣ,— возобновлю эту церковь, успокою прахъ бабушки Ольги.... (молча, смотритъ кругомъ себя). Вольно-хорошо здѣсь!... Кажись бы, вѣкъ свой сидѣлъ на этомъ мѣстѣ!... глядѣлъ да думалъ... думалъ да глядѣлъ!...

Странникъ. Восхваляющій дѣянія рукъ Божіихъ, восхваленъ будетъ и самъ.... Буди благословеніе Божіе надъ тобой, княже Андрее!...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Въ Псковѣ такихъ красивыхъ видовъ какъ здѣсь—нѣту.... (Помолчавъ). Ты, князь Юрій, опять къ отцу моему отъ дяди воеводой въ дружину перешелъ?...

К. Юрій. Перешелъ, великій князь.... Я не люблю сидѣть сложа руки, я свыкнулся съ ратными походами, люблю смотрѣть смерти безъ боязни прямо въ глаза.... Когда звучитъ труба, и Божій день темнѣетъ отъ пыли на бранномъ полѣ, когда мечи бренчатъ по желѣзной бронѣ и стоны раненныхъ сливаются съ крикомъ и воплемъ побѣжденныхъ,— вотъ тогда сладко бываетъ на сердцѣ у меня, а бражничать въ княжескихъ гридняхъ я не привыкъ.... Да, теперь князю Кейстутію некогда о ратныхъ походахъ думать; его сердце полонила княжна Бирута; скоро будетъ свадьба....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Да, скоро.... чрезъ недѣлю....

К. Юрій. Ну такъ вотъ самъ видишь, княже, гдѣжъ ему думать о врагахъ теперь?!.. А у твоего батюшки— князя я воленъ, хоть сейчасъ со сторожевымъ полкомъ отправиться къ синимъ водамъ....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Погоди, князь; вотъ отпируемъ свадьбу дядину, ну тогда дѣло я найду и для тебя.... Тебя, князь, во Псковѣ больно любятъ всѣ; по сердцу псковичамъ ты пришолся. Когда я собралъ всѣхъ псковичей на вѣче и молвилъ, что самому мнѣ не приходится княжить во Псковѣ,— въ Полоцкъ хочу, какъ велитъ отецъ мой, а на мѣсто свое пришлю воеводу... то сперва поднялся ропотъ; потомъ всѣ въ одно слово, точно сговорились— закричали: *„ужъ коли оставлять вмѣсто себя воеводу такъ оставляй князя Юрія Витовтовича, что былъ воеводой у твоего отца; онъ храбръ, добръ и богомоленъ и всегда потянетъ за святую Троицу, а подъ другимъ*

быть не хотимъ.... посылай къ намъ князя Юрія...." Вчерась, какъ только предсталъ я предъ очи своего родителя, князя Ольгерда, то сейчасъ же ему объ этомъ молвилъ, а онъ мнѣ отвѣчалъ: жаль мнѣ князя Юрія отпускать отъ себя!... онъ и такъ много порадѣлъ для меня и брата Кейстутія; но коли псковичи хотятъ, пускай его ѣдетъ намѣстникомъ.

К. Юрій. (кланяется). Много милостей твоихъ великій князь!... Но если ты ужъ задумалъ послать меня во Псковъ воеводой, то дозволь отправиться поскорѣе...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Нѣтъ, князь, пожди; сперва попируй на свадьбѣ....

К. Юрій. Не люблю я шумныхъ пировъ, душа къ нимъ не лежитъ... На многолюдномъ пиру я буду одинокъ....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Да дядя Кейстутій не пуститъ; ты вѣдь ему жизнь спасъ; въ плѣну изъ за нею сидѣлъ, такъ для тебя за княжескимъ столомъ почетное мѣсто готовятъ....

К. Юрій. Добрый князь, позволь лучше раньше свадьбы во Псковъ уѣхать... Коли заслужилъ милость, позволь....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Да что съ тобой князь? На лицѣ твоемъ я вижу грусть злодѣйку.... Аль можетъ тебя обошли чѣмъ нибудь?... Аль обидѣли?... Повѣдай мнѣ...

К. Юрій. Напрасно твое безпокойство, великій князь,— я всѣмъ доволенъ....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Отчегожъ эта кручина на твоемъ лицѣ?... за чѣмъ бѣжать ты хочешь изъ своей родины?

К. Юрій. Это такъ тебѣ кажется....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Сдается мнѣ, что не кажется.... Не хитри, князь! я вижу что у тебя на сердцѣ горе.... Лучше повѣдай мнѣ, какъ брату, свою кручинушку; можетъ, я и помогу тебѣ....

К. Юрій. Горя сердечнаго, слава Богу, у меня нѣтъ; а если лицо мое изнурено, то это отъ ранъ, еще не совсѣмъ заживших....

Странникъ. Не гожо тебѣ, князь Юрій, всуе призывать Бога.... Не гожо обманывать добраго и храбраго князя Андрея.... Скажи ему прямо про горе свое: какъ брату своему, онъ тебѣ худого не желаетъ..

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Не лукавь, князь Юрій....

Открой мнѣ всю душу свою, а я открою тебѣ братскія свои объятія....

К. Юрій. Нѣтъ, князь.... нѣтъ, нельзя мнѣ выдать тайну.... Правда, что у меня есть горе, и горе великое, но пусть оно лучше со мной въ сырую землю ляжетъ, чѣмъ будутъ про него знать другіе!...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Не бойся за тайну.... Не выдамъ ее....

К. Юрій. Нѣтъ, князь, уволь!..

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Клянусь костьми моего дѣда и моей покойной матушки Маріи, что твоя тайна умретъ со мной...

К. Юрій. За чѣмъ тебѣ знать мое горе; вѣдь не поможешь мнѣ....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Почемъ знать? можетъ и пригодимся.

К. Юрій. Нѣтъ, князь... И самъ твой осударь—батюшко мнѣ не поможетъ...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Неужели?!

К. Юрій. Видитъ Богъ, не вру.... Вотъ отъ того и рвется мое сердце на чужую сторону, отъ того то и хочется бѣжать изъ родимой земли; мнѣ тошно, мнѣ больно здѣсь; какъ полоумный сдѣлался я это время... Ни что меня не радуетъ, ни что не привлекаетъ... Тоска-злодѣйка охватила все мое сердце... и не даетъ покою ни днемъ ни темной ночью... Молитвой хотѣлось мнѣ исцѣлить сердечныя раны, но горе мое, кажись, сильнѣе, молитвы, оно вѣчно грызетъ меня, и я не могу молиться! (сквозь слезы). Пожалѣй меня, добрый князь! Я не витязь теперь, а хилой негодный старикъ.... Все во мнѣ теперь разбито, все разрушено.... Жизнь не мила мнѣ теперь.... Смерти, смерти хочется....

Странникъ. Слабодушный!... Забылъ ты, что сказалъ Христосъ Спаситель!?...

К. Юрій. Прости, отче... прости неразумному!.. Красна дѣвица изъ ума меня выжила... изсушила, загубила!... Господи прости меня!

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Кто же эта красна дѣвица?

К. Юрій. Нѣтъ, князь, имени ея я не назову, она и сама про мою кручинушку не провѣдаетъ... Я и то забылся..,. обмолвился....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Эхъ, князь Юрій! не пригоже такія рѣчи слушать отъ витязя... Да развѣ нѣтъ у тебя богатства, да развѣ ты не любимецъ осударя—батюшки.... Да только слово скажи ему, вмигъ повѣнчаетъ на какой хошь красавицѣ... Дозволь я замолвлю слово за тебя...

К. Юрій. Спасибо, господине княже!... Ни твое слово, ни воля осударя— батюшки, ни богатство, ни что тутъ не помогутъ, она невѣста другого.

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Гмъ!... Да развѣ нѣтъ у тебя друзей, развѣ нѣтъ коня и булатнаго меча, да я первый помогу тебѣ увезти ее изъ дому, а повѣнчаться можешь гдѣ хочешь....

К. Юрій. Незнашь ты кто она, такъ и говоришь; а какъ узнаешь, то самъ содрогнешься, да, пожалуй, и разсердишься на меня....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Роду вѣрно знатнаго?... Да вѣдь и ты не простого.... Ужъ не моя ли сестра?...

К. Юрій. Нѣтъ, господине княже!.... Моя голубка въ когтяхъ у орла....

Странникъ. Князь Андрей! я скажу за него, эта голубка княжна Бирута, а орелъ князь Кейстутій...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Вотъ кто!.... Да, ужъ изъ этихъ когтей не вырвешь ее!...

К. Юрій. Теперь, князь, ты вѣдаешь мое горе; молю тебя не говори ни кому о немъ, а отпусти скорѣй меня во Псковъ; тамъ, можетъ, забуду о княгинѣ Бирутѣ, а здѣсь оставаться дольше я не могу, это хуже пытки, хуже адскихъ мученій... Она какъ тѣнь меня преслѣдуетъ...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Какъ хочешь, князь; поѣзжай хоть завтра (вбѣгаетъ запыхавшись стольникъ).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣже и **Стольникъ.**

Стольникъ. (Обращается къ К. Юрію). Князь Юрій, тебѣ приказалъ великій нашъ князь Ольгердъ сходить въ долину рога, въ капище Перкуна и сказать князю Кейстутію, что бы плѣнныхъ не приносить въ жертву; это, дескать, не пригоже дѣлать тогда,

когда всѣ виленскіе христіане собираются по церквамъ и хотятъ пѣть побѣдные молебны и молиться за здоровье князя Кейстута (слышенъ звонъ колоколовъ). Вонъ ужъ и заблаговѣстили!...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Да развѣ не кому сходить опричь князя Юрія?..

Стольникъ. Осударь твой батюшко, молвилъ, что—де другого князь Кейстутій не послушаетъ, а князя Юрія онъ любитъ за спасеніе жизни....

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Пойдемъ, князь Юрій... Дорога-то одна... (къ стольнику). Давно ли дядя мой пріѣхалъ?...

Стольникъ. Сейчасъ только и въ княжескія хоромы не заходилъ.

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Что это съ отцомъ моимъ сдѣлалось! нѣмецкую погань, проклятыхъ враговъ нашихъ жалѣть вздумалъ...

Странникъ. Его объ этомъ умаливала великая княгиня, твоя осударыня-мачиха Ульянія Александровна...

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Добра не въ мѣру!..

Странникъ. Благослови ее Господь! (крестится). Хулить ее за добрыя дѣла грѣшно, она исполняетъ заповѣди Христовы.

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Да вѣдь латинцевъ то жалѣть не слѣдуетъ...

Странникъ. Богъ для всѣхъ христіанъ одинъ; если латинцы заблудились, они и въ отвѣтѣ будутъ... Священное писаніе учитъ насъ христіанскому незлобію и прощенію враговъ.

В. к. Андрей Ольгердовичъ. Тебя, старче, не переслушаешь; идемъ, князь Юрій (уходятъ).

Странникъ. (слѣдуя за ними). Благословенъ господь нашъ отнынѣ и довѣка!...

(Конецъ седьмой картины).

Картина восьмая.

Храмъ Перкуна въ Вильнѣ,— въ долинѣ Святаго Рога.

Внутренность капища,— безъ крыши, съ однимъ входомъ. На заднемъ планѣ помѣщается пьедесталъ изъ 12 ступеней, изъ коихъ каждая полъаршина вышиною и три аршина шириною, жертвенникъ (или алтарь) вышиною 3 аршина, а шириною 9 аршинъ (1). Противъ жертвенника горитъ неугасаемый *Зничъ*. Огонь пылаетъ во внутреннемъ углубленіи въ стѣнѣ, которое сдѣлано такъ искусно, что его не могутъ потушить ни вѣтеръ, ни дождь, а напротивъ увеличиваютъ пламя. На ступенькахъ обозначено теченіе луны. Идолъ бога *Перкуна* стоитъ близъ *Знича*. Направо и налѣво въ нишахъ помѣщены множество литовскихъ языческихъ божковъ и богинь, между которыми болѣе всѣхъ замѣтны *Атримпосъ и Пеклосъ.*

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Криве-Кривейто, Вайделотки, Вайделоты, Бурты, Буртиники (Буртиники держатъ въ рукахъ *Канклисъ* (2), а Бурты *Вождисъ и Туртукле*) (3).

Криве-Кривейто (4). (Стоитъ не пьедесталѣ предъ жертвенникомъ, обращается съ поклонами то къ пылающему *Зничу*, то къ *Перкунусу* и что то шепчетъ. Потомъ падаетъ ницъ, встаетъ и долго смотритъ на небо, послѣ чего обращается ко всѣмъ присутствующимъ). Внемлите, милыя дѣти мои, словамъ моимъ, ихъ я буду говорить по волѣ высочайго изъ высокихъ боговъ— надъ всѣми богами, властителя всего бѣлаго и черного свѣта, царя міра, отца *Прамжу!* (Всѣ падаютъ ницъ). Великъ грѣхъ Кунигаса (5) Кейстутія, но велики и жертвы его, и любовь къ нашимъ богамъ. Боги милостивы къ

---

(1) На сценѣ все это можетъ быть сдѣлано въ уменьшенномъ видѣ, но только непремѣнно въ указанномъ порядкѣ; такъ какъ размѣры и описаніе храма мной взяты изъ историческихъ документовъ, противъ которыхъ грѣшить нельзя. (Авт.)

(2) Разнаго рода свирѣли. (Авт.).

(3) Инстрименть въ родѣ арфы или гуслей. (Авт.).

(4) Криве-Кривейто— долженъ быть непремѣнно опоясанъ 49 разъ— вокругъ стана и на головѣ великій остроконечный колпакъ. (Авт.).

(5) Князя. (Авт.)

ленy, прощают ему... Пусть войдет и принесет очистительную жертву, тогда услышит слова богов наших.... Зовите его (Всѣ встают и два вайделота уходят за Кейстутом).

Криве-Кривейто. (Обращается к вайделоткам). А вы, дочери солнца! подложите топливо в огонь, которому вы вѣчно поклялись служить непорочно.... Воспойте ему лилованіе.... Сегодня у нас будут великія жертвы...

Вайделотки. (Берут из ниш топлива и подкладывают в *Знич*,—гнѣвают его щипчиками, 2 из них берут курильницы и положив из *Знича* в них огня кладут пахучую смолу и окуривают всѣх).

Хор Вайделоток.

Въ лучезарномъ сіяньи на небѣ
Красное солнце блеститъ

Бурты и Буртиники. (Одни играютъ, другіе поютъ).

Лило... лило... лило... ло-ло... ло-ло...
Лило, отецъ нашъ Зничъ!

Хоръ Вайделотокъ.

На землѣ же во храмѣ Перкуна
Зничъ ярко горитъ.

Вурты и Буртиники. (Одни играютъ, другіе поютъ).

Лило... лило... лило... ло-ло... ло-ло...
Лило, отецъ нашъ Зничь!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣже 2 **Вайделота и князь Кейстутъ, Григорій и слуги Кейстута съ дарами.** (Для жертвы).

Кейстутъ. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ пьедесталу). Криве-Кривейто! я побѣдилъ враговъ нашихъ, я показалъ нѣмцамъ, какъ сильны и могучи наши боги; я заплатилъ этимъ коршунамъ за осаду Пилоны. Теперь смиренно пришолъ я съ очистительными и благодарственными жертвами (обращаясь къ слугамъ). Подавайте ихъ къ жертвеннику.... (Слуги несутъ попарно разныя жертвы— изъ серебра, бронзы, мѣховъ, парчей, янтарю и проч. къ жертвенику).

Криве-Кривейто. (При пособіи нѣсколькихъ вайделотовъ, принимаетъ жертвы и кладетъ ихъ у ногъ *Перкуна*, потомъ обращается къ Кейстуту). Возлюбленный кунигасъ! Тебѣ я повѣдаю волю нашихъ боговъ, (Кейстутъ и всѣ присутствующіе преклоняютъ колѣна). Твои благодарствен-

ныя и очистительныя жертвы боги милостиво принимають.... Ты вѣрный поклонникъ нашихъ боговъ,— крѣпкая твердыня нашей вѣры, славный нашъ кунигасъ Кейстутій; ты вѣрно исполнилъ завѣтъ *Вайделута* и его брата *Брутена*, ратную добычу ты раздѣлилъ пополамъ съ богами нашими.... Но у тебя много плѣнныхъ рыцарей,— скверныхъ нѣмцевъ,— боги требуютъ въ жертву двухъ изъ нихъ....

Кейстутъ. Криве-Кривейто!.. Я привезъ съ собой трехъ латинскихъ поганцевъ, принеси изъ нихъ по одному, Перкуну, Атримпосу и Пеклосу (къ Григорію русину)· Ступай! введи со стражей сюда трехъ бѣлыхъ ястребовъ къ красными крестами. (Григорій неохотно повинуется и уходитъ, что то ворча про себя).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣже безъ **Григорія-Русина.**

Криве-Кривейто. Велика любовь твоя къ богамъ нашимъ, велики жертвы твои, но и великъ грѣхъ твой, нашъ славный Кунигасъ!... Ты первый нарушилъ завѣтъ нашихъ дѣдовъ, перешагнулъ чрезъ порогъ храма непорочной Прауримы и силою увлекъ изъ него вайделотку-Бируту; ты самъ знашь, чего достоинъ за свой поступокъ....

Кейстутъ. Криве-Кривейто!... Я не могъ не согрѣшить; это предопредѣленіе отца *Прамжимаса*....

Криве-Кривейто. О, великій кунигасъ земли литовской,— гроза для всѣхъ сосѣдей нашихъ! Развѣ я не знаю, что этотъ грѣхъ сотворилъ ты но волѣ *Прамжимаса?*... Знаю и то, что всякій грѣхъ очищается огнемъ. По нашему завѣту, тебя должно бы сжечь на кострѣ, вмѣстѣ съ Бирутой, но боги наши милостиво прощяютъ тебя и разрѣшаютъ взять въ жены свои Бируту.... Только Перкунусъ требуетъ за это отъ тебя, что бы ты не дозволялъ русинамъ христіанамъ больше строитъ церкви здѣсь и уничтожать наши храмы и святыя рощи....

Кейстутъ. (Встаетъ). Отецъ мой! это не въ моей власти; тутъ княжитъ, какъ самъ вѣдаешь, братъ мой Ольгердъ.

Криве-Кривейто. Боги требуютъ, что бы ты заставилъ Ольгерда сдѣлать это...

Кейстутъ. Нѣтъ, мой отецъ! я сдѣлать этого не въ силѣ... Не мнѣ неразумному, вразумлять мудраго моего брата Ольгерда...

Онъ не послушаетъ меня... Да и языкъ бы не поворотился промолвить слово объ этомъ. Братъ Ольгердъ и я родились отъ матери христіанки.... Не говоримъ мнѣ болѣе о русинахъ.... Завѣтъ, какъ видишь, самъ я исполняю свято (слышенъ звонъ колоколовъ въ отдаленіи). Ты слышишь гулъ христіанскихъ колоколовъ?!.. Не тревожъ же костей моей покойной матери!...

Криве-Кривейто. Пусть будетъ по твоему хотѣнію, великій кунигасъ; но только обрати свой взоръ на другую поганскую вѣру, которая съ огнемъ и мечемъ врывается въ Литву, но находитъ отпоръ въ вѣрныхъ нашихъ жмудинахъ; эта вѣра ненавистна жмудинамъ, литовцамъ и даже христіанамъ русинамъ. Безъ огня, безъ крови, она свободно ворвалась въ Вильну, и укоренилась въ домѣ Гаштольда.... О, великій кунигасъ! Ужели ты допустишь свить у насъ гнѣздо хищнымъ ястребамъ?!.. Ужели кровь пролитая на бранныхъ поляхъ и кости нашихъ дѣдовъ, отцовъ и дѣтей нашихъ не требуютъ мщенія проклятымъ латинцамъ—грабителямъ?!... Подумай, великій кунигасъ!...

Кейстутъ. Не печалься, Криве-Кривейто о Гаштольдѣ! примѣру его никто не слѣдуетъ, жители Вильны съ ожесточеніемъ смотрятъ на домъ Гаштольда, онибъ и праху его неоставили, колибъ не былъ Гаштольдъ знатнымъ и любимымъ бояриномъ у брата Ольгерда.... Пускай себѣ молится съ женой да съ своими монахами.... Въ вѣру его ни кто не переходилъ и не перейдетъ....

Криве-Кривейто. Ко мнѣ два раза приходили жители Вильны, почитай все христіане-русины,— съ угрозами и съ великимъ воплемъ говорили мнѣ: „Ты господине, лѣтъ пятнадцать тому назадъ вытребовалъ сперва двухъ, а потомъ одного литовскихъ бояръ царедворцевъ, принявшихъ наше православіе и лютой смертью замучилъ ихъ; для чего же теперь ты не требуешъ у Ольгерда боярина Гаштольда,— принявшаго латинскую вѣру?..." И много и долго они издѣвались надъ моимъ безсиліемъ; были и такіе, которые на мѣсто *Ромнове*, гдѣ горитъ неугасаемый *Зничь*, плевали, бросали каменьями и сквернословили нашихъ боговъ.... Твой братъ, великій кунигасъ Ольгердъ все видѣлъ это изъ верхняго замка и глухъ былъ ко мнѣ и къ моимъ посланцамъ....

Кейстутъ. Не мнѣ быть учителемъ Ольгерда.... Его удѣлъ, его и воля,...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣже, **Григорій-Русинъ 3 тевтоньскихъ рыцаря,— со связанными руками, и много дружинниковъ к. Кейстута.**

Кейстутъ. А вотъ и кровавыя жертвы.... Начинай, отецъ святой завѣтъ нашъ...

Криве-Кривейто. (обращаясь къ вайделотамъ). Впустить *вуршайтосовъ* (*) (два вайделота уходятъ).

Кейстутъ. (къ рыцарямъ). Ну, храбрые на словахъ витязи! молите вашихъ боговъ о замогильной жизни, земная же жизнь ваша приходитъ къ самому концу.... Часъ вашей смерти насталъ, вы будете благодарственной бранной жертвой богамъ нашимъ.... Умирайте же какъ подобаетъ умирать ратнымъ людямъ...

1-й Рыцарь. Княже! мы плѣнники твои, и ты съ нами можешь дѣлать, что захочешь; но вѣдь и ты былъ плѣнникомъ у насъ, тебя тоже взяли съ ратнаго поля; но мы съ тобой такъ не обходились и не поступали.... Смертью мы тебѣ не грозили....

Кейстутъ. Еще бы смертью начали грозить!... Я кунигасъ удѣльный, я былъ страшенъ вамъ.... За смерть мою русины, литвины и жмудины по вѣтру развѣяли бы всѣ ваши твердыни, рѣки и ручьи наполнились бы не водой, но вашей кровью....

1-й Рыцарь. Насъ ничто не страшитъ.... Не боязнь заставляетъ такъ поступать съ плѣнниками и узниками, но христіанское милосердіе....

Кейстутъ. Хорошо ваше христіанское милосердіе!... Вы огнемъ и мечемъ навязываете вашу вѣру, а кто не принимаетъ и упорствуетъ, того вы топите въ рѣкѣ, какъ кошку, какъ собаку; гдѣжъ ваша христіанская любовь къ ближнему?... Гдѣ ваше христіанское милосердіе?... Я самъ не хуже васъ вѣдаю христіанское правило.... У меня мать была христіанка....

1-й Рыцарь. Колижъ тебя вскормила и взлѣяла мать христіанка, зачѣмъ же ты не бросишь до сихъ поръ свое языческое поганство?...

Кейстутъ. Не хищному ястребу судить о полетѣ орла...

1-й Рыцарь. Но вѣдь и орелъ питается тѣмъ же чѣмъ и

(*) Заклатели или рѣзуны. Они рѣзали людей, которыхъ приносили потомъ въ жертву. (Авт.).

ястребъ.... вѣдь и орелъ, слетая съ поднебесья на землю, также уноситъ свою добычу въ гнѣздо свое....

Кейстутъ. Полно тебѣ, рыцарь, говорить по пустому.... Приготовь лучше себя и своихъ товарищей къ смерти....

1-й Рыцарь. Мы хоть сейчасъ готовы умереть за вѣру Христову...

Кейстутъ. И говорить этого не смѣй!... За вѣру Христову я не приносилъ ни кого въ жертву и не принесу.... Я приношу васъ въ благодарность богамъ нашимъ за мою побѣду...

2-й Рыцарь. (опускаясь на колѣна). Тѣнью матери твоей христіанки, молимъ тебя: смилуйся надъ нами, мы еще молоды и жить хотимъ, намъ рано умирать!... Дозволь лучше служить твоими дружинниками, мы будемъ вѣрные слуги твои...

Кейстутъ. Нѣтъ... Нѣтъ!.. Вы должны умереть сейчасъ!..

Криве-Кривейто. Да, сейчасъ; того требуютъ боги...

2-й Рыцарь. (сквозь слезы). Я свою латинскую вѣру перемѣню на вѣру покойной матери твоей, только не убивай меня...

Кейстутъ. Трусъ подлый!...

1-й Рыцарь. Прости ему, княже, за его малодушество; онъ еще недавно оставилъ отеческій домъ.... Но онъ умретъ вмѣстѣ съ нами....

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣже, **2 вайделота и 4 вуршайтоса.**

Кейстутъ. (Къ рыцарямъ). Обрядъ жертвенный сейчасъ начнется....

1-й Рыцарь. Позволь намъ помолиться, княже!

Кейстутъ. Молитесь!

1-й Рыцарь. (обращается къ 2-му). Умирай какъ слѣдуетъ умирать Христовымъ рыцарямъ. Молись и вѣруй, что Господь ожидаетъ насъ въ горнемъ Сіонѣ...

2-й Рыцарь. (Въ изнеможеніи). Милый отецъ мой, дорогая мать моя!!.. Прощайте на вѣки!... О, мой Господь!... Мой Господь!...

1-й Рыцарь. Молись несчастный!...

2-й Рыцарь. (Указывая на 3 го рыцаря, у котораго все это время лицо было закрыто). За чѣмъ эта женщина не замѣнила меня, а другаго?!. Я бы теперь бѣжалъ въ родную землю....

1-й Рыцарь. Молчи, болтунъ! Князь узнаетъ тайну, а мы поклялись крестомъ сдержать ее и должны.... Она женщина, и то не трусить смерти.... Смотри на нее и мужайся!...

Криве-Кривейто. (Къ жрецамъ). Подложите на жертвенникъ дровъ, зажигайте костры священные и начинайте лилованіе (Вайделоты приносятъ дрова и на жертвенникѣ дѣлаютъ костеръ. Вуршайтосы подвязываются бѣлыми поясами, кладутъ на свои головы дубовые вѣнки и берутъ жертвенные топоры). Теперь подойдите сюда, дѣти мои, я окроплю васъ водой небесной. (Всѣ жрецы и жрицы подходятъ, онъ окропляетъ всѣхъ ихъ водой изъ большаго вызолоченнаго кувшина, дубовой вѣткой, потомъ обращается къ Перкунусу). Великій богъ земли и неба! Въ честь тебѣ сейчасъ польется кровь христіанская, упейся ею и умилостивись!...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣже **и Гаштольдъ.**

Гаштольдъ. (Поспѣшно обращается къ Кейстуту). Грозный кунигасъ земли литовской! Тебя молю я на колѣнахъ (становится на колѣна) не приноси кровавой человѣческой жертвы!...

Кейстутъ. Уйди съ глазъ моихъ, проклятый отступникъ отъ вѣры отцовъ своихъ!... Я знаю, кто послалъ тебя просить меня... Эхъ, бояринъ! Не пригоже тебѣ плясать подъ женскую туртуклэ.... Ступай къ своимъ францисканамъ и молись съ ними о спасеніи душъ трехъ рыцарей....

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣже **и кн. Юрій.**

К. Юрій (Подходитъ къ Кейстуту и дѣлаетъ ему поклонъ). Челомъ тебѣ бью, великій князь Кейстутій!... Твой братъ, а мой король Ольгердъ послалъ меня къ милости твоей. Онъ поручилъ сказать тебѣ, что по всѣмъ церквамъ въ Вильнѣ, служатъ христіане православные побѣдные молебны и молятся о твоемъ здоровьѣ; такъ ради этого умилостивись и не приноси полоненныхъ рыцарей на жертву....

Кейстутъ. Князь Юрій! на это я отвѣчу тебѣ такъ: ты много сдѣлалъ для меня, я не успѣлъ какъ слѣдуетъ поблагодарить тебя....

К. Юрій. (Кланяясь). Не чинися, великій князь!

Кейстутъ. Прошу же тебя, князь Юрій, ко мнѣ, на свадебный пиръ за нашъ княжескій столъ.... А съ братомъ Ольгердомъ я самъ послѣ кровавыхъ жертвъ увижусь.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже **и гонецъ.**

Гонецъ. (Подходитъ къ Кейстуту). Великій нашъ король, бѣда случилась... Великая бѣда!

Кейстутъ. Ну, говори, какая?

Гонецъ. Княжна Вирута убѣжала....

Кейстутъ. Какъ?...

Гонецъ. Не вѣдаю; ни кто не вѣдаетъ.... Тіунъ допрашивалъ на пыткѣ Веррику, она тоже не знаетъ, куда дѣвалась княжна, несвязно говорила что то о богини Праурииѣ... Но понять нельзя было...

Кейстутъ. Погоня послана тіуномъ?

Гонецъ. Во всѣ концы...

Кейстутъ. Скачи опять въ Троки!.. Всю стражу, которая стояла въ эту ночь, утопить въ Гальвѣ до моего пріѣзда... Я скоро буду самъ, и я самъ погоню поведу (смотритъ на Юрія). Я знаю, гдѣ она должна скрываться... Я знаю этого князя, которому свадьба моя не по сердцу приходится!... Не даромъ онъ въ дружину къ брату перешелъ... Князь Юрій, повѣдай лучше прямо безъ обмана, гдѣ княжна Вирута, а не то ужъ не гнѣвись.... Я придумаю тебѣ такую казнь, которая неизвѣстна и самому Войшелгу (1)...

К. Юрій. Видитъ Богъ, великій князь, я ни чего не знаю...

Кейстутъ. Не то ты послѣ заговоришь, князь Юрій... (къ своимъ латникамъ). Схватите и закуйте въ цѣпи доблестнаго князя Юрія, да за крѣпкой сторожей везите въ Троки (къ гонцу); а ты скачи впередъ, и вели тіуну приготовить ремни съ гвоздями

---

(1) До принятія христіанства, Войшелъ изумлялъ своимъ звѣрствомъ и казнями. (Авт.).

да колесо железное... Берите же князя! (латники Кейстута, обезоруживают князя Юрія и надѣваютъ цѣпи). Увидимъ, князь Юрій, кто кого перехитритъ!

3-й Рыцарь. (Подходитъ къ Кейстуту, сбрасываетъ съ себя покрывало). Здѣсь твоя Бирута... Предъ жертвеннымъ костромъ...

Кейстутъ. (Пораженный). Какъ?...

Бирута. О, кровожадный Лютосъ! И ты еще хочешь, что бы я была женой твоей!... Такъ знай же, что въ побѣгѣ моемъ виновна только одна святая богиня Праурима, надъ которой твоя власть ничтожна и безсильна, ея же могуча и непобѣдима.... За чѣмъ же ты безвинныхъ обижаешь?... Бей челомъ теперь князю Юрію, твоему спасителю, безъ котораго ты тлѣлъ бы въ землѣ поганской и котораго отблагодарилъ ты такъ покняжески!.. Проси, что бы онъ простилъ тебѣ твое звѣрство.... Въ твоихъ глазахъ огонь и кровь; я вижу что мои слова не по сердцу пришлись... Но гнѣва твоего я не боюсь теперь.... Здѣсь мѣсто молитвы и покоя... (Обращается къ Криве-Кривейту). По велѣнію святой дѣвы Праурима, я замѣнила рыцаря и обрекла себя на жертву въ честь ея.... къ тебѣ я обращаюсь, святой отецъ, избавъ меня отъ когтей Лютоса; я вайделотка, но кунигасъ Кейстутій нарушилъ завѣтъ святой дѣвы и силою увезъ меня изъ храма Праурима, силой же хочетъ заставить меня быть его женой... Вели же ты своимъ Вуршайтосамъ заклать меня скорѣй и бросить на костеръ (преклоняетъ колѣна). Пусть желаніе богини Праурима исполнится... Пусть грѣхъ Кейстутіевъ очистится моимъ сожженіемъ...

Криве-Кривейто. Нѣтъ, добрая княжна! тебя сожечь нельзя теперь... Боги умилостивались надъ кунигасомъ Кейстутіемъ и измѣнили свое рѣшеніе... Они повелѣваютъ тебѣ быть женой трокскаго короля Кейстутія и вмѣстѣ съ нимъ ограждать нашу вѣру отъ христіанскихъ гоненій....

(Конецъ 8-й картины и 4-го дѣйствія).

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ВОЛЫНИ.

Наставника церковно приходскаго училища и его учениковъ къ редакціи „Вѣстника западной Россіи“ (1).

Имѣя настольной книгой всѣми многоуважаемый журналъ и съ каждой страницей его просвѣтляя взглядъ на родную страну, я не могу не заявить предъ его редакціей моей искренней благодарности за столь безцѣнный подарокъ странѣ вообще и сельскому наставнику вчастности.

Казалось, дѣло сельскаго наставника малозначуще, а между тѣмъ, онъ то и учитъ исторіи своей страны тѣхъ, дѣды коихъ лили моря крови и пота за Русь святую, за Русь православную,— учитъ, подъ—руководствомъ книгъ, кои, обильнѣйшими матеріалами своими, служатъ ему и лучшимъ подспорьемъ, и самою безпристрастною оцѣнкой отъ важнѣйшихъ до самыхъ мслчайшихъ событій страны.

Дѣло незначуще—сельскіе ученики, а между тѣмъ, зная свою исторію, они-то и будутъ тѣми вѣрными сынами святой Руси-тѣми храбрыми защитниками нераздѣльности ея, тѣми руководителями темной братіи своей, кои не пощадятъ, когда потребуется. ни крови, ни жертвъ на защиту Царя, Отечества и св. Православія, Неважное, казалось, было дѣло и слушанье самимъ наставникомъ ихъ, еще на школьной скамьѣ, уроковъ—о преданности вѣрѣ православной и патріотизмѣ, у одного изъ дѣятелей Вѣстника, а между тѣмъ, стократно благодаря учившаго, сѣмена его произрастили уже, на дѣвственной почвѣ небывалыхъ дотолѣ питомцевъ, плоды, коими не разъ доволенъ былъ общій намъ Отецъ—Государь.

Зная высокія чувства этого наставника, я вижу слезу восторга на его, должно быть, уже довольно немолодомъ лицѣ, при взглядѣ на шрифтъ и при чтеніи мыслей и чувствъ къ себѣ, этихъ питомцевъ, еще такъ недавно не могшихъ мыслить о себѣ самихъ, а теперь, подъ руководствомъ бывшаго его питомца, гото-

(1) Мы не смѣли оскробить своимъ отказомъ подписашихъ это искреннее заявленіе о нашемъ дѣланіи на пользу общую, и требующихъ помѣщенія этого отзыва на страпицахъ «Вѣстника».

Ред.

выхъ выступить надежными руководителями своей братіи. И кто же, послѣ этого, опредѣлитъ размѣры житницы, въ которую будутъ вноситься жатвенные плоды будущихъ лѣтъ! Вотъ что значитъ, посѣявъ съ желаньемъ прекраснымъ, поддерживать посѣянное поливаньемъ и уходомъ,—вотъ что значитъ издавать журналъ во благо братіи!

Ученики:

Безцѣнные дѣятели Вѣстника западной Россіи!

Благодаримъ васъ отъ всего сердца за ваше изданіе. Мы въ немъ находимъ повѣсть о томъ, что вытерпѣли наши дѣды и отцы отъ поляковъ. Мы изъ него научаемся, какъ поступать, чтобъ они не сбили насъ съ дороги православно-русской. Когда выростемъ, то будемъ преданнѣйшими дѣтьми Царя—Батюшки и православной матушки—Россіи.

Ибо мы видимъ, какъ много—милосердъ къ намъ Господь и какъ заботится о насъ Государь! А обо всемъ этомъ мы наибольше читаемъ въ вашемъ славномъ журналѣ. Пишемъ сами и благодаримъ Господа, что Онъ просвѣтилъ наши темныя очи.

Волынской губерніи, Кременецкаго уѣзда, села Решневки священникъ и наставникъ сельскаго училища Стефанъ Барановскій, его ученики: Θедоръ Хрипливый, Григорій Варваринъ, Исидоръ Косякъ, Иванъ Магеровъ, Филиппъ Зубовъ, Александръ Ковальчуковъ, Андрей Лучиновъ, Степанъ Валишинъ, Емиліанъ Бойкій, Григорій Шульгаевъ, Θедоръ Гакалъ, Иванъ Мельниковъ, Семенъ Костянковъ, Иванъ Зарубинъ, Василій Ломовъ, съ прочими, еще не пишущими: Иваномъ Нагорнымъ, Михайломъ Бойкимъ, Иваномъ Муриномъ, Иваномъ Буксой, Θедоромъ Надкреничнымъ, Николаемъ Сапожниковымъ, Игнатіемъ Школьникомъ, Леонтіемъ Бойкимъ, Константиномъ Присяжнымъ.

25-го МАЯ, ВЪ ПАРИЖѢ.

Когда солнце русское уклонялось на западъ, сердце наше сжалось отъ невѣдомаго дотолѣ ощущенія. Наше солнце уже закатилось за кругозоръ неизмѣримой Россіи, а мы, подобно солнечнику, все еще обращали свою мысль и чувство на западъ. По всѣмъ соображеніямъ и выкладкамъ ума человѣческаго, нашему Солнцу предстояло величественное теченіе, никакая тучка не

должна бы, казалось, заслонять лучей Его отъ тѣхъ счастливцевъ, на которыхъ падалъ ихъ свѣтъ и теплота, намъ должно бы радоваться если не за себя, то за другихъ; между тѣмъ сердце наше давила тоска невыносимая: оно чуяло то, чего не могъ предугадать разумъ,—оно страдало, въ одно и тоже время, отъ грусти, зависти, гордости, сиротства, одиночества, беззащитности, или точнѣе— отъ нераздѣльной смѣси всѣхъ этихъ ощущеній, составлявшихъ одно, невыразимо болѣзненное, ощущеніе. Бывали минуты, когда, среди этого душевнаго хаоса, возникало въ сознаніи опредѣленное опасеніе того, что случилось. Положа руку на сердце, говоримъ, что это не фразы, а подлинный анализъ нашей душевной тревоги, наша исповѣдь предъ Богомъ и людьми. Такъ, Промыслу угодно приподнимать иногда для любящей души завѣсу будущаго, за которою скрывается опасность, приближающаяся къ любимому существу.

И вотъ, темное дотолѣ — объяснилось, опасеніе оправдалось въ булонскомъ лѣсу,—этомъ свидѣтелѣ непрерывныхъ выстрѣлов: и пырковъ кинжаломъ изъ-за дерева,— 25-го мая раздался тотъ выстрѣлъ, который ошеломилъ полміра, который былъ устремленъ на жизнь достойную безсмертія, на сердце лучшее во вселенной, на помазанника Божія, ущедреннаго всѣми дарами природы и благодати, влекущаго къ себѣ сердца всѣхъ друзей истиннаго прогресса и человѣчества. Откуда-жъ могъ быть пущенъ выстрѣлъ въ такого Царя, въ такого человѣка? Само-собою, изъ того враждебнаго намъ латино-польскаго лагеря, изъ котораго летятъ на насъ выстрѣлы четыре вѣка, и который примирится съ нами только тогда, когда перестанетъ быть *латино-польскимъ*. 20-лѣтній полякъ Березовскій пустилъ *изъ этого лагеря* выстрѣлъ,— для котораго нѣтъ эпитета, — въ нашего безцѣннаго Царя-Батюшку. Правда, онъ былъ пущенъ въ группу, онъ мѣтилъ разомъ и въ Россію и въ Францію; но, по собственному признанію злодѣя, прямая его мишень была грудь русскаго Императора. „Судьба государей въ рукѣ Промысла Божія,“ сказалъ спокойно нашъ Монархъ, послѣ гнуснаго покушенія на Его жизнь,—и мы за Нимъ, съ вѣрой и благоговѣніемъ, повторимъ эти незабвенныя слова и перекрестимся....

Извергъ, по донесенію дополнительной депеши, „обнаруживаетъ признаки фанатизма.“ Да, безъ фанатизма религіознаго

ли (1), политическаго ли, или того и другаго вмѣстѣ, нельзя стрѣлять въ нашего Государя. Это даже не простой фанатизмъ, а крайнее его проявленіе. Такая или другая степень его обусловливается темпераментомъ человѣка, воспитаніемъ, силою возбужденія, развитіемъ и настроеніемъ душевныхъ способностей, внѣшними препятствіями и проч. На низходящихъ отъ цареубійства ступеняхъ своихъ, этотъ фанатизмъ проявляется въ рѣзнѣ сонныхъ русскихъ воиновъ, въ періодическихъ поголовныхъ возмущеніяхъ противъ лучшаго въ мірѣ правительства, въ пыткахъ и вѣшаньи плѣнныхъ героевъ русскихъ, въ разнообразномъ душегубствѣ вѣрныхъ долгу и присягѣ православныхъ священниковъ и другихъ безоружныхъ, мирныхъ, лучшихъ гражданъ, въ метаморфозѣ служителей алтаря Христова въ разбойниковъ, храмовъ Божіихъ,—въ мѣсто сборища бунтовщиковъ, въ арсеналъ и фабрику боевыхъ припасовъ. На слѣдующихъ ступеняхъ тотъ же фанатизмъ проявляется въ составленіи повсемѣстныхъ революціонныхъ комитетовъ, въ самыхъ безумныхъ лжахъ и клеветахъ на Россію, въ возбужденіи противъ нея общественнаго мнѣнія Европы, въ составленіи польскихъ вспомогательныхъ корпусовъ и отрядовъ — всякій разъ, когда только у Россіи является врагъ внѣшній, въ собираніи денегъ для слѣдующихъ бунтовъ, въ командировкѣ эмиссаровъ въ Россію и Царство Польское. Еще ступенью ниже, и тотъ же фанатизмъ проявляется въ разныхъ демонстраціяхъ: въ выѣздѣ фанатиковъ изъ мѣста, гдѣ имѣла случиться ужасная катастрофа, куда имѣлъ прибыть Вѣнценосецъ, котораго не хотѣлось видѣть, — въ пораженіи слуха самаго дорогаго и самаго *нежданнаго* Гостя Франціи кликами: „да здравствуетъ Польша,“ раздававшимися даже въ судебной палатѣ (2), которую угодно было этому гостю осчастливить своимъ вниманіемъ. Не можемъ же, въ самомъ дѣлѣ, допустить мы, чтобы такимъ угощеніемъ встрѣчала нашего Государя та нація, которая пользуется репутаціей самой вѣжливой въ мірѣ націи. На самой низкой и самой *безопасной* ступени своего проявленія, тотъ же

(1) *Цареубійца* оказывается весьма ревностнымъ и набожнымъ *римскимъ*—католикомъ. *(Веч. Г.).*

(2) Замѣчательно, что большинство присяжныхъ признало кричавшихъ неподлежащими дисциплинарному взысканію и даже сдѣлала выговоръ газетѣ, допускавшей возможность подобнаго взысканія. (Сѣв. Поч. и друг. газ.).

фанатизмъ обнаруживается въ благоразумномъ молчаніи,— не далекомъ, впрочемъ, отъ краснорѣчиваго согласія,— или даже въ болѣе еще благоразумныхъ увѣреніяхъ — въ преданности, протестаніяхъ противъ неудавшейся попытки (1), въ адресахъ и проч. Не всегда же, въ самомъ дѣлѣ, бываетъ удобно и безопасно молчаніе!... Мы выражались исторически вѣрно. Говоримъ *исторически*, потому что прошедшее есть почва, на которой сѣется настоящее, дающее плодъ свой въ будущемъ. Тотъ, кто хочетъ судить о настоящемъ и будущемъ безъ отношенія его къ прошедшему, сѣетъ безъ почвы, строитъ на воздухѣ.

Степень фанатизма, на которой стоитъ панъ Березовскій, особенно сказалась въ его показаніяхъ. Этотъ *невинный* юноша *ex*-кинжальщикъ стоитъ совершенно одинокимъ въ польской *справѣ*, онъ отливаетъ пули (не въ переносномъ ли значеніи этой фразы?), слѣдовательно обзаводится нужной для того машинкой, вмѣстѣ того, чтобы просто перемѣнить ихъ въ той же лавкѣ на другія; онъ, бѣдняжка, не имѣлъ даже оружія, тогда какъ единственная принадлежность польскаго эмигранта есть всеоружіе; онъ хотѣлъ стрѣлять безъ пистолета (sic!) въ русскаго Императора возлѣ театра; онъ боялся, чтобъ его не растерзалъ народъ, а не боялся висѣлицы (странный вкусъ!) и проч. Всѣ *почти* (2) показанія цареубійцы носятъ очевидные признаки *сочиненія*, всѣ онѣ стоятъ въ полной гармоніи съ характеромъ истаго фанатика. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, говорить истину, открывать сотрудниковъ, когда все

---

(1) Въ большинствѣ протестовъ выражается сожалѣніе, что выстрѣлъ могъ попасть въ Наполеона. Между подписавшими протесты есть имена жандармовъ-вѣшателей и арестованныхъ по указанію Березовскаго. Красные патріоты и органы, въ свою очередь, протестовали противъ этихъ протестовъ и адресовъ.

(2) Это слово исключаетъ показанія о происхожденіи (и то не вполнѣ), соприкосновенность къ бунту, эмиграцію, родъ занятій и только; далѣе начинается *сочиненіе*. Если бы воскресъ графъ Муравьевъ и произвелъ *надлежащій* анализъ факта, обслѣдованіе его явилось бы совсѣмъ въ иномъ видѣ. Могутъ ли выдать соучастниковъ злодѣя сподвижники польскихъ бунтовщиковъ, судьи, оскорбившіе лучшаго гостя Франціи грубыми, въ пользу Польши, демонстраціями,— нація, въ которой получаютъ выслужившіе въ бунтахъ противъ Россіи пенсію польскіе бѣглецы? И честь, и долгъ гостепріимства, и симпатія къ Польшѣ, должны поставить Березовскаго злодѣемъ *одинокимъ*, пожалуй, сумасшедшимъ.

равно нужно умереть (а, может быть, и не умереть) *однажды*, когда ложь и скрытность не поведутъ къ двойной смерти,—между тѣмъ сулятъ воображенію фанатика ореолъ „*офяры*,“ *мученической* кончины, а современемъ и виднаго мѣста въ святцахъ. Кто этого не видитъ! „Independance Belge“ идетъ далѣе насъ; онаго воритъ: нѣкоторые изъ лицъ, бросившихся на преступника, дѣлали только видъ, будто бы они желаютъ наносить ему удары, и что, въ сущности дѣла, они желали оттереть злодѣя отъ полиціантовъ и доставить ему возможность скрыться (1) въ толпѣ.“ Газета прямо говоритъ, что „показанія преступника не вполнѣ (наше — *почти*) справедливы, и что у него были сообщники. Таже газета говоритъ, что „нѣсколько убійцъ стояли въ различныхъ пунктахъ, что толпа загромоздила ту улицу, чрезъ которую должна была ѣхать коляска императоровъ, такъ что она по необходимости свернула на другую дорогу.“ Мы не имѣемъ никакого основанія отрицать показанія одного изъ правдивѣйшихъ и всезнающихъ органовъ Европы,—особенно послѣ выходки и показаній пана Кнолля, нашедшаго полезнымъ прикинуться сумасшедшимъ, послѣ ареста 8 пановъ по поводу покушенія на жизнь нашего Государя, послѣ криковъ на улицахъ и не на улицахъ (2): да здравствуетъ Польша, послѣ подачи просьбы военному министру Франціи поляками, воспитанниками сенъ-сирской школы — „*не присутствовать на смотрѣ войскъ 25 мая*,“ послѣ того какъ газета „France“ напечатала: „свидѣтели—очевидцы утверждаютъ, что Березовскій (вопреки его показанію) неподвижно ждалъ на мѣстѣ преступленія проѣзда экипажа, что заставляетъ предполагать, что у него были сообщники,“ послѣ протеста г. Пельтана „противъ уничтоженія Польши,“ послѣ краснорѣчиваго молчанія въ законодательномъ корпусѣ лѣвой стороны, при заявленіи президентомъ его Шнейдеромъ негодованія къ поступку злодѣя,— вызвавшемъ сочувствіе благонамѣренныхъ членовъ этой корпораціи, послѣ ареста въ 4 ложахъ оперы нѣсколькихъ лицъ съ зараженными пистолетами, послѣ отмѣны прогулки въ Фонтенеблоскомъ лѣсу. (Бирж. Вѣд. № 159), и проч. (3).

---

(1) Онъ и скрылся-бъ, если-бъ не упалъ отъ истеченія крови: онъ имѣлъ для того около 20 минутъ.

(2) Напр., въ судебной палатѣ.

(3) Данныя этой статьи не простираются далѣе 10-го іюня, по нашему стилю. Мы увѣрены, что дальнѣйшее разслѣдованіе по-

Такъ вотъ образчикъ польской благодарности за милость русскаго Монарха,—вотъ поучительный отвѣтъ на указъ 17-го мая,—вотъ новое подтвержденіе польскаго афоризма: „якъ святъ святом (до скончанія міра)', такъ полякъ москалеви не бендзіе братемъ!“

Русская Вильна праздновала другой разъ явленное Провидѣніемъ надъ Повелителемъ Россіи чудо-спасенія отъ пули злодѣя, какъ подобаетъ *русской* Вильнѣ. Перо наше слишкомъ слабо для обрисовки ея негодованія и восторга, слившихся въ одно чувство, одинъ гулъ народныхъ массъ, одну соборную, задушевную, благодарственную молитву къ Богу. Не смотря на грозную борьбу стихій, храмъ Св. Духа переполнился „возрадовавшимися спасенію Цареву,“ до невозможности пробиться хоть въ паперть. Огромныя массы народа, подъ завываніями бури, подъ потопомъ дождя, стояли и молились внѣ храма. Небо видимо оплакивало гнуснѣйшее изъ злодѣяній человѣческихъ и салютовало нашему „многолѣтію“ своими оглушительными громами, будто изрекавшими свое негодованіе злодѣю и замѣнявшими салюты менѣе грозные, торжественные, болѣе земляные, глухіе и привычные. Среди насъ молилась и та, незабвенный супругъ которой сдѣлалъ Вильну *русскою*. Ея имя извѣстно и безъ названія его.

Послѣ богослуженія всѣ чины военные и гражданскіе и депутація отъ еврейскаго общества отправились къ его сіятельству, г. главному начальнику края и повергла чрезъ него къ престолу обожаемаго Монарха свои вѣрноподданнѣйшія чувства. Телеграммы, отправленныя по этому случаю графомъ Эдуардомъ Трофимовичемъ къ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и отвѣты на нихъ Ихъ Величествъ, извѣстны всѣмъ изъ русскихъ газетъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

полнитъ настоящіе пробѣлы; а если не пополнитъ, то, конечно, по причинамъ, указаннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Эти данныя заимствованны нами *буквально* изъ газетъ по 10 іюня.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ ВИЛЬНѢ.

ВИЛЬНА, 11—13 ІЮНЯ.

Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Вильну въ воскресенье, ровно въ 12 часовъ ночи. Вильна встрѣтила Его Величество съ восторгомъ, съ энтузіазмомъ.

На станціи виленской желѣзной дороги Его Величество былъ встрѣченъ помощникомъ командующаго войсками, виленскимъ губернаторомъ, генералитетомъ, начальниками отдѣльныхъ частей и множествомъ другихъ лицъ обоего пола. Милостиво поздоровавшись, Его Величество изволилъ сѣсть съ главнымъ начальникомъ края въ коляску и отправился черезъ Острыя ворота по Нѣмецкой улицѣ во дворецъ. Тысячи народа окружали станцію желѣзной дороги. Едва Государь Императоръ показался на крыльцѣ, какъ раздалось громкое ура! или точнѣе неумолкаемый гулъ неумолкаемыхъ голосовъ, несшійся по всей Вильнѣ и смѣшавшійся съ звономъ колоколовъ, вдругъ раздавшимся на всѣхъ колокольняхъ православныхъ церквей. Вильна горѣла милліонами огней: такого освѣщенія и такого убранства домовъ зеленью, цвѣтами, флагами, коврами и т. п. мы еще здѣсь и не видали. По словамъ лицъ, находящихся въ свитѣ Его Величества, виленская иллюминація блескомъ и изяществомъ превзошла варшавскую. Ни съ чѣмъ не льзя было сравнить того вида, который представляла со станціи Вильна, лежащая въ долинѣ и горящая огнями. Путь Государя отъ станціи желѣзной дороги до города освѣщался бенгальскими огнями. Тѣснота и давка на улицахъ достигли такой степени, что не только ѣхать, но и пройдти по нимъ почти не было возможности; небольшее пространство отъ станціи желѣзной дороги до дворца мы, напримѣръ, шли болѣе часу. На площади передъ дворцомъ и на Дворцовой улицѣ народъ толпился до бѣлаго дня и разошелся уже въ 3-мъ часу утра.

Въ 7 часовъ утра на обширномъ дворѣ генералъ-губернаторскаго дома собралась депутація отъ крестьянъ всей Виленской губерніи, при которой находились предсѣдатели мировыхъ съѣз-

довъ и всѣ мировые посредники губерніи. Государь Императоръ уже изволилъ прогуливаться, по своему обыкновенію, одинъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ дворцоваго сада.

Число собравшихся крестьянъ простиралось до 400 человѣкъ, сверхъ ста учениковъ изъ народныхъ училищъ, которые тутъ же находились. Крестьяне стояли полукругомъ отъ крыльца, по которому долженъ былъ шествовать Его Величество, вплоть до рѣшетки сада, гдѣ уже былъ готовъ Царскій экипажъ. Государь вышелъ къ депутаціи, сопровождаемый главнымъ начальникомъ края. Милостиво принявъ хлѣбъ-соль, поднесенную Ему старшиною недавно обратившейся въ православіе волости, Его Величество изволилъ обойдти ряды крестьянъ и удостоилъ нѣкоторыхъ вопросами о мѣстѣ ихъ жительства. Громкое ура! было отвѣтомъ на милостивый привѣтъ Государя. Затѣмъ Его Величество изволилъ сѣсть съ начальникомъ края въ коляску и, сопровождаемый громкими кликами народа и бѣжавшими за экипажемъ крестьянами, по улицамъ Дворцовой, Ивановской и Большой, отправился въ Св. Духовскій монастырь. Здѣсь встрѣтилъ Государя преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, съ городскимъ духовенствомъ. Послѣ краткаго молитвословія, Государь Императоръ поклонился мощамъ виленскихъ мучениковъ и по той же Большой улицѣ изволилъ направить свой путь къ Александровской часовнѣ. Проѣзжая мимо римско-католическаго каѳедральнаго собора, Государь изволилъ останавливаться подлѣ него (не выходя, впрочемъ, изъ экипажа), встрѣченный здѣсь р. католическимъ духовенствомъ. Его Величество съ особеннымъ вниманіемъ изволилъ осматривать часовню, сооруженную на Георгіевской площади въ память жертвъ послѣдняго польскаго мятежа. Государь любовался изяществомъ какъ внутренней ея отдѣлки, такъ и внѣшнимъ видомъ. Обходя часовню, Его Величество изволилъ долго останавливаться передъ мраморными досками, на которыхъ начертаны имена убитыхъ во время мятежа русскихъ героевъ. На Георгіевской площади Государь сѣлъ въ дорожную коляску и изволилъ отправиться на парадъ 27 пѣхотной дивизіи и драгунскихъ полковъ 7-й кавалерійской дивизіи. Парадомъ Его Величество остался доволенъ до такой степени, что изволилъ сказать командовавшему парадомъ генералу Криднеру, что не знаетъ, какой части отдать преимущество: „всѣ части отличны", добавилъ милостиво Государь. „Затѣмъ, обратясь къ его сіятельству, главному начальнику края и вмѣстѣ съ тѣмъ командующему войсками виленскаго военнаго округа, Государь Императоръ изволилъ сказать: „Благодарю и за вчерашній пріемъ и за сегоднѣшній смотръ." Милостивыя слова Государя привели въ восхищеніе всѣхъ. Толпы народа, между которыми было много русскихъ дамъ и всего болѣе евреевъ, и на смотру и всюду, громкими восторженными криками встрѣчали и сопровождали Государя. Въ два часа по полудни Его Величество изволилъ отправиться

для осмотра возобновленныхъ и возобновляемыхъ древнихъ православныхъ храмовъ Вильны.

Осмотръ церквей Государь Императоръ началъ съ Пятницкой, древнѣйшей, почти готовой къ освященію. Здѣсь соборный священникъ о. Антоній Пщолко объяснялъ Его Величеству исторію храма. Обойдя вокругъ церкви и читая надписи, Государь изволилъ спрашивать, куда дѣвались шведскія знамена, подаренныя ей нѣкогда Петромъ Великимъ? Св. Пщолко отвѣчалъ Его Величеству, что онѣ были переданы кн. Чарторыйскимъ Троицкому монастырю (тогда уніятскому) и за тѣмъ, послѣ обращенія послѣдняго въ православный, неизвѣстно куда дѣвались. Въ Николаевской церкви Государь Императоръ былъ встрѣченъ съ крестомъ священникомъ Левицкимъ, поднесшимъ Его Величеству печатный экземпляръ рѣчи, сказанной о. Левицкимъ при освященіи этой церкви въ ноябрѣ прошлаго года. Государь милостиво принялъ приношеніе. Затѣмъ Его Величество изволилъ посѣтить Николаевскій, нынѣ возобновляемый, каѳедральный соборъ. Здѣсь Государь изволилъ своеручно вложить въ стѣну заранѣе приготовленную мраморную доску, на которой золотыми буквами было написано время посѣщенія храма Его Величествомъ. Доска тутъ же, въ присутствіи Государя, была задѣлана архитекторомъ Чагинымъ. Величественные размѣры храма и превосходныя царскія врата обратили на себя особенное вниманіе Его Величества; Государь удостоилъ при семъ милостиваго одобренія художника Соколова, производившаго чеканную работу. Изъ собора Его Величество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ сиротскій домъ „Іисусъ Младенецъ", учрежденіе, бывшее прежде разсадникомъ латинскаго прозелитизма и польскаго пролетаріата, теперь же переформированное въ ремесленное, гдѣ воспитанники обучаются разнымъ ремесламъ. Въ этомъ пріютѣ Государь былъ встрѣченъ священникомъ и хоромъ воспитанниковъ, пропѣвшихъ пѣснь „Спаси, Господи, люди твоя!" Пѣніе воспитанниковъ заслужило благосклонное одобреніе Его Величества. Государь осматривалъ пріютъ во всей подробности, У подъѣзда Маріинскаго дѣвичьяго монастыря, усыпаннаго цвѣтами, Государь былъ встрѣченъ со крестомъ архимандритомъ Іосифомъ, въ присутствіи преосвященнаго Александра, многихъ изъ лицъ духовенства, игуменіи и монахинь. Выслушавъ въ малой церкви краткое молитвословіе и пѣніе инокинь церковной пѣсни „Спаси, Господи, люди твоя", Его Императорское Величество, предшествуемый игуменіею, осмотрѣли большую строющуюся церковь, келіи и столовую. Игуменія Флавіана имѣла счастіе поднести Государю прекрасно написанную икону Маріи Магдалины. Не возможно было выразить восторга нашихъ монахинь прибывшихъ сюда изъ внутренней Россіи и впервые здѣсь увидѣвшихъ русскаго Царя: въ одной изъ нихъ восторженное чувство выразилось громкими рыданіями. Посѣщеніемъ еще неотдѣланнаго даже вчернѣ Пречистенскаго ми-

трополитальнаго собора Государь Императоръ закончилъ Свое обозрѣніе виленскихъ святынь. Узнавъ отъ академика Рязанова, что для окончательной отдѣлки этого храма потребуется пе менѣе 57 тысячъ рублей, Государь Императоръ изволилъ приказать его сіятельству главному начальнику края снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ отпускѣ сей суммы. Такое Высочайшее вниманіе къ знаменитѣйшему памятнику православія въ Вильнѣ, наиболѣе пострадавшему отъ фанатизма, привело въ восторгъ всѣхъ русскихъ людей, сопровождавшихъ Государя при осмотрѣ церквей. Во время этого осмотра, Государя Императора сопровождали, между прочими, архитекторы Рязановъ и Чагинъ, а также множество русскихъ дамъ. Въ пять часовъ по полудни у Его Величества былъ назначенъ обѣденный столъ, на который приглашены г. главный начальникъ края, генералы и начальники отдѣльныхъ воинскихъ частей.

Обѣденный столъ у Государя былъ приготовленъ на сто кувертовъ. Кромѣ лицъ, названныхъ нами прежде, удостоились приглашенія: преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, губернаторы и губернскіе предводители дворянства, прибывшіе въ Вильну по случаю Государева пріѣзда. Изъ мѣстнаго дворянства былъ почтенъ приглашеніемъ графъ Тышкевичъ, старый воинъ, герой Аустерлица: въ своемъ конно-гвардейскомъ мундирѣ маститый герой, во время самаго разгара послѣдняго мятежа, неустрашимо ходилъ по улицамъ Вильны и вразумлялъ безумцевъ. Передъ обѣдомъ Его Императорское Величество удостоилъ особенно милостивымъ вниманіемъ преосвященнаго Александра, епископа ковенскаго, викарія литовской епархіи. Послѣ обѣда Государь выходилъ на балконъ, привѣтствуемый толпами народа, окружавшими дворецъ. Остальную часть дня Его Величество изволилъ пробыть въ занимаемыхъ имъ покояхъ, въ обществѣ лицъ, составляющихъ Его свиту, и главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. Вечеромъ,— но сказать, что вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ слишкомъ недостаточно. Вильна во всемъ оригинальный городъ; виленскія улицы, конечно, самыя узкія во всей Россіи; небольшее освѣщеніе ихъ дѣлаетъ уже большой эффектъ; что же сказать объ иллюминаціяхъ, дѣйствительно, великолѣпныхъ! Вильна славится своими окрестностями,-- выраженіе опять несовсѣмъ точное. Вильну можно уподобить большой чашѣ, дно которой будетъ городъ, а окраины— обступившія его горы, въ которыя упираются многія улицы. На одной изъ такихъ горъ, розвалины замка Гедимина, почему она и называется Замковой. Виленскія горы, освѣщенныя бенгальскимъ огнемъ, даютъ ни съ чѣмъ несравнимый видъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ Замковая гора изображала православный храмъ. Изъ улицъ эффектнѣе другихъ высматривала Нѣмецкая, убранная зажженными люстрами, развѣшенными поперекъ ея, отъ одного дома къ другому. Газовые солнца, государственные гербы, вензелевыя изображенія именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ во множествѣ сіяли на

каждой изъ трехъ главныхъ улицъ необширной Вильны— Благовѣщенской, Большой и Нѣмецкой. До самаго свѣта по улицамъ города не было возможности ни пройдти, ни проѣхать.

13-го Іюня Государь Императоръ изволилъ осчастливить пріемомъ мировыя учрежденія, собранныя въ комнатахъ дворца. Члены виленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, всѣ предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ и находящіеся въ Вильнѣ служащіе въ тѣхъ же должностяхъ изъ другихъ губерній, равно состоящіе по крестьянскому дѣлу при главномъ начальникѣ края, были поименно представлены Его Величеству. Государь милостиво изволилъ спрашивать нѣкоторыхъ изъ нихъ о прежней службѣ; затѣмъ, обратясь ко всѣмъ, произнесъ: «Благодарю васъ, господа, за вашу полезную службу; продолжайте ее съ прежнимъ усердіемъ; увѣренъ, что вы будете дѣйствовать съ полнымъ безпристрастіемъ.» Затѣмъ Государь вышелъ къ собравшимся на дворѣ дворца крестьянамъ Виленской губерніи, которые имѣли счастіе быть допущенными наканунѣ къ поднесенію Его Величству хлѣба-соли, и обратившись къ стоявшимъ въ главѣ ихъ мировымъ посредникамъ губерніи милостиво изволилъ благодарить ихъ за полезную дѣятельность и выразить увѣренность въ ревніи, усердіи и безпристрастіи ихъ и на будущее время, что вызвало громкія выраженія готовности съ душевной преданностью исполнять священную волю обожаемаго Монарха.

Затѣмъ на восторженные клики крестьянъ Государь, обратившись къ нимъ, изволилъ спросить, нѣтъ ли между ними принявшихъ православіе? Подошедшимъ къ Нему присоединеннымъ и столпившимся около Его Особы крестьянамъ, Государю угодно было сказать слѣдующія слова: «Очень радъ васъ видѣть православными; увѣренъ, что вы перешли въ древнюю вѣру края съ убѣжденіевъ и искренно; знайте, что разъ принявшимъ православіе Я ни подъ какимъ видомъ не позволю и недопущу возвратиться въ католичество; знайте это и скажите это отъ Меня всѣмъ своимъ; слышите ли? Повторяю, радъ васъ видѣть православными.» Глубокое впечатлѣніе произвели сіи многозначительныя слова на присутствовавшихъ и долгіе, неумолкаемые крики «ура» сопровождали Монарха при выѣздѣ Его на ученье ожидавшихъ Его въ лагерѣ войскъ. Государь остался доволенъ войсками не менѣе вчерашняго. Его Величество нѣсколько разъ благодарилъ гг. генераловъ, въ особенности генерала Курдюмова, и вообще начальниковъ частей. Особеннымъ милостивымъ Своимъ одобреніемъ Государь удостоилъ драгунскіе полки 7-й кавалерійской дивизіи. Возвратившись со смотра въ 12 часовъ дня, Его Величество посѣтилъ виленскую публичную библіотеку. Г. главный начальникъ края обратилъ здѣсь вниманіе Государя Императора, на достопримѣчательности библіотеки. Государь обошелъ читальную залу и съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ рисунки, разложенные по большому столу. Его Величество обратилъ осо-

бое внимание на прекрасную работу сихъ рисунковъ. Въ складѣ, находящемся при читальнѣ, Его Императорское Величество обратилъ вниманіе на лежащія на столѣ старопечатныя книги, о которыхъ изволилъ спрашивать у завѣдующаго библіотекой. Осмотромъ библіотеки Государь остался очень доволенъ и при уходѣ изволилъ сказать: «хорошо, благодарю.»

Въ часъ по полудни Его Величество осчастливилъ Своимъ посѣщеніемъ нашего маститаго архипастыря, высоко-преосвященнаго митрополита Іосифа, тяжкіе недуги котораго лишили возможности встрѣтить Государя. Отъ митрополита Государь Императоръ отправился въ православную литовскую семинарію, находящуюся во дворѣ Троицкаго монастыря. Государь предварительно зашелъ въ монастырскую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ со св. крестомъ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Іосифомъ, поднесшимъ Августѣйшему Посѣтелю икону Христа Спасителя. Въ сопровожденіи преосвященнаго Александра и ректора, Государь Императоръ отправился затѣмъ въ зданіе семинаріи. Войдя въ залъ общаго собранія воспитанниковъ Его Императорское Величество изволилъ сказать: «надѣюсь, что вы будете стараться прилежно учиться и, кончивши курсъ наукъ, будете дѣятелями соотвѣтственно своему назначенію и долгу, и такимъ образомъ оправдаете Наши надежды.» На эти отеческія слова со стороны воспитанниковъ послышалось: «ради стараться Ваше Императорское Величество!» Вслѣдъ за тѣмъ воспитанники пропѣли гимнъ «славься»; Государь нашелъ пѣніе отличнымъ и замѣтилъ обиліе хорошихъ голосовъ. Въ Семинаріи Государь осмотрѣлъ весь третій этажъ, а на возвратномъ пути изволилъ заходить въ залъ для занятій учениковъ высшаго отдѣленія, въ библіотеку и въ столовую, гдѣ изволилъ попробовать семинарскія кушанья. Въ женскомъ училищѣ для дѣвицъ духовнаго званія Государь былъ встрѣченъ пѣніемъ ученицами народнаго гимна. По желанію Государя воспитанницы пропѣли Херувимскую пѣснь и имѣли счастіе заслужить Его благодарность. Изъ этото училища Государь отправился въ больницу «Савичъ», гдѣ обошелъ всѣ камеры и изволилъ замѣтить, что хотя помѣщеніе тѣсно, но содержаніе отлично.

Въ женской гимназіи Государь Императоръ былъ встрѣченъ у входа директоромъ ея г. Виноградовымъ и главною надзирательницей г-жею Воинской. Воспитанницы гимназіи, при входѣ Государя, въ залѣ, гдѣ онѣ были собраны, встрѣтили Его Величество пѣніемъ народнаго гимна, по окончаніи котораго три ученицы младшихъ классовъ поднесли Ему по букету цвѣтовъ. Государь Императоръ милостиво обращался къ нѣкоторымъ воспитанницамъ и изволилъ спрашивать ихъ фамиліи. Выслушавъ пѣніе «хора Русалокъ», Государь изволилъ спросить директора, поютъ ли воспитанницы церковныя пѣсни? По полученіи утвердительнаго отвѣта, Его Величество пожелалъ слышать пѣніе, и хоромъ всѣхъ воспитанницъ былъ исполненъ концертъ «Коль сла-

венъ Господь нашъ въ Сіонѣ.» Государь, похваливъ пѣніе, милостиво простился съ ученицами, провожавшими Его до подъѣзда, и изволилъ выразить Свою благодарность начальству женской гимназіи.

Изъ женской гимназіи Его Величество отправился въ военный госпиталь, гдѣ изволилъ найдти все въ отличномъ порядкѣ и остался отмѣнно довольнымъ помѣщеніемъ больныхъ въ большихъ палатахъ. Къ обѣденному столу Государя Императора удостоились приглашенія: г. главный начальникъ края, виленскій губернаторъ и начальники дивизій. Отъѣздъ Его Величества былъ назначенъ въ 7 часовъ вечера. Съ пяти часовъ уже началось особенное движеніе въ городѣ: одни спѣшили ко дворцу, другіе на станцію желѣзной дороги. Государя Императора, сверхъ обычнаго конвоя, сопровождали всѣ офицеры драгунскихъ полковъ, собранныхъ въ Вильнѣ: верхами, многочисленнѣйшая толпа, въ числѣ которой были замѣтны крестьяне, окружала станцію. Вокзалъ и платформа были переполнены военными и гражданскими чинами, множествомъ неслужащихъ лицъ и дамами. Государь видимо былъ тронутъ. Сѣвши въ вагонъ съ главнымъ начальникомъ края, Его Величество долго и привѣтливо раскланивался со стоящими на платформѣ, сопровождавшими отъѣздъ Его прощальнымъ ура, длившимся до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не скрылся изъ глазъ. По отъѣздѣ Государя, всѣ отправились въ Св. Духовскій монастырь, гдѣ преосвященнымъ Александромъ былъ отслуженъ соборнѣ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ путешествіи Его Императорскаго Величества.

Успѣхи православія въ Сѣверо-Западной Россіи.

(Извлечено изъ протокола 27 засѣданія виленскаго Св. Духовскаго братства, 13 февраля сего 1867 года).

Съ нѣкотораго времени въ совѣтъ Свято-Духовскаго братства, имѣющаго цѣлію «служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви въ Сѣверо-Западной Россіи (уставъ ст. II)», въ усиленныхъ размѣрахъ стали вступать заявленія о помощи отъ тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, которые въ послѣдніе годы возсоединились съ православною церковью, при содѣйствіи дружныхъ и согласныхъ усилій духовенства и ближайшей къ крестьянамъ администраціи.

Братство, въ заботѣ объ исполненіи принятыхъ имъ на себя, съ разрѣшенія правительства, обязанностей, посильно удовлетворяя тѣ нужды, о коихъ въ частности ему было заявляемо, просило членовъ своихъ, имѣющихъ возможность непосредственно соприкасаться съ народною жизнію въ деревнѣ и въ городѣ, доставить по возможности подробныя свѣдѣнія о причинахъ усилившихся просьбъ о помощи.

Общая черта дѣла, выяснившаяся изъ полученныхъ свѣдѣній, свидѣтельствуетъ о томъ, что вслѣдствіе поспѣшности при возсоединеніи крестьянъ, число коихъ во время общаго движенія далеко превосходило физическія силы дѣятелей священниковъ, нынѣ, съ большинствомъ населенія римскаго исповѣданія, остаются въ латинскомъ обрядѣ много мужчинъ и въ особенности женщинъ въ семьяхъ, давшихъ только подписки о своемъ присоединеніи: и такимъ образомъ, при враждебности къ православію, искуственно вызванной у крестьянъ врагами православнаго русскаго дѣла, вновь возсоединенные поставлены между двухъ огней: между женскимъ населеніемъ въ семьяхъ и большинствомъ своихъ, остающихся въ латинствѣ, односельцевъ.

Совѣтъ братства, посвятивъ разсужденію о дѣлѣ семъ три засѣданія: 31 января, 6 и 13 февраля, насколько позволила кратность времени, успѣлъ собрать свѣдѣнія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

Дѣло возвращенія русскихъ крестьянъ изъ латино-польскаго обряда къ вѣрѣ предковъ ихъ приняло во всемъ краѣ широкіе размѣры въ 1865 и 1866 годахъ, именно когда осуществились для нихъ блага законной свободы и законнаго пользованія землею, дарованныя имъ Всемилостивѣйшимъ Монархомъ, изрекшимъ въ достопамятномъ манифестѣ своемъ многознаменательныя слова: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ!...» Признательность къ Царю-Освободителю, Царю Православному, послужила, при разумномъ содѣйствіи мѣстныхъ дѣятелей, первымъ двигателемъ бѣднаго люда, чуждаго языку богослуженія въ костелахъ, непріязненнаго землевладѣльцамъ, въ большинствѣ коихъ крестьяне видѣли мятежниковъ, противящихся прирожденному, православному своему Государю; недавнихъ притѣснителей своихъ, которые, вмѣстѣ съ римскимъ духовенствомъ, воспитали ихъ въ грубомъ невѣдѣніи Бога, даже хуже, *въ превратныхъ понятіяхъ о священнѣйшихъ предметахъ вѣры и объ обязанностяхъ, какъ вѣрноподданныхъ.*

Мысль о возвращеніи или вступленіи въ православную церковь отождествлялась въ глазахъ народа, чуждаго догматическихъ тонкостей, съ мыслію о вступленіи въ общерусскую семью, подъ сѣнь одного общаго русскаго царя и отторженія отъ мятежнаго шляхетства. Просвѣщенный помѣщикъ, возсоединившійся съ православною церковью, опредѣлилъ это движеніе, назвавъ его.... *разрывомъ разъ навсегда связи съ Варшавой и Римомъ.*

Пріемы, употреблявшіеся для убѣжденія крестьянъ, отличались кротостію и простотою: священники внушали имъ великое лишеніе, которое испытываютъ они, не причащаясь въ костелѣ крови Христовой; отсутствіе причащенія для дѣтей, въ большинствѣ умирающихъ безъ сего священнаго таинства искупленія, запрещеніе читать священное писаніе, изъ коего люди могли бы увѣдать истину. Гражданскіе дѣятели указывали на враждебную царю проповѣдь въ костелѣ и на участіе ксендзовъ въ мятежѣ; на общепонятный языкъ богослуженія въ православной церкви; на нравственность семейнаго начала въ жизни у священниковъ; на весь складъ русской православной жизни, гдѣ церковь, царь и народъ составляютъ одно неразрывное цѣлое. На практикѣ, дѣятели съ любовію входили въ домы крестьянъ, принимали участіе въ ихъ семейныхъ радостяхъ и печаляхъ, участвовали съ ними въ качествѣ свидѣтелей въ торжествѣ присоединенія къ православной церкви, въ торжествѣ ихъ браковъ и причащенія дѣтей въ храмѣ Божіемъ. При объѣздѣ деревень, входили въ домы православныхъ крестьянъ, и очевидно избѣгали общенія съ упорными сторонниками костела, ксендзовъ и ополяченныхъ помѣщиковъ. Большинство же послѣднихъ, уличенное въ прямомъ или косвенномъ участіи въ мятежѣ, въ единственной заботѣ о самосохраненіи, молчало, и притихло предъ органами русской правды, на дѣлѣ показавшими на чьей сторонѣ истина и сила.

Движеніе началось. Къ естественному движенію пришла на помощь система правительственныхъ поощреній—въ видѣ усиленія благосостоянія православныхъ священниковъ, надѣленія безземельныхъ крестьянъ государственныхъ имуществъ участками, денежныхъ пособій нуждающимся, внимательнѣйшаго участія къ справедливому отправленію ими рекрутской и другихъ повинностей, развитія народнаго образованія, пріуроченія училищъ и волостныхъ правленій къ православнымъ приходскимъ храмамъ, созиданія и обновленія церквей, снабженія ихъ предметами богослуженія и средствами торжественнаго отправленія таковаго; завелись хоры пѣвчихъ изъ крестьянъ, образовались изъ нихъ чтецы въ церковь; принялся народъ усваивать русскіе обычаи, отпускать бороды, шить общерусскую одежду, пѣть великорусскія пѣсни....

Вотъ истинное и правдивое свидѣтельство православнаго виленскаго Свято-Духовскаго братства, состоящаго изъ людей видѣвшихъ дѣло, знающихъ о томъ какіе: значеніе и характеръ имѣло движеніе русскихъ крестьянъ въ Сѣверо-Западной Россіи къ исконной ихъ русской, православной вѣрѣ.

Конечно, при большомъ числѣ ревнителей этого дѣла, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ пяти губерній, разрозненныхъ между собою разстояніемъ и не соединенныхъ, въ дѣлѣ столь святомъ какъ вѣрованіе, ни единствомъ въ убѣжденіяхъ, ни единымъ руководящимъ направленіемъ, не могло обойтись безъ

частныхъ ошибокъ, безъ частныхъ уклоненій отъ строгой чистоты въ дѣйствіяхъ, но, конечно, уклоненія эти не были ни особенно рѣзки, ни вредны. Но за движеніемъ этимъ нельзя не признать великой нравственной силы, если оно успѣло увлечь въ потокъ свой изъ среды римскихъ ксендзовъ и образованнаго дворянства личности подобныя О. Іоанну Стрѣлецкому, Козловскому, Князьямъ Друцкому-Любецкому, Радзивиллу, Огинскому, Войниловичу, Деснотъ-Зеновичу.

По самому свойству почвы, на которой происходитъ здѣсь много-вѣковая борьба, въ коей православіе отстаиваетъ свою самостоятельность отъ наступаній латинства на духовный и гражданскій строй нашего отечества, каждое поступательное или обратное движеніе одной изъ сторонъ имѣетъ, само въ себѣ и по отношенію къ Россіи, важное политическое значеніе.

Ополяченный новогрудскій шляхтичъ, вѣщій поэтъ поляковъ, Адамъ Мицкевичъ сказалъ: «Что же это за страшная сила, которая подняла народъ польскій, двинула его на русскія земли, и за Днѣпръ отбросила русскую народность? Это *колосальное могущество костела*, который принялъ подъ свое покровительство польское дѣло, и польское дѣло сдѣлалъ своимъ собствннымъ дѣломъ.»

Дѣйствительно, и исторія прошедшаго, и опытъ настоящаго убѣдительно показываютъ, что польское дѣло въ Россіи питается и поддерживается латино-польскимъ костеломъ. Русскій народъ, которому въ здѣшней сторонѣ было навязано римское католичество, воспріялъ его отъ поляковъ, и полякующими былъ въономъ поддерживаемъ; потому, исповѣдуя римскій догматъ, принадлежа къ римскому обряду, здѣшній крестьянинъ совершенно вѣрно называетъ себя полякомъ; и онъ считаетъ, и будетъ себя считать таковымъ, пока будетъ принадлежать къ римскому обряду.

Обратное движеніе опредѣляется слѣдующими явленіями.

Простой здѣшній людъ не отрѣшился еще отъ повсемѣстнаго въ странѣ сей охвата польскаго и враждебнаго православію духа; онъ не совсѣмъ еще окрѣпъ, чтобы уклониться отъ вліянія происковъ злонамѣренныхъ ксендзовъ и приверженныхъ имъ односельцевъ своихъ. Присоединеніе къ церкви массами уже нѣсколько мѣсяцевъ остановилось. Многіе изъ присоединенныхъ отказываются отъ обязательствъ своихъ въ присоединеніи. Нѣкоторыя не присоединенныя жены православныхъ мужей везутъ дѣтей своихъ въ Вильну, чтобы крестить ихъ по римскому обряду. Особенно поджигаютъ народъ отставные солдаты изъ римскихъ католиковъ, убѣждающіе народъ, что подъ нашимъ царемъ живетъ 77 вѣръ, и ни одну изъ нихъ не ломаютъ, а также костельные братчики, которые ѣздили по деревнямъ для освященія жителей особеннымъ способомъ, ставя имъ крестъ на голову и отбирая деньги.

Если, съ другой стороны, взглянуть на свободу, которою те-

нерь пользуются ксендзы въ проповѣди: такъ Дукштанскій, убѣждая прихожанъ быть трезвыми, развивалъ мысль, что пьянство доводитъ до православія; ксендзъ виленскаго Свентоянскаго костела, вслѣдъ за расторженіемъ конкордата, призывалъ слушителей исповѣдывать главенство папы, хотя бы пришлось смертію запечатлѣть такое исповѣданіе. Монахи латинскаго монастыря всѣхъ святыхъ въ Вильнѣ, по самому званію своему обрекшіеся на уединеніе, безпрестанно отправляютъ всевозможныя требы для крестьянъ, которые, вслѣдствіе подстрекательства братчиковъ, толпами стекаются туда изъ деревень. Множество костеловъ благополучно высятся на мѣстахъ, гдѣ недавно еще стояли православные храми. Незаконно возникшіе подъ шумокъ во время мятежа, новые костелы, съ заштатными при нихъ монахами, процвѣтаютъ на ополяченье русскихъ людей. Римское богослуженіе заключаетъ въ себѣ обоготвореніе политической идеи, посвящая въ служебникахъ своихъ «особыя службы праздникамъ и патронамъ королевства польскаго, въ его предѣлахъ до 1772.» такъ что нынѣ, извѣшивая относительную силу русской стихіи и стихіи латино-польской, нельзя не задуматься о будущемъ Сѣверо-Западной Россіи....

Исчисленнаго выше достаточно, чтобы опредѣлить духовную силу латинства, подкрѣпляющую политическія стремленія полячества.

Возвращаясь къ заявленнымъ предъ симъ слабымъ сторонамъ православнаго русскаго дѣла, еще такъ недавно сулившаго столь богатыя надежды, нельзя не придти къ убѣжденію, что православное дѣло страдаетъ столько же отъ слабости его веденія, сколько, если, и еще не болѣе, отъ всесильной интриги, искусно противъ него ведомой.

Къ чему какъ не интригѣ отнести можно тѣ клеветы и преслѣдованія, которымъ подвергаются люди присоединяющіеся къ св. православной церкви, или просто сочувствующіе ея членамъ? Къ числу выставленныхъ примѣровъ прибавить должно еще и то, что въ подберезскомъ приходѣ помѣщики, шляхта и даже крестьяне латиняне нарушаютъ безнаказанно условія, заключенныя ими съ православными работниками, требуя обратно даже выданныя имъ впередъ деньги. Необычайная легкость писанія ябедническихъ прошеній въ Вильнѣ о возвращеніи костеловъ, о небывалыхъ утѣсненіяхъ извѣстна всѣмъ ступенямъ мѣстнаго управленія. Даже въ Петербургѣ, въ средѣ чиновниковъ высшихъ сферъ администраціи встрѣчаются ходатаи по такимъ ябедамъ, какъ показалъ примѣръ крестьянина Кижуна и тамошняго чиновника г. Квинты.

Интрига пользуется всякимъ случаемъ, чтобы перетолковать его народу въ своихъ видахъ; такъ напримѣръ, въ народѣ весьма дѣятельно и настоятельно поддерживается и распространяется слухъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ вовсе не сочувствуетъ распространенію православія въ западныхъ губерніяхъ, что на-

противъ того, Онъ покровительствуетъ латинству, что отозваніе бывшаго генералъ-губернатора, перемѣщеніе и увольненіе другихъ лицъ есть слѣдствіе самовольныхъ ихъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ. Ненависть фанатиковъ къ извѣстной всѣмъ дѣятельности въ Вильнѣ князя Хованскаго изобрѣла молву, что, его закованнаго въ кандалахъ, какъ преступника, сослали изъ Вильны въ Петербургъ.

Клевета не смѣетъ громко коснуться принципа православія, ибо оно защищается основными законами Имперіи, и уставы управленія духовными дѣлами, а также предупрежденія и пресѣченія преступленій полагаютъ за то опредѣленныя наказанія: за то на *способъ* обращенія и на дѣйствія лицъ неустанная клевета накидывается словесно, печатно и даже оффиціально, посредствомъ ложныхъ вѣстей, безъимянныхъ корреспонденцій въ газеты и ложныхъ доносовъ, остающихся безъ послѣдствій для ихъ сочинителей: а въ виду успѣха безнаказанно распространенной клеветы, является узаконенное будто бы этимъ успѣхомъ разглашеніе, что дѣло распространенія свѣта Православія противно видамъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Его правительства. По свидѣтельству одного изъ священниковъ, особенно полезнаго вліянія на грамотную шляхту не имѣетъ также истолкованіе ею въ свою пользу статей «Виленскаго Вѣстника», въ которыхъ проповѣдуется безотносительное уваженіе ко всѣмъ вѣрамъ, въ смыслѣ гражданскаго единства всѣхъ членовъ государства. О. Стрѣлецкій полагаетъ что такое приравниванье, въ настоящій, смутный, переходный періодъ жизни здѣшняго народа, по меньшей мѣрѣ преждевременно.

Не особенно также полезнымъ считаетъ братство въ видахъ укрѣпленія православно русской стихіи, нарушеніе распоряженія графа Муравьева о пріуроченіи волостныхъ правленій къ православнымъ приходскимъ храмамъ: такъ переводъ сихъ правленій изъ Юрьева—Гейшишки въ Мэйшаголу и причисленіе островецкихъ прихожанъ къ Ворнянамъ, въ сосѣдство костеловъ, не ручается за полный успѣхъ училищъ, заведенныхъ братствомъ при гейшишкой и островецкой церквахъ; и то, при выраженныхъ, сочувствующими дѣлу мировыми дѣятелями, опасеніяхъ за вліяніе въ будущемъ иновѣрныхъ членовъ въ волостныхъ судахъ на дела между латинянами и православными, и еще болѣе за вліяніе сельскихъ сходовъ, на которыхъ, по закону 19 февраля, бѣднѣйшіе изъ православныхъ, т. е. беззземельные, не имѣютъ права голоса.

Изложивъ такимъ образомъ свѣдѣнія, сообщенныя лицами, которымъ эти обстоятельства лично и достовѣрно извѣстны, можетъ ли братство умолчать о томъ неравномъ сочувствіи, какое, за множествомъ служебныхъ обязанностей, а также и по близкому знакомству съ обстоятельствами, выражаютъ къ дѣлу православія лица изъ самаго братства, здѣшняго русскаго общества и тѣхъ служа-

щихъ, которые непосредственнѣе другихъ соприкасаются народной жизни. Покрайней мѣрѣ, священники заявляютъ, что для успѣха дѣла имъ необходимо болѣе постоянно-сочувственное отношеніе къ дѣлу свѣтскихъ и служащихъ лицъ, болѣе рѣшительное заявленіе лицъ правительственныхъ о признаніи православной вѣры и здѣсь господствующею; необходимо торжественное опроверженіе всѣхъ распространенныхъ клеветъ, навѣтовъ и слуховъ; а наконецъ открытое и торжественное заявленіе правительства о сочувствіи его распространенію православія, какъ коренной, существеннѣйшей стихіи русскаго господства въ здѣшнемъ краѣ, обособленномъ доселѣ *латинствомъ во всѣхъ его видахъ.* Безъ этого, кажется имъ, немыслимъ успѣхъ не только новаго присоединенія, но даже и возможнаго удержанія семействъ, прежде, добровольно обязавшихся подписками. Въ виду недремлющей латино-польской интриги, которая ведетъ съ нами минную войну, принятіе этихъ мѣръ, усиленіе частной и правительственной въ православномъ смыслѣ дѣятельности, не только необходимы какъ мѣрило для дѣятельности самихъ священниковъ, какъ норма для опредѣленія ихъ положенія и установленія характера и образа ихъ дѣйствій: но они необходимы еще существеннѣе и для того, чтобы здѣсь, предъ окраинами не всегда дружественнаго намъ западнаго міра запечатлѣть жизненною практикою то соборное единство святой нашей церкви, въ которой всѣ члены ея: правительство, клиръ и міръ, составляя одну русскую семью, дружно и согласно, въ стройномъ единствѣ исповѣдуетъ единую главу церкви, Христа и святѣйшее Его ученіе.

Окружное посланіе холмской уніятской консисторіи къ духовенству холмской епархіи.

(Кореспонд. Вилен. Вѣстника).

Варшава, 19 марта.

Мы только что получили окружное посланіе холмской епархіальной консисторіи, присемъ въ копіи прилагаемое. Документъ этотъ нетребуетъ коментарія; онъ ясенъ, какъ день. Мы только и можемъ сказать: да благословитъ васъ Богъ, отцы св., на подвигъ великій, трудный и славный! Мы не касаемся и не считаемъ себя вправѣ касаться совѣсти, ни словомъ, ни дѣломъ, ни даже въ помышленіи не дерзаемъ посягать на святость религіозныхъ убѣжденій

вѣрованій. Мы позволяемъ себѣ только обратить вниманіе на одно очень отрадное явленіе, именно на такое торжественное засвидѣтельствованіе, что русскій народъ частію Люблинской, частію Сѣдлецкой губерній, «никогда не переставалъ въ быту своемъ употреблять рѣчь русскую». Это заявленіе, безъ сомнѣнія, польскими агитаторами, врагами всего русскаго, подвергнется нареканію и опроверженію. Посему, въ подкрѣпленіе этого заявленія холмской консисторіи, долгомъ считаемъ сказать, что, до полученія сего посланія, мы имѣли уже въ своихъ рукахъ подлинныя донесенія сѣдлецкаго и люблинскаго губернаторовъ о томъ же самомъ предметѣ. Они говорили, что въ греко-уніатскихъ гминахъ должно употреблять въ перепискѣ языкъ русскій, такъ какъ всѣ крестьяне сихъ гминъ говорятъ по русски. Надо сознаться, мы отчасти сомнѣвались въ этомъ: мы думали, что упомянутые гг. губернаторы, какъ истые русскіе люди, увлекаются духомъ руссификаціи. Всякому вообще чиновнику, мы думали, мало доступна крестьянская изба, а губернатору тѣмъ менѣе: не мудрено встрѣтить крестьянина говорящаго по русски, но есть-ли села и слободы, понимающія этотъ языкъ и говорящія на немъ? Теперь сомнѣніямъ болѣе нѣтъ мѣста, и смѣемъ думать, что польскіе протесты никого уже не поколеблютъ. Теперь мы вполнѣ понимаемъ, какъ слѣдуетъ относиться къ этой части Царства Польскаго, такъ торжественно признанной исконнымъ достояніемъ нашей древней Руси.

Вотъ тѣ резултаты, которые начинаютъ приносить благодѣтельные законы нашего правительства, изданные въ послѣднее время! Вотъ тѣ плоды пребыванія здѣсь русскихъ дѣятелей, въ рукахъ которыхъ законы эти оказались сѣменемъ, брошеннымъ на добрую почву! До 1863 г. было множество издано законовъ, по существу своему весьма благодѣтельныхъ; но, по недостатку русскихъ дѣятелей, всѣ эти законы оказывались сѣменемъ, падающимъ на каменистую почву. Тщетны были всѣ старанія, всѣ усилія нашего правительства, законы издавались, но въ рукахъ польскихъ чиновниковъ претворялись въ одно лишь бумагописаніе.

Къ этому намъ остается прибавить, что холмская епархія заключаетъ въ себѣ 21 благочиніе, 267 приходовъ и 227,375 душъ населенія, жительствующаго въ селахъ и городахъ Люблинской, частію Сѣдлецкой и частію Сувалкской (быв. Августовской) губерній.

Подлинный текстъ окружнаго посланія есть слѣдующій.

Холмская епархіальная консисторія высокопреподобнымъ благочиннымъ и всему духовенству въ епархіи.

Благодать, милость и миръ вамъ отъ Бога отца и Христа Іисуса Господа нашего.

(Колос. 1—8)

Въ первомъ нашемъ къ вамъ посланіи, мы необинуясь возвѣстили, что мы пастыри холмской греко-уніатской церкви, должны

первые заявить собою примѣръ священной ревности о чистотѣ и цѣлости завѣщаннаго намъ предками греко-уніатскаго исповѣданія, равно дорогой намъ нашей народности русской. Благодѣянія, излитыя на насъ щедротами Всемилостивѣйшаго нашего Монарха, такъ велики, что способны уничтожить самыя закоренѣлыя предубѣжденія въ тѣхъ изъ насъ, которые имѣли несчастіе подвергнуться имъ, въ тоже время даютъ намъ полные средства сбросить съ себя усвоенные нами чуждые обычаи. На нашихъ глазахъ, щедротами возлюбленнаго Монарха, открыты мужскія и женскія гимназіи и прогимназіи и народныя сельскія школы для воспитанія нашего молодаго поколѣнія въ духѣ нашей вѣры и народности. Еще такъ недавно и такъ щедро обезпеченъ и поставленъ въ независимость нашъ матеріяльный бытъ. Не сильно ли все это возвратитъ насъ къ той славной самобытной русской жизни, какою жили наши предки? Уже повсюду слышится безбоязненно родной нашъ языкъ и предковѣчное имя наше не произносится болѣе, какъ укорительное, бранное слово. Что же намъ надобно болѣе, чтобы мы познали самихъ себя, возбудили и поддержали въ себѣ твердую рѣшимость и непринужденное желаніе сбросить съ себя наложенные на насъ въ нашей духовной и общественной жизни оковы? Отбросимъ же отъ себя иноземныя и иновѣрныя привычки, чуждыя духу нашей святой церкви и нашей дорогой русской народности; съ исчезновеніемъ, ихъ изчезнутъ и слѣды нашего посрамленія. Мы убѣждены, что отъ этой болѣзни, которой нѣтъ названія, мы должны желать исцѣлиться и должны вылѣчиться сами. Такъ возлюбленные братья, возблагодаримъ провидѣніе Божіе и возьмемся дружно за дѣло, которое многіе изъ насъ, по сознанію пастырскаго долга и по влеченію собственнаго сердца и совѣсти, начали уже съ радостію и стремятся подѣлиться со всѣмъ тѣмъ оживляющимъ ихъ въ столь достославномъ подвигѣ чувствомъ и благословеннымъ желаніемъ, чтобы въ нашей уніи воскресла древняя унія. Не будемъ употреблять въ соблазнъ нашего народа, ни въ обыкновенныхъ съ нимъ бесѣдахъ, ни тѣмъ болѣе въ бесѣдахъ пастырскихъ съ церковной каѳедры, чуждую намъ рѣчь польскую. Возвѣщаемъ и твердо увѣщеваемъ и обязываемъ всѣхъ сопастырей и соработниковъ нашихъ въ дѣлѣ Христовомъ, чтобы отнынѣ въ церквахъ нашей холмской св. Руси былъ употребляемъ при наученіи прихожанъ только родной намъ языкъ русскій, какъ то прежде съ самаго начала нашей уніи и даже недавно еще бывало, и катихизисъ, и объясненіе молитвъ и заповѣдей церковныхъ, и церковныя проповѣди, и все обученіе прихожанъ да совершается на нашемъ природномъ русскомъ языкѣ, которымъ, въ постыдѣніе наше, никогда не переставалъ говорить руководимый нами народъ. Годзинки, рожанцы и всякія колендьı, по слѣпому подражанію еще употребляемыя по мѣстамъ, замѣнимъ точнымъ отправленіемъ богослуженія по правиламъ и уставамъ нашей св. восточной церкви. Чинъ нашего богослуженія, который такъ свято хранили наши предки, своею продол-

жительностію займетъ время, назначенное для службъ Богу. Органы, таковъ недавне въ иныхъ мѣстахъ уже руками сопастырей нашихъ заведенные, то за недостаткомъ поющихъ, то по недостойному человѣкоугодію и подражанію, замѣнимъ живымъ, разумнымъ пѣніемъ, къ чему во множествѣ заводимыя сельскія школы и обезпеченіе быта дьяковъ дадутъ нынѣ полную возможность. Видя насъ обновляющихся, народъ нашъ оживится, сильнѣе сознаетъ свою народность и почувствуетъ свою силу.

И такъ, скажемъ со апостоломъ каждому изъ васъ, братіе: «въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай; сія бо творя и самъ спасешися и послушающіи тебе» (Тим. V, 15—16). Кто бы сталъ намъ представлять трудности въ исполненіи требуемаго нами и злоумышленно подозрѣвать правоту дѣла, пусть будетъ изведенъ изъ нашей среды, какъ гость евангельской вечери, неимѣвшій брачнаго одѣянія (Матѳ. 22—19). Онъ между своими— не свой, онъ недостойнѣе блуднаго сына, ибо и тотъ сознalъ свое жалкое положеніе (Лук. 15). Если бы кто изъ боязни или по нерадѣнію въ семъ случаѣ, подобно лукавому и лѣнивому рабу евангельскому, скрылъ данный ему талантъ въ землѣ (Матѳ. 25), то отъ него, по слову Христову, отъимется часть его и отдается другимъ трудолюбивымъ вертограда Господня (Матѳ. 24). Еще и сіе приведемъ на память вамъ: «Яко рабу Господню сваритися не подобаетъ, но должно быти привѣтливу ко всѣмъ, учительну, незлобливу, съ кротостію наставлять противниковъ:—не даетъ ли имъ Богъ ображенія къ познанію Истины.» (II Тимоѳ. 2).

И такъ, заклинаемъ васъ, возлюбленные братья, Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ въ явленіе свое и въ царствованіе свое: «Проповѣдуйте слово, еже нынѣ рѣхомъ вамъ, настойте благовременно и безвременно; обличайте, угрожайте, увѣщевайте со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ. Благодать со всѣми вами.» (Тимоѳ. 4).

Настоящее распоряженіе наше, высокопреподобные отцы благочинные имѣютъ разослать по одному экземпляру для каждого изъ подвѣдомыхъ имъ священниковъ, слѣдить за точнымъ исполненіемъ онаго и доносить консисторіи объ исполненіи священниками настоящаго предписанія.

Подписалъ: Предсѣдатель консисторіи
протіерей *Г. Войчицкій.*

Затѣмъ слѣдуютъ подписи членовъ.

Свѣдѣнія объ останкахъ Фабіана, выдаваемаго римскимъ духовенствомъ за святаго и блаженнаго.

14-го Марта сего 1867 года, преданы землѣ останки Фабіана, находящіеся въ столпецкомъ костелѣ, которые выдавались, болѣе столѣтія за святыя. Слухъ объ этомъ событіи, подобно молніи, пролетѣлъ во всѣхъ окрестностяхъ и произвелъ различныя впечатлѣнія на окружающій м. Столпцы (1) народъ и бывшихъ поклонниковъ Фабіана. Фанатики-р.-католики преданіе землѣ останковъ Фабіана считаютъ великимъ несчастіемъ и предвѣстіемъ великихъ бѣдствій въ народѣ, а главное—преслѣдованіемъ р.-католической религіи. Православные—бѣлоруссы рады, что наконецъ обманъ ксендзовъ-доминикановъ открытъ и фанатики-ксендзы перестанутъ указывать на останки Фабіана, какъ на святыя мощи, и гордиться своимъ католичествомъ; но чтобы тѣ и другіе правильно оцѣнили распоряженіе высшихъ правительственныхъ лицъ въ здѣшнемъ краѣ, считаю необходимымъ представить дѣло объ останкахъ Фабіана на судъ народа, руководствуясь въ этомъ дѣлѣ документами, почерпнутыми мною изъ столпецкаго костела.

1., Въ столпецкомъ приходскомъ доминиканскомъ костелѣ, состоящемъ въ Минской губерніи и уѣздѣ находились останки б. настоятеля столпецкаго доминиканскаго монастыря Фабіана. Останки эти лежали въ довольно красивомъ гробѣ, поставленномъ въ одномъ изъ погребовъ, устроенныхъ подъ означеннымъ костеломъ. Погребъ этотъ былъ, въ прежнее время, усыпальницею ктиторовъ столпецкаго костела, а въ настоящее время—это чистая подземная комната, которая очень часто наполнялась народомъ. При входѣ въ этотъ погребъ, есть двѣ надписи, на польскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія: 1, Велебный Фабіанъ Малишевскій родился 1583 года мѣсяца ноября, родомъ изъ Перемысля, поступилъ въ монашество 1601 года, имѣя 18 лѣтъ неполныхъ.

2., Фабіанъ Малишевскій умеръ въ столпецкомъ монастырѣ въ званіи настоятеля 1644 г. 12 августа въ пятницу, имѣя отъ роду 61 годъ, въ монашествѣ пробылъ 43 года. Въ самомъ погребѣ, гдѣ лежали останки Фабіана есть четыре изображенія слѣдующаго рода: 1., лошадь убиваетъ человѣка, безъ всякой надписи, кромѣ надписи 1784 года; 2., дерево убило или убиваетъ человѣка, тоже надпись 1693 года; 3., какія то воины на лошадяхъ, съ своимъ начальникомъ, и надпись 1695 года, и 4., дерево тоже убило человѣка, при которомъ лежитъ топоръ и надпись 1745 г. Указывая на эти изображенія, ксендзъ Сташевскій говорилъ, что это чудеса Фабіана при его жизни, а онъ умеръ въ 1644 году.

(1) М. Столпцы Минской губ., Новогрудскаго уѣзда, на берегу р. Нѣмана.

3., Останки Фабіана въ настояшее время находятся въ слѣдующемъ видѣ: судя по лицу, рукамъ и ногамъ, весь корпусъ чернаго цвѣта, голова голый черепъ, отъ носа остался только хрящъ, глаза и ротъ—дыри, нѣтъ вѣкъ, языка и принадлежностей рта, нѣтъ чрева и другихъ мягкихъ частей; —словомъ, эти мощи —суть бальзимированная (1) мумія, при бальзамированіи лишенная всѣхъ мягкихъ частей и засушенная при посредствѣ дубильныхъ веществъ. Чтобы придать этимъ останкамъ видъ человѣческаго тѣла, римское духовенство надѣло на эти останки: а., шапку чернаго цвѣта и накрыло платкомъ голову, который никогда не открывался; б., двѣ рубахи, трое (подштаниковъ) исподнихъ и трое чулковъ, подшивъ бумагою (ватою) тѣ мѣста на рукахъ и ногахъ, гдѣ въ живомъ тѣлѣ находятся икры и возвышенія; желудокъ же набитъ бумагою и тряпьемъ

4., О жизни и смерти Фабіана, бывшаго настоятеля столпецкаго монастыря, до 1741 года не было написано ничего (книга жизни и чудеса Фабіана листъ 1 на оборотѣ). Останки эти лежали, до сего года, въ общей монастырской гробницѣ, а въ этомъ году, по ходатайству провинціала Вабинскаго и съ разрѣшенія виленскаго бискупа Михаила Зеньковича, 12-го августа, ночью перенесены въ гробницу ктиторовъ столпецкаго костела и облечены въ новую монастырскую одежду, а въ какой были до сихъ поръ не показано (такъ же листъ первый и второй). Останки Фабіана, по распоряженію того же виленскаго бискупа, запрещено было выставлять на публичное поклоненіе, изображать на картинахъ, оказывать имъ уваженіе, приличное останкамъ святыхъ и блаженныхъ, возжигать предъ ними свѣчи и совершать миссы (тамъ же листъ 3). Но въ 1794 году, не смотря на выше прописанныя запрещенія, гробъ Фабіана выставленъ былъ на публичное поклоненіе. Посѣщавшій въ этомъ году столпецкій монастырь провинціалъ Лаврентій Калужскій нашелъ, что народъ стекается на поклоненіе Фабіану, и это поклоненіе Фабіану непротивно буллѣ папы Урбана VIII, изданной въ 1633 г. но не призналъ Фабіана ни святымъ, ни блаженнымъ, а сдѣлалъ только постановленіе о томъ, какъ смотрѣть на останки Фабіана и какъ нужно записыать его чудеса для того, чтобы нѣкогда можно было бы ходатайствовать о признаніи его святымъ, если окажется къ тому узаконенная причина (новѣйшая книга жизни и чудеса Фабіана). Останки Фабіана не канонизированы и самъ онъ не признанъ ни святымъ, ни блаженнымъ. Разрѣшенія нашего правительства на признаніе Фабіана святымъ не было, и нѣтъ даже указанія на то, было ли ходатайство о семъ ксендзовъ—доминикановъ предъ высшимъ римскимъ начальствомъ, и соизволеніе на это ходатайство бывшаго польскаго правительстаа, подъ властію котораго находился нашъ Сѣверо-Западный край.

---

(1) Доманней бальзамировки.

5., Переносу останковъ Фабіана въ гробницу втиторовъ, по преданію, записанному провинціаломъ Бабинскимъ, предшествовали слѣдующія случаи: 1) одинъ братъ (доминиканецъ) возвращался изъ города (civitate), въ который ходилъ безъ дозволенія настоятеля и видѣлъ возвращаясь Фабіана, который далъ ему религіозное наставленіе; 2) одинъ еврей потерялъ лошадь и, не имѣя возможности найти оную, обратился съ просьбою ко гробу Фабіана, говоря: господинъ Фабіанъ, если моя лошадь найдется, я буду католикомъ, и едва онъ вышелъ изъ костельной ограды, увидѣлъ, что лошадь его стоитъ на улицѣ, и еврей по этому случаю сдѣлался дѣйствительно католикомъ. 3) Во время войны, непріятельскіе солдаты вошли въ погребъ Фабіана и, для испытанія его святости, поставили его на ноги и дали ему въ руки палку и до тѣхъ поръ не могли выйдти изъ погреба, пока не раскаялись въ своемъ преступленіи (книга жизни Фабіана л. 1, 2 и 3). Послѣ 1643 года разныя сказанія о чудесахъ Фабіана написаны въ цѣлыхъ двухъ книгахъ, но всѣ эти записи, въ теченіи многихъ лѣтъ, писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ, не утверждены, согласно требованію провинціаловъ, присягою испытавшихъ на себѣ оныя и не завѣрены подписью свидѣтелей и столпецкихъ настоятелей, обязанныхъ наблюдать за записью чудесъ и ея достовѣрностію (тамъ же). Въ народѣ слышно, что фанатическія ксендзовскія проповѣди и выдуманныя ими сновидѣнія о явленіяхъ имъ Фабіана возбудили въ простонародіи вѣру въ святость Фабіана и его чудеса; въ недавнее даже время ксендзы тѣми же средствами поддерживали уваженіе въ народѣ къ останкамъ Фабіана, теперь преданнымъ землѣ.

6., Римское духовенство, при всей своей приверженности къ Фабіану, не выдумало еще до сихъ поръ праздника въ честь его. Главнѣйшія торжества въ честь его въ столпецкомъ костелѣ бываютъ: въ день польскаго королевича Казиміра, 4-го марта; въ недѣлю Рожанцовую и Шкаплерную; въ день Божьяго тѣла; въ день Маріи Магдалины и въ первыя новолунныя воскесенія послѣ 1-го октября. Въ эти дни, комната, въ которой стоялъ гробъ Фабіана, наполнялась молящимися и ксендзы съ народомъ публично молились по своимъ обрядамъ Фабіану; стеченіе народа бывало безчисленно, доходы невѣроятны.

и 7., Въ народѣ слышится много сказаній о мнимыхъ чудесахъ Фабіана, особенно одно всѣмъ извѣстно: у одного еврея уворована была лошадь, онъ обратился къ Фабіану съ просьбою и бросилъ въ его гробъ баранокъ и его лошадь отыскалась. (1) Одна ка-

---

(1) Вотъ какъ въ народѣ разсказывается объ этомъ.

Однажды у еврея, пріѣхавшаго въ м. Столпцы по торговымъ дѣламъ, вдругъ пропадаетъ его лошадь, но кто то изъ христіянъ, замѣтивъ его отчаяніе, по случаю этой потери, присовѣтовалъ ему молитвенно обратиться къ св. Фабіану и по обычаю тамошнихъ р. католиковъ, что нибудь пожертвовать этому святому; еврей послушалъ совѣта, и видя не однажды, что христіяне бросаютъ въ жертву чрезъ рѣшетку окошка того склепа, гдѣ покоились останки Фабіана, всякую всячину,

толичка на вопросъ мой о томъ, за что почитаютъ Фабіана святымъ сказала: когда умеръ Фабіанъ и собрались погребать тѣло его, то увидѣли, что тѣло его сдѣлалось деревяннымъ и за это всѣ прозвали его святымъ. Въ народѣ есть повѣрье, что Фабіанъ исцѣляетъ отъ колтуновой болѣзни. Дѣйствительно, столпецкій ксендзъ много срываетъ колтуновъ съ поклонниковъ Фабіана, и не мало изъ нихъ поплатились и жизнію, и здоровьемъ за несвоевременное снятіе своихъ волосъ. Пересматривая костельные документы, принадлежавшіе прежде столпецкому монастырю я находилъ много завѣщаній въ пользу столпецкаго костела, современныхъ жизни Фабіана, но во всѣхъ этихъ документахъ ни слова о Фабіанѣ, хотя и упоминаются имена настоятелей костета. При столпецкомъ костелѣ есть двѣ комнаты, въ которыхъ, по свидѣтельству ксендзовъ, будто бы жилъ Фабіанъ; говорятъ, что въ этихъ комнатахъ есть вещи, бывшія въ употребленіи у Фабіана при его жизни, но изъ документовъ костельныхъ видно, что костелъ былъ прежде деревянный, а въ послѣдствіи уже построенъ каменный. Какъ могъ жить Фабіанъ въ комнатахъ, устроенныхъ послѣ его смерти, непостижимо. Одни римскіе ксендзы, изъ корыстныхъ видовъ, могутъ пустить въ ходъ подобныя нелѣпости, и ими удерживать народъ въ обманѣ, а чтобы этотъ обманъ былъ очевиднѣе для всѣхъ, при семъ прилагается документъ, выписанный изъ книгъ на латинскомъ языкѣ и переведенный на языкъ русскій (1). Изъ этого документа ясно видно, что Фабіанъ не святый и не блаженный, что молиться ему запрещено, и не дозволено изображать его на картинахъ, а между тѣмъ эти запрещенныя картины находятся почти во всѣхъ р.-католическихъ домахъ, и Фабіанъ представленъ на нихъ окруженнымъ ангелами, выносящими его Фабіана изъ какой то пещеры. Фабіанъ по записямъ ксендзовъ доминикановъ былъ монахъ доминиканскаго ордена, а на картинахъ изображенъ въ одеждѣ бернардинской. Лежащія въ гробѣ останки доказываютъ, что этотъ человѣкъ былъ малаго роста, а на картинѣ Фабіана изображали и большимъ и толстымъ.—Удивительная фантазія римскаго духовенства.

Станьковскій благочинный, священникъ *Петръ Трусковскій*.

въ томъ числѣ и хлѣбы, купилъ на рынкѣ обаранковъ и бросивъ ихъ чрезъ эту рѣшетку приговаривалъ: *«Фабіанцикъ! Фабіанцикъ! на (возми) тоби оборанцикъ, отдай мою лосадку, а я сдѣлаюсь доминиканцикъ»*, и вдругъ, когда обернулся назадъ, къ изумленію своему, увидѣлъ позади себя стоящую его лошадь.

(*мѣстное, извѣстное всѣмъ преданіе*. Ред.

(1) Документъ этотъ будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ, въ 1-мъ отдѣлѣ. Ред.

Львовъ, 22-го мая.

Трудности канонизаціи Іосафата Кунцевича.

Канонизація Іосафата Кунцевича встрѣтила чрезвычайно большія затрудненія со стороны здѣшнихъ русиновъ. Довольно сказать какъ происходили приготовленія къ этой канонизаціи, и всѣ убѣдятся въ справедливости моихъ словъ. Сначала, когда разослано было къ русинамъ воззваніе представить въ пользу канонизаціи 90,000 скудіи, тогда митрополитъ Литвиновичъ формально пригласилъ всю львовскую епархію къ денежнымъ пожертвованіямъ; воззваніе это имѣло тотъ результатъ, что кромѣ митрополита, пожертвовшаго 500 гульденовъ, и отцевъ базиліановъ, доставившихъ 150 гульденовъ, со всего края собрано всего 350, что и составило вмѣстѣ 1,000 гульденовъ. Далеко, значитъ, до 90,000 скудій! Теперь же, когда надо подумать о духовной депутаціи, для присутствованія въ Римѣ на означенномъ торжествѣ, митрополитъ Литвиновичъ опять отнесся къ духовенству съ тѣмъ, чтобы, по числу девяти цыркуловъ, внесли по 800 гульденовъ на путевыя издержки для каждаго депутата; но духовенство и не думаетъ представлять денегъ, и никто, кромѣ митрополита Литвиновича, не ѣдетъ на это торжество, а епископъ перемышльской епархіи, не желая подражать гласу вопіющаго въ пустынѣ, счелъ излишнимъ даже объявлять этотъ циркуляръ; такимъ образомъ, не только никто изъ духовныхъ лицъ не явится на церемонію, но останется дома и самъ епископъ Полянскій. Если такъ, то это будетъ первый святой, канонизаціи котораго противятся даже его земляки (1). Оно будетъ прискорбно Риму; но нельзя не замѣтить, что оппозиція русиновъ—не безъ основанія, она нечто иное какъ возмездіе за обильно пролитую кровь ихъ соотчичей въ числѣ 4,000 человѣкъ, и за подстрекательство къ тому бывшаго тогда римскаго папы, который писалъ польскому королю въ такихъ между прочимъ словахъ: »король! милосердіе въ настоящемъ случаѣ (когда Кунцевича убили въ силу противозаконныхъ поступковъ, какіе онъ себѣ позволялъ, обращая въ унію послѣдователей восточной церкви) было бы смертнымъ грѣхомъ, почему и не щади своего меча, а вырви все съ корнемъ.« Это помнятъ русины очень хорошо.

Замѣчательный кандидатъ въ латинскіе святые.

Въ Римѣ предстоитъ, какъ извѣстно, къ 1 іюля новый рядъ канонизацій. Еще въ концѣ 1866 года кардиналъ Катрини разо-

---

(1) Львовское «Слово»

слалъ р. католическимъ епископамъ приглашеніе къ участію въ этомъ празднествѣ вмѣстѣ со спискомъ будущихъ святыхъ. Въ числѣ этихъ святыхъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ стоитъ человѣкъ, который служилъ главнымъ орудіемъ введенія испанской инквизиціи и кровью записалъ свое имя на лѣтописяхъ ея,—донъ Педро, Арбуэсъ д'Эпила. Когда, въ слѣдствіе распространившагося слуха, что между потомками испанскихъ евреевъ, насильственно перекрещенныхъ 1391 года, еще замѣчается приверженность къ религіи отцовъ, инквизиція была введена, наконецъ, по примѣру остальныхъ испанскихъ провинцій, и въ Аррагоніи въ 1450 году: Арбуэсъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность одного изъ самыхъ безжалостныхъ инквизиторовъ. Инквизиція въ то время облеклась въ самую отвратительную и безнравственную форму: она служила средствомъ для поправленія финансовъ, такъ какъ королевская казна обогащалась конфискованными имуществами всѣхъ признанныхъ виновными. Обвиняемымъ не сообщалось ни имени обвинителей, ни сущности обвиненія; пыткою вымучивали у нихъ признанія и жгли ихъ на кострахъ тысячами! Мы почерпаемъ эти данныя не изъ сочиненій враждебныхъ латинской церкви авторовъ; нѣтъ, мы руководствуемся указаніями великаго инквизитора Парамы, разработавшаго исторію инквизиціи по архивнымъ источникамъ въ сочиненіи, появившемся въ Мадритѣ въ 1598 году, подъ заглавіемъ: «De origine et progresse officie Sainte inquisition» (О происхожденіи и развитіи учрежденія святой инквизиціи). Онъ повѣтствуетъ, что въ Аррагоніи, въ одной Севильѣ было сожжено, съ 1485 по 1520 г., 4,000 чел. и что, въ слѣдствіе этой неистовой ярости, 5,000 домовъ въ Испаніи опустѣло. Преслѣдованіе распространялось и на дѣтей осужденныхъ; ихъ лишали отцовскаго имущества и объявляли лишенными гражданскихъ правъ! Тщетно предлагали несчастныя жертвы инквизиціи громадныя суммы за то только, чтобы имъ сообщили сущность взводимыхъ на нихъ обвиненій, чтобы они не стояли совершенно беззащитными предъ лицемъ доноса; напрасно протестовали аррагонскія сословія противъ такого звѣрскаго и корыстнаго образа дѣйствій. Ничто не помогало. Тогда отчаяніе вынудило къ покушенію на жизнь Арбуэса — единственному средству, по наивному выраженію Каррамона (стр. 183 и пр.), остававшемуся противъ неистоваго фанатика. Уже папа Павелъ III хотѣлъ канонизировать его, но разслѣдованія объ исторіи его мучительства дали слишкомъ неблагопріятные результаты. Какимъ же образомъ въ настоящее время снова хотятъ воздвигнуть алтарь человѣку, принадлежащему къ числу самыхъ кровожадныхъ инквизиторовъ! До сихъ поръ латинская церковь руководствовалась принципомъ: «Martyrem non facit poena, sed causa,» т. е. «мученикомъ дѣлаетъ не казнь, а дѣло,» за которое пострадалъ. Но смерть Арбуэса не была вызвана какимъ либо христіанскимъ его подвигомъ... Эта канонизація имѣетъ повидимому, глубокое значеніе, можетъ быть это

нечто иное какъ прославленіе инквизиціи. Неужели среди епископовъ, которые соберутся въ Римъ для торжества канонизаціи, не найдется ни одного, кто рѣшился бы возвысить голосъ противъ прославленія Арбуэса, а съ нимъ вмѣстѣ и инквизиціи.

Еще къ вопросу объ обрусеніи Западнаго Края.

Въ Высочайше утвержденной 23 іюля 1865 года, инструкціи о продажѣ казенныхъ земель чиновникамъ вызваннымъ изъ велико-россійскихъ губерній послѣ 1863 года говорится, между прочимъ, о преимуществахъ для тѣхъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать, что они по своему вліянію въ мѣстности могутъ принести пользу правительству. Изъ этого видно, что цѣль Высочайшей воли направлена къ тому, чтобы въ этомъ искони русскомъ краѣ водворить русскую народность, которая вліяніемъ помѣщиковъ-католиковъ чувствительно ополонизирована. Всѣ административныя мѣры, какъ-бы они не были сильно прикладываемы къ дѣлу обрусенія края, не могутъ до тѣхъ поръ имѣть благотворнаго вліянія, пока край не будетъ обновленъ православнымъ русскимъ населеніемъ.

Статистическія свѣдѣнія Волынской губерніи указываютъ, что главное населеніе ея составляютъ крестьяне православнаго исповѣданія, привыкшіе видѣть въ своихъ панахъ-католикахъ высшее и притомъ господствующее сословіе которое, не смотря ни на послѣдствія Высочайше утвержденнаго положенія 19 февраля 1861 года, ни на настоящія энергическія административныя мѣры, имѣетъ значительный перевѣсъ въ умственномъ отношеніи предъ многочисленною массою крестьянъ, еще такъ мало развитыхъ. Въ видахъ устраненія подобнаго вліянія пановъ весьма было-бы полезно ежели не вдругъ, то покрайней мѣрѣ исподоволь, населять край такими русскими людьми, которые по образованію, по своей практической дѣятельности и наконецъ, что всего важнѣе, по нравственнымъ качествамъ, могли бы внушить къ себѣ довѣріе и уваженіе окружающей массы крестьянъ, которые, такимъ образомъ, при помощи разумныхъ и добросовѣстныхъ руководителей, легко, скоро и безвозвратно сбросили бы остатки панскаго превосходства, вслѣдствіе чего рельефнѣе могли бы обрисоваться въ глазахъ крестьянъ пустота и несостоятельность панскихъ мечтаній. Ежели при этомъ принять во вниманіе и то, что здѣсь въ скоромъ времени будетъ вводиться порядокъ новаго судопроизводства, чему обыковенно предшествуетъ земство, какъ главная основа этого порядка, то нельзя не согласиться, что лица которымъ будутъ розданы или проданы участки въ здѣшней губерніи могутъ принести немало-

важную услугу и въ этомъ отношеніи правительству, которое съ увѣренностью можетъ положиться на нихъ, какъ на людей уже акредитованныхъ.

Всматриваясь внимательнѣе въ положеніе въ здѣшнемъ краѣ польскаго населенія, можно безошибочно сказать, что какъ наплывъ этаго населенія въ край, такъ равно и настоящее его положеніе искуственно и въ матеріальномъ отношеніи далеко непрочно. Чтобы увѣриться въ этотъ, достаточно взглянуть на цифру населенія Волыни поляками, которыхъ здѣсь насчитываютъ неболѣе 12 тыс., изъ числа коихъ 3360 владѣетъ поземельною собственностью, которая въ общей сложности простирается до 3 м. дес. земли; владѣльцы эти, какъ положительно извѣстно, находятся въ неоплатномъ долгу, говорю такъ потому, что казенныя и частныя долги, лежащіе на помѣщикахъ здѣшней губерніи простираются до 20 м. руб. Тогда какъ коренное русское православное населеніе государственныхъ крестьянъ и крестьянъ собственниковъ, находившихся до 1861 года подъ тягостнымъ вліяніямъ польскаго элемента, простирается до 1,128,000. Населеніе это благодаря дѣйствіямъ правительства поднято въ нравственномъ отношеніи, получило гражданственность и раціонально обезпечено матеріяльными средствами.

При такомъ положеніи дѣла весьма бы желательно приведеніе въ дѣйствіе Высочайшей воли о водвореніи здѣсь русскихъ землевладѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что предназначенными въ продажу русскимъ, казенными участками, коихъ насчитываютъ болѣе 300, владѣютъ по контрактамъ, до настоящаго времени, почему то, исключительно одни паны и мѣстные евреи и при томъ за весьма незначительную плату! арендаторы эти, владѣя съ большою выгодою казенными землями, употребляютъ всѣ мѣры къ устраненію русскихъ посессоровъ. Увеличеніе числа русскихъ землевладѣльцевъ дало бы возможность хотя нѣкоторымъ польскимъ панамъ, вслѣдствіе взаимныхъ сообщеній съ новыми сосѣдями русскаго происхожденія, оторваться отъ неосуществимыхъ польскихъ мечтаній средне-вѣковаго быта и выступить на поприще общественной дѣятельности мирныхъ гражданъ,— говорю о дѣятельности предоставленной институтомъ земскихъ учрежденій въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Отреченіе болгаръ отъ уніи.

Уже цѣлый мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ телеграмма изъ Константинополя извѣстила, что нѣсколько десятковъ болгаръ, считавшихся уніятами, торжественно отреклись отъ уніи и снова возвратились въ лоно православной церкви. Этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, служитъ новымъ неопровержимымъ доказатель-

ствомъ привязанности и преданности болгарскаго народа къ вѣрѣ ихъ предковъ, не смотря на безчисленные соблазны, подставляемые болгарамъ западною пропагандой, стремящеюся къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей. Константинопольская газета «Византисъ» сообщаетъ нѣсколько подробностей объ этомъ отреченіи, 4-го января текущаго года бывшіе мнимые уніаты изъ болгаръ, безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій, единственно повинуясь лишь внутреннему голосу, числомъ двѣсти семьдесятъ человѣкъ, написали, подписали и подали патріаршему намѣстнику и константинопольскому синоду прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Преосвященнѣйшій владыка и святѣйшій синодъ! Мы, нижеподписанные, смиренные слуги, числомъ двѣсти семьдесятъ человѣкъ, по происхожденію изъ рода въ родъ болгары и изъ вѣка въ вѣкъ будучи истыми чадами святой великой церкви Христовой, мы, дошедши до того, что приняли (лучше ежели бы не было), унію, вслѣдствіе ли необразованности и невѣжества нашего, вслѣдствіе ли обмана нѣкоторыхъ своекорыстныхъ людей, были заблужденіемъ удалены отъ ограды православнаго стада Архипастыря нашего и Спасителя, Господа Іисуса Христа, въ которомъ мы родились, воспитались и вскормились чистымъ млекомъ нашей святой православной вѣры и благочестія; мы теперь съ глубочайшимъ душевнымъ прискорбіемъ сознали въ какую ошибку впали и въ какомъ прегрѣшеніи находимся, явивъ такую неблагодарность общей нашей кормилицѣ и матери, повѣривъ словамъ чуждымъ и послѣдовавъ догматамъ иноземнымъ, отъ которыхъ мы теперь отрекаемся. Сознаваясь въ своемъ заблужденіи, мы отъ всего сердца просимъ у нашей матери прощенія и милости, и припадая, горячими слезами и теплою душою и сердцемъ умоляемъ, чтобы она, развернувъ материнскія и чадолюбивыя объятія, приняла насъ, заблужденныхъ, въ это словесное стадо православія и благочестія и надѣлила бы насъ, какъ и прежде, своими святыми церковными дарами и благодатію; считая насъ своими истыми чадами, защищала бы насъ во всѣхъ церковныхъ невзгодахъ, благоволила бы вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своемъ человѣколюбивомъ попеченіи о своихъ чадахъ, укрѣпить наше возвращеніе въ ограду единой апостолической и восточной святой великой церкви Христовой, и отнеслась бы къ надлежащимъ высокимъ политическимъ властямъ о томъ, чтобы всѣ сословныя и частныя наши дѣла разсматривались высшею духовною властью нашей, какъ это было прежде. Константинополь, 4 января 1867 г.» Слѣдуютъ подписи.

29-го января мѣсяца, въ патріаршемъ храмѣ, послѣ литургіи, въ присутствіи блюстителя патріаршаго престола, митрополита Неофита, и синодальныхъ архіереевъ, было прочтено во всеуслышаніе это прошеніе и торжественное отреченіе болгаръ отъ уніи. Вслѣдъ за этимъ во храмѣ было совершенно миропомазаніе надъ 20 болгарами изъ бывшихъ уніатовъ. Въ четвергъ 2-го февраля были миропомазаны еще 30 человѣкъ; по всей вѣроятности, те-

вѣрь миропомазаны и остальные изъ подписавшихся. Намъ кажется, что константинопольскому синоду слѣдовало, принявъ прошеніе, пригласить всѣхъ болгаръ бывшихъ уніатовъ, и въ одинъ день совершить надъ ними миропомазаніе. Это было бы торжественнѣе. Въ заключеніе упомянемъ, что послѣ миропомазанія въ церкви было сказано болгарамъ, на болгарскомъ языкѣ, назидательное слово и поученіе, чтобы они и впередъ оставались вѣрными и непоколебимыми въ православной вѣрѣ, подобно цѣлому болгарскому народу. *(«Москва»).*

Краткая характеристика нѣкоторыхъ славянъ, бывшихъ на московской этнографической выставкѣ.

(*Продолженіе*) (*).

Петроневичъ, помощникъ сербскаго министра юстиціи, посланъ депутатомъ отъ сербскаго правительства на московскую выставку. При пріемѣ сербскихъ депутатовъ князь Горчаковъ высказалъ Петроневичу и сопровождавшимъ его депутатамъ, что онъ жалѣетъ, что не будетъ въ состояніи видѣть ихъ по ихъ возвращеніи изъ Москвы, такъ какъ по волѣ Государя Императора онъ будетъ сопровождать Его Величество въ Парижъ. Петроневичъ былъ прежде представителемъ Сербіи при дворѣ султана. По возвращеніи въ Сербію отъ насъ, Петроневича ожидаетъ мѣсто директора департамента министерства иностранныхъ дѣлъ. По наружности серьезное, задумчивое лицо Петроневича скорѣе подходитъ къ греческому типу, чѣмъ къ сербскому. Ему за 40 лѣтъ.

Миличевичъ, Миланъ. Ридился въ Бѣлградѣ. Покуда не выѣзжалъ оттуда до настоящаго времени, а между тѣмъ, говоритъ и читаетъ порусски, почти какъ русскій. Русскому языку выучился онъ въ бѣлградской семинаріи, гдѣ получилъ образованіе. Въ его время въ бѣлградской семинаріи было два русскихъ профессора. Теперь Миличевичъ—первый секретарь министерства народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ въ Бѣлградѣ и инспекторъ народныхъ сербскихъ школъ. Сверхъ того онъ членъ сербскаго ученаго общества („Сербско-учено-Дружство“). Миличевичъ поѣхалъ на выставку въ Москву какъ депутатъ отъ этого общества, получивъ приглашеніе отъ московскаго комитета выставки. Ему 36 лѣтъ. Это—не столько бросающаяся въ глаза съ перваго раза, сколько въ высшей степени симпатическая личность.

Шаффарикъ, Янко. Племянникъ извѣстнаго чешскаго ученаго этого имени. Чехъ по происхожденію, онъ такъ долго жилъ между сербами, что его надобно упоминать между ними. При томъ онъ членъ сербской депутаціи. Шаффарикъ уже человѣкъ, если не преклонныхъ, то почтенныхъ лѣтъ. Ему 52 года и окладистая

*) Смотри Отдѣлъ IV 3-й книжки Вѣстника.

борода его посѣдѣла даже больше чѣмъ голова. Съ дѣтства Шафарикъ жилъ у своего знаменитаго дяди въ Новомъ Саду и потомъ былъ у него въ Прагѣ. Затѣмъ онъ поступилъ профессоромъ въ бѣлградскую „Велку школу" (лицей) и занималъ тамъ кафедру 18 лѣтъ, пока слабость груди не заставила его отказаться отъ профессорской должности. Сербское правительсто сохранило за нимъ всѣ прежнія званія и назначило его библіотекаремъ въ Бѣлградѣ. Въ память тысячелѣтія Россіи Шафарикъ получилъ русскій орденъ св. Анны второй степени. Шаффарикъ ѣздилъ въ Москву по приглашенію и какъ депутатъ отъ серебскаго ученаго міра.

Теодоровичъ, Стефанъ академическій живописецъ и профессоръ начертательной геометріи въ реальной школѣ въ Бѣлградѣ. Основатель частной школы живописи въ Бѣлградѣ. Въ этой школѣ въ настоящее время 8 учениковъ; нѣсколько другихъ посланы на счетъ сербскаго правительства для дальнѣйшаго усовершенствованія въ Италію. «Пѣвческое общество въ Бѣлградѣ («Пѣвачко Дружство») обязано Теодоровичу тѣмъ, что, не смотря на упорное желаніе части членовъ общества не выходить изъ предѣловъ италіянской и нѣмецкой музыки, теперь въ обществѣ данъ перевѣсъ изученію сербскихъ народныхъ мотивовъ. Теодоровичу 34 года. Типъ его болѣе испанскій, или италіанскій, и самый видъ сразу выдаетъ художника. Кисти Теодоровича принадлежатъ рисунки національныхъ одеждъ, присланныхъ изъ Сербіи (отъ „Ученого Дружства") на московскую этнографическую выставку. Одинъ изъ рисунковъ выставки, присылкою котораго въ Москву пришлось запоздать, привезъ самъ Теодоровичъ въ Москву. Этотъ рисунокъ—ивъ 9-ти фигуръ сербовъ и сербокъ въ національныхъ нарядахъ. Фигуры превосходны, особенно средняя наверху. Художникъ ручается за полную вѣрность дѣйствительности костюмовъ, представленныхъ имъ.

Георгевичъ (или по сербскому выговору **Джерджіевичъ**), Владанъ. Секретарь сербской „Зори." Основная мысль о дѣятельности, которая ждетъ „Сербскую Зорю" въ дѣлѣ возрожденія сербскаго народа, принадлежитъ Георгіевичу. Георгіевичъ посланъ сюда депутатомъ отъ „Зори." Георгіевичъ еще очень молодъ—ему лишъ 23-й годъ. Онъ студентъ медицины въ Вѣнѣ и еще годъ долженъ слушать тамъ курсъ. Онъ началъ писать рано. Первый опытъ его на 19-ти лѣтнемъ возрастѣ былъ историческій романъ „Кочина Крайна" (Война Кочи). Коча—сербскій народный герой и предшественникъ Карагеоргія по времени. Этотъ романъ обратилъ вниманіе сербовъ на молодаго писателя и открылъ ему дорогу въ журналы. Съ тѣхъ поръ Георгіевичъ напечаталъ въ сербскихъ журналахъ до 15 повѣстей историческихъ и беллетристическихъ. Онъ корреспондентъ пестской сербской газеты *Застава* и писалъ въ этотъ журналъ корреспонденціи изъ Варшавы, Вильны и Петербурга въ теченіе нынѣшняго путешествія. Какъ преж-

ная дѣятельность, такъ наружность и рѣчи Георгіевича заставляютъ думать, что сербская народность можетъ ждать многаго отъ этого дѣятеля въ будущемъ. Кто знаетъ важное значеніе „Зори“ въ судьбахъ возраждающейся Сербіи, тому не надобно объяснять, что назначеніе Георгіевича секретаремъ ея—одно показываетъ, какъ смотрятъ на него его соотечественники.

Политъ, Михаилъ Ивановичъ, докторъ правъ вѣнскаго университета, депутатъ сирмисскій въ сеймѣ тріединаго королевства (Далмаціи, Хорватіи и Славоніи), родился въ 1835 году въ Новомъ Саду, въ главномъ городѣ сербскаго воеводства, въ Венгріи. Воспитывался въ Вѣнѣ, гдѣ и кончилъ курсъ наукъ. Затѣмъ онъ провелъ годъ въ Парижѣ, докончивая свое образованіе. Быть можетъ, пребыванію его въ Парижѣ нужно приписать въ значительной степени то, что впослѣдствіи онъ сдѣлался корреспондентомъ *Nord* и *Independance Belge*. Сверхъ того онъ корреспондировалъ въ теченіи 7-ми лѣтъ въ *Allgemeine (Augsburgische) Zeitung* и принималъ дѣятельное участіе въ оргнѣ славянъ, газетѣ *Ost-und-West*, издававшейся д-ромъ Калацомъ.

Д-ръ Политъ былъ одно время, впрочемъ недолго, секретаремъ князя черниговскаго Даніила. Послѣ того онъ былъ въ Вѣнѣ въ придворной хорватской канцеляріи секретаремъ, и затѣмъ сдѣланъ былъ великимъ бережникомъ (нотаріусомъ) въ Загребѣ. Въ послѣднее время онъ былъ секретаремъ загребскаго главнаго суда и подалъ въ отставку, какъ скоро нашли, что ему, какъ занимающему эту должность, неудобно ѣхать въ Москву на этнографичеекую выставку. Гдѣ-то въ корреспонденціяхъ, было упомянуто, что онъ подалъ въ отставку, какъ депутатъ сейма Тріединаго королевства; это невѣрно: онъ отказался лишь отъ должности секретаря великаго стола (суда) въ Загребѣ.

Какъ политическій дѣятель, Политъ оказалъ рѣшительное вліяніе на хорватскій сеймъ. Еще недавно, въ Хорватіи, хорваты съ ихъ латинскою и нѣмецкою грамотою первенствовали. Теперь хорватскій сеймъ объявилъ, что сербы (ихъ на половину въ Хорватіи) равноправны съ хорватами и киллирица равноправна съ другими азбуками. Сербскій языкъ и сербская (кирилловская) грамота введены въ хорватскіе суды на равныхъ правахъ съ другими. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ всѣхъ этихъ реформъ былъ д-ръ Политъ. Д-ръ Политъ на сеймѣ нѣчто въ родѣ Катона: у него есть свой «Карѳагенъ, требующій разрушенія.» Это восточно-сербо-славянскій вопросъ. Д-ръ Политъ главный ратникъ за сліяніе южнаго сербскаго славянства (независимаго, австрійскаго и турецкаго) въ одно цѣлое, и постоянствомъ въ борьбѣ сдѣлалъ то, что сеймъ, еще недавно стоявшій противъ него, теперь склоняется большинствомъ за него. Немудрено, что нѣмцы негодуютъ на талантливаго славянскаго патріота. *Wanderer* честила сеймъ не разъ за то, что въ глазахъ австрійской газеты онъ ни что иное, какъ lebhafte phantasie д-ра Полита.

Д-ру Политу 32 года, и это говорить за то, что отъ него можно еще многого ждать. Это брюнетъ очень видный, можно даже сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, замѣчательно красивой наружности. Въ его глазахъ видна та смѣсь задумчивости и энергіи, сердечной теплоты и вмѣстѣ проницательности, которыя должны сдѣлать его lebhafte phantasie чрезвычайно неудобною для австрійскаго оффиціальнаго міра, и неудобство это съ теченіемъ времени будетъ становиться все менѣе фантастическимъ и все болѣе дѣйствительнымъ. Мало сказать, что рѣчь Полита среди насъ произвела громадное впечатлѣніе: онъ сдѣлался любимцемъ русскихъ. Скажемъ одно: славяне ждутъ многаго отъ д-ра Полита для обще-славянской задачи, и безъ сомнѣнія, не ошибутся въ ожиданіяхъ.

Милутиновичъ, Урощъ. Окружной протопресвитеръ (благочинный) изъ Митровицъ, въ сербской Воеводинѣ, въ Венгріи. Отцу Урошу уже 56 лѣтъ; волосы и борода его значительно посѣдѣли, но огонь въ черныхъ, умныхъ глазахъ не позваляетъ назвать его старикомъ. Онъ ходитъ въ обыкновенной сербской священнической рясѣ и небольшой скуфьѣ. Онъ собственно не говоритъ по-русски, но, говоря по-сербски, старается приводить возможно больше церковно-славянскихъ выраженій и это дѣлаетъ рѣчь его понятною для каждаго русскаго. Впрочемъ, отецъ Урошъ не только слѣдитъ за русскою литературою, но и самъ издавалъ книги, знакомившія его соотчичей съ Россіею и русскимъ бытомъ. Такъ, имъ изданъ родъ «Путеводителя по Россіи» на сербскомъ языкѣ.— «Какъ вы научились по-русски?» спросилъ я его.— Чтеніемъ— былъ отвѣтъ,— я читалъ возможно больше и, наконецъ, освоился съ русскимъ языкомъ.— Это приводитъ мнѣ на умъ подобное же замѣчаніе другаго серба-нашего гостя, Георгіевича, который также не только научился свободно понимать русскій языкъ, но и недурно говоритъ на немъ, благодаря одному чтенію.

Отецъ Урошъ получилъ сначала образованіе въ Сегединѣ, гдѣ слушалъ философскія науки въ мѣстной семинаріи. Богословіе онъ слушалъ въ Карловцѣ.— Одного у насъ нѣтъ— университета, говорилъ онъ— приходится довольствоваться тѣмъ, что есть.

Въ своей рѣчи за обѣдомъ въ залѣ «Дворянскаго собранія» въ С.-Петорбургѣ Милутиновичъ хотѣлъ развить ту тему, что нынѣшнее раздѣленіе западныхъ и южныхъ слявянъ имѣетъ источникомъ своимъ въ исторіи впервые вторженіе влоховъ и потомъ мадьяръ. Эти два народа, ставъ между членами одной и той же славянской семьи, употребили всѣ усилія, чтобы разъединить славянъ. Если въ настоящее время изучающій географію безнадежно путается въ перечисленіи разныхъ хорватовъ, кроатовъ (австрійская варіація), хорутанъ и т. д., то этимъ славяне до нѣкоторой степени обязаны народамъ, ставшимъ между ними. Протоіерей Милутиновичъ, по своему обычаю, старался говорить такъ, что сербская рѣчь перемежалась у него съ церковно-сла-

вянскою. Кстати замѣтить, что по рѣчамъ на обѣдѣ присутствовавшіе не могли ни мало ознакомиться съ тѣмъ, на сколько каждый изъ ораторовъ говоритъ и понимаетъ по-русски. Ригеръ сказалъ чисто чешскую рѣчь, хотя онъ нѣсколько говоритъ по-русски. Миличевичъ могъ бы сказать недурную русскую рѣчь, но сказалъ сербскую. Д-ръ Политъ говоритъ такъ хорошо по-русски, что ему немного времени нужно было бы, чтобы по рѣчи не отличаться отъ русскаго, но онъ также сказалъ чисто сербскую рѣчь. Дѣло въ томъ, что въ программѣ было: произнесеніе рѣчей каждымъ на родномъ нарѣчіи, и само собою разумѣется, что это такъ и должно было быть.

Радлинскій, Андрей Андреевичъ. Словакъ и р. католическій священникъ въ с. Кутахъ, въ сѣверной Венгріи. Сталъ первый постоянно писать на словацкомъ нарѣчіи, столь близкомъ къ галицко-русскому, что, переѣзжая чрезъ Карпаты, отъ одного племени къ другому, не чувствуешь перемѣны въ языкѣ. Я помню свою небольную ошибку, когда уже верстъ сто отъѣхавъ за Карпаты, я все представлялъ себѣ, что вокругъ меня русскіе галичане, хотя это уже были чистые словаки, такіе же, какіе живутъ въ окрестностяхъ Пресбурга. Въ этомъ отношеніи— въ дѣлѣ пробужденія словацкаго слова къ жизни литературной— заслуга Радлинскаго, по отзывамъ его соотчичей, весьма велика. Радлинскій получилъ образованіе въ семинаріи въ Вѣнѣ, такъ какъ готовился къ духовному званію. Его дѣятельность началась уже давно. Ему теперь за пятьдесятъ лѣтъ и въ сороковыхъ годахъ онъ уже былъ однимъ изъ извѣстныхъ дѣятелей на родинѣ. Послѣ венгерскаго погрома въ 1849 году онъ редактировалъ газету *Словенски Новины*. Онъ же перевелъ на словацкій языкъ, собраніе законовъ. Въ послѣднее время онъ предпринялъ изданіе въ свѣтъ своихъ проповѣдей, но оно остановилось на первомъ томѣ, по разнымъ, главнымъ образомъ австрійскимъ, причинамъ. Направленіе Радлинскаго, а въ особенности его пристрастіе къ русскому языку, который онъ началъ вводить между своими земляками, оказались достаточными, чтобы наложить запретъ на проповѣди р. католическаго священника, хотя и одобренныя по содержанію римскимъ престоломъ. Оно и точно: Радлинскій не былъ дѣятелемъ, котораго отеческая попечительность австрійскихъ министровъ могла пройти забвеніемъ. Его католическія проповѣди шли въ Россію, произносились въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Я слышалъ отъ Радлинскаго, что онъ еще не отчаявается издать слѣдующіе томы своихъ проповѣдей. Онъ хорошо говоритъ по-русски, да при близости русскаго и словацкаго нарѣчій трудно было бы ему не быть почти русскимъ, по выраженіямъ и акценту. Среди нашихъ гостей не трудно отличить Радлинскаго. Это сѣдой старичекъ небольшаго роста, въ очкахъ, живой, подвижной и словоохотливый, могущій въ пять минутъ передать то, что другой скажетъ въ десять. Радлинскій— сторонникъ успѣховъ рус-

скаго языка между словаками и его «ура» за распространеніе русскаго языка, на обѣдѣ 11-го мая, въ С.-Петербургѣ, вылилось изъ души.

Къ этимъ свѣденіямъ объ А. А. Радлинскомъ добавляемъ еще нѣкоторыя, доставленныя имъ самимъ, преимущественно о его литературныхъ трудахъ. Онъ родился въ Дольнемъ Кубинѣ, въ Венгріи, гдѣ кончилъ гимназическій курсъ наукъ. Окончивъ курсъ университетскихъ наукъ въ Вѣнѣ, онъ получилъ степень доктора философіи въ Пестѣ. Въ 1847 г. онъ началъ издавать (6 лѣтъ спустя по поставленіи въ священство) журналъ для римско-католическаго священства, выходившій 4 раза въ годъ, на словацкомъ языкѣ. Послѣ онъ издавалъ духовную газету *Кириллъ и Меѳодій* и педагогическій листокъ *Пріятель школы и литературы*. Въ 1852 году онъ издалъ упомянутый выше первый томъ русскихъ проповѣдей, съ цѣлью сдѣлать это собраніе средствомъ для обученія соплеменниковъ русскому языку. Всѣ ученые славяне Австріи подписались на это изданіе, но оно подверглось запрещенію. Кромѣ газеты *Кириллъ и Меѳодій*, Радлинскій издаетъ теперь еще два журнала. Нѣкоторые изъ изданій его многотомны: есть одно въ 19 томовъ. Онъ перепечаталъ между прочимъ «Изъясненіе литургіи православной церкви» изъ *Воскреснаго Чтенія*. Радлинскій не только теологъ— онъ вмѣстѣ членъ академіи наукъ и художествъ въ Римѣ. Девизъ его— здѣсь я привожу лишь его собственныя слова,— одинъ литературный языкъ для всѣхъ славянъ, и этотъ языкъ— русскій.

Смоляръ (у нѣмцевъ Schmaler), Иванъ Ивановичъ, сербълужичанинъ изъ Саксоніи, одинъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ единенія славянъ, родился въ 1816 г. въ прусской Лужицѣ, гдѣ отецъ его былъ народнымъ учителемъ. Смоляръ получилъ образованіе сначала въ семинаріи въ Будушинѣ (Бауценѣ), а потомъ въ бреславльскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ богословскій курсъ наукъ и изучалъ, подъ руководствомъ профессора Челаковскаго, славянскіе языки и литературы. Въ 1842 году, вмѣстѣ съ своимъ землякомъ-поэтомъ Сейлеромъ, онъ предпринялъ изданіе первой сербско-лужицкой газеты *Сербскія Новины*, двадцати пятилѣтіе которой полагаетъ онъ отпраздновать въ настоящемъ году, по возвращеніи изъ Россіи: въ 1847 году онъ основалъ общество, подъ именемъ „Матицы сербской", съ цѣлію изданія популярныхъ книгъ и ученаго журнала (*Часописъ матицы сербской*). Затѣмъ, желая содѣйствовать распространенію русскихъ книгъ между западными и южными славянами, онъ открылъ въ Будушинѣ книжный магазинъ, и чтобы установить связь этого магазина съ русскими книгопродавцами, онъ предпринялъ, въ 1859 году, поѣздку въ Россію, въ которой пробылъ цѣлый годъ. По возвращеніи въ Будушинъ, онъ приступилъ къ изданію журнала *Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft*, съ цѣлію взаимно знакомить славянъ съ ихъ замѣчательными литературными или научными произведеніями.

Усиленные труды по редакціи этого журнала вынудили Смоляра войдти по книжной торговлѣ въ товарищество съ книгопродавцемъ, своимъ землякомъ, Пехомъ, и они вмѣстѣ открыли въ Будушинѣ книжную торговлю, подъ фирмою: Buchhandlung von Schmaler und Pech in Bautzen (Sachsen); въ этой книжной торговлѣ можно найдти теперь всѣ русскія западно и южно-славянскія книги, такъ какъ она находится въ прямыхъ сношеніяхъ со всѣми главнѣйшими славянскими книгопродавцами, а также и со многими авторами; для большаго же знакомства съ тѣмъ, чѣмъ обладаетъ въ настоящее время славянская литература, книжная торговля предприняла изданіе *Zentralblatt für slavische Literatur und Bibliographie.* Кромѣ дѣятельности по книжной торговлѣ и изданію вышеупомянутыхъ журналовъ, Смоляромъ исполнено еще очень много другихъ изданій. Такъ въ 1840—1842 г. имъ издано „Собраніе сербско-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ", въ двухъ томахъ въ 4-ю д. л.; напечатаны: „Краткая сербско-лужицкая грамматика", нѣсколько брошюръ филологическаго содержанія, въ томъ числѣ одна, вышедшая только на дняхъ: „О славянскихъ мѣстныхъ названіяхъ верхней Лужицы и объ ихъ значеніи" („Die slavischen Ortsnamen in der Oberlausitz und ihre Bedeutung"); Смоляръ принималъ также дѣятельное участіе въ изданіи сербско-лужицкаго словаря. Полезная дѣятельность Смоляра нашла себѣ одобреніе въ лицѣ монарховъ. Русскій Императоръ, въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, соизволилъ пожаловать ему орденъ св. Анны 2-й ст., а король прусскій, за изданіе сербско-лужицкихъ народныхъ пѣсенъ, золотую медаль.

Медоковичъ, Милорадъ Егоровичъ, сербъ, изъ воеводства, по окончаніи курса наукъ въ 1844 г. отправился въ Черногорію, гдѣ оставался до 1848 года. Въ этомъ году, пріѣхавъ въ Загребъ, принялъ на себя редакцію издающейся въ этомъ городѣ газеты *Славянская заря.* Дѣятельность его, какъ редактора этого журнала, навлекала на него неудовольствіе австрійскихъ властей и онъ принужденъ былъ удалиться въ Бѣлградъ, гдѣ нѣкоторое время завѣдывалъ редакціею литературнаго журнала *Шумадникъ.* Переѣхавъ затѣмъ въ Землинъ, Медоковичъ издалъ здѣсь „Исторію Черногоріи" и предпринялъ изданіе литературнаго журнала *Войводянска*, но австрійцы, подозрѣвая почему-то, что корреспонденты этого журнал русскіе эммиссары—запретили журналъ; самого Медоковича отдали подъ военный судъ. Оправданный судомъ, Медоковичъ поѣхалъ въ Вѣну просить разрѣшенія на изданіе газеты, но дозволенія этого въ министерствѣ получить онъ не могъ, потому что и тамъ подозрѣвали его въ связи съ какими-то русскими эммиссарами въ Турціи! Послѣ уже, генералъ-губернаторъ воеводства Сербіи разрѣшилъ Медоковичу издавать политическую газету, *Южную Пчелу*, которая и выходила сначала въ Темешварѣ, а потомъ въ Новомъ Садѣ, но вскорѣ была запрещена за то, что по случаю принесенія въ Новый Садъ изъ дечанскаго монастыря креста

Душана Сильнаго, царя сербскаго, въ этой газетѣ напечатана была статья, напоминавшая древнія сербскія славныя времена. Съ закрытіемъ этой газеты, Медоковичъ хотѣлъ дополнить свое научное образованіе и просилъ дозволенія посѣтить Германію, но паспорта ему не дали, потому что, какъ ему отвѣчали, въ Австріи есть довольно училищъ для образованія. Въ 1854 году, Медоковичъ, по приглашенію князя Даніила отправился въ Черногорію, гдѣ прожилъ три года, занимая должность секретаря при князѣ. Въ это время онъ объѣхалъ всю страну, изучилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ и результаты своего изученія изложилъ въ книгѣ, изданной въ 1860 г. въ Новомъ Садѣ, подъ заглавіемъ „Животъ и обичаи Царногорца." Въ 1858 году Медоковичъ пріѣхалъ въ Россію и поступилъ было на службу въ Петербургѣ, но суровый климатъ вынудилъ его возвратиться въ Новый Садъ. Здѣсь онъ занимался литературою, нѣкоторое время былъ корреспондентомъ газеты *Nord*.

Изъ Славоніи на нашу московскою этнографическую выставку пріѣхали трое: Вильгаръ, Маяръ и Худецъ. Краткій біографическій очеркъ этихъ трехъ славонскихъ дѣятелей пишутъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* покажетъ, какъ у насъ пока еще мало знали о славянскомъ племени въ борьбѣ его съ италіянскимъ и нѣмецкимъ элементами. »Васъ всего 80,000,» сказалъ какъ-то А. А. Радлинскій священнику Маяру, вѣроятно, подразумѣвая одно изъ австрійскихъ подраздѣленій славонскаго племени.

—»Насъ!— отвѣчалъ Маяръ— если вы говорите о всѣхъ славонцахъ, то насъ 1,500,000, 24,000 нашихъ отошло къ Италіи, въ однѣхъ мѣстностяхъ, уступленныхъ Австріею послѣ прошлогодней войны.»

Замѣтимъ, что уступленная Австріею мѣстность считается чисто-италіянскою по населенію. Что касается всей мѣстности къ сѣверу и востоку отъ Венеціи, съ Тріэстомъ и Лайбахомъ, то едва ли нужно говорить, что большинство населенія ихъ — славяне и большею частію славонцы. Славонцы не знаютъ Тріэста и Лайбаха; это у нихъ Трстъ и Любляна.

Маяръ, Матіа, называемый иногда *Зильскимъ*, отъ долины Зили, въ которой онъ родился, р.-католическій священникъ. Родился въ с. Горичахъ (на Ядерскомъ (Адріатическомъ) поморьѣ), въ 1809 году. Учился вь Цѣловцѣ (Клагенфунтѣ), потомъ въ Градцѣ (Грацѣ) и затѣмъ снова въ Цѣловцѣ. Былъ сдѣланъ въ Цѣловцѣ капеланомъ, но за свои славянскія стремленія переведенъ въ село приходскимъ священникомъ. Приходскимъ священникомъ онъ остается съ тѣхъ поръ въ теченіе 18-ти лѣтъ, постоянно въ одномъ приходѣ, и имя его уже на столько сдѣлалось извѣстнымъ, что довольно адресовать письмо къ Маяру, въ Славонію, чтобы оно дошло до него. Горько жалуется почтенный патеръ и славянскій патріотъ на недостатокъ славянскихъ книгъ въ его околодкѣ, препятствующій ему заниматься славянскою филологіею такъ, какъ онъ бы хотѣлъ.

Гоненія на него начались съ 1848 года. Безъ сомнѣнія, онѣ были вызваны трудомъ, изданнымъ имъ въ 1846 году, подъ заглавіемъ: »Правила, како изображевати илирско нарѣчіе и вопшій славянскій языкъ.» Ему сначала намекали, что его славянскія тенденціи не приведутъ къ добру. Онъ объявилъ, что не можетъ отказаться отъ нихъ. Уже лишенный капелланскаго званія, онъ, проѣзжая чрезъ Бѣлакъ (по нѣмецки «Филлахъ»), узналъ, что тамъ идутъ выборы кандидата отъ славонцевъ во франкфуртскій сеймъ (это было въ 1848 году), Маяръ употребилъ все свое вліяніе, чтобы предотвратить посылку депутата отъ славянской земли на нѣмецкій сеймъ.— «Вы хотите избрать новаго императора германскаго? Какое намъ дѣло до германской имперіи. Если мы, славяне, находимся подъ властію Австріи, то у насъ уже есть императоръ, и мы, не желаемъ новаго императора германскаго, говорилъ онъ.» Что могло быть, казалось, въ большемъ ладу съ стремленіями Австріи удержаться въ германскомъ потокѣ 1848 года, какъ не такая рѣчь славянина, видѣвшаго гибель будущности славянства на адріатическомъ прибрежьи, если славяне дадутъ поглотить себя въ нѣмецкой имперіи, и предпочитавшаго прежніе порядки, потому что новые ничего не оставляли въ будущемъ? Но въ Австріи 1848 года нѣмецкіе патріоты не скрывали своего влеченія къ Германіи. За свои рѣчи противъ посылки депутата во Франкфуртъ, Маяръ едва не былъ посаженъ мѣстными властями въ тюрьму.

Послѣдніе годы своей жизни Маяръ усердно занимался славянскою филологіею, на сколько позволяли ему средства. Онъ написалъ сочиненіе: «О южно-славянскихъ нарѣчіяхъ,» но въ особенности замѣчателенъ и пользуется извѣстностію его трудъ «Узаемни правопись славянска, то е словница али млувница славянска,» изданный въ 1865 году. Это заглавіе даетъ понятіе о содержаніи книги безъ перевода—здѣсь только «млувница—слово не вполнѣ понятное русскому уху; «узаемни» (взаимная)—поймется каждымъ сразу. Вообще славонское нарѣчіе замѣчательно близко къ русскому. Маяръ, Вильхаръ и Худецъ понимаютъ все, что имъ говорятъ порусски, и сами говорятъ такъ, что поймешь все въ ихъ рѣчи. «Чеха и поляка,» говорилъ мнѣ Маяръ, «несравненно труднѣе понять славонцу, чѣмъ русскаго, и кто знаетъ хотя приблизительно отличія славянскихъ нарѣчій, тотъ согласится съ этимъ. Только недостатокъ знакомства съ другими славянскими нарѣчіями и преимущественно съ ихъ народнымъ говоромъ и правописаніе разными азбуками могли заставлять иныхъ думать, что если славянинъ живетъ въ Венгріи или Италіи, то языкъ его долженъ быть труденъ для насъ, и наоборотъ, нашъ языкъ труденъ славянину, далматинцу или лужичанину. Меня не мало позабавилъ взглядъ недовѣрія, брошенный Вильхаромъ и Маяромъ, когда я замѣтилъ, что весь народъ нашъ говоритъ точно

также, какъ славонцы: «али.» Они думали, что въ русскомъ языкѣ есть только литературная форма: «или.»

Общесравнительная славянская грамматика» Маяра, о которой я говорилъ сейчасъ,— трудъ большой и весьма почтенный. Въ немъ довольно основательно проведена параллель между русскимъ и другими славянскими нарѣчіями.

Въ годовщину тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей, Маяръ издалъ брошюру «Света брата Цирил и Методъ, славянска апостола, тысучлѣтни спомѣнъ на лѣто 863.» Это изданіе замѣчательно, какъ одна изъ попытокъ научить славонцевъ писать кириллицею, по сравненію ея съ латинскою азбукою. На одной страницѣ текстъ латинскими буквами, а на другой — тотъ же текстъ безъ малѣйшаго измѣненія—кирилловскими, такъ что можно учиться читать кириллицу по сравненію. У славонцевъ латинская азбука во всеобщемъ употребленіи. Ихъ газеты *Приморникъ*, *Денница*, *Новице*, *Словенецъ*, печатаются латинскимъ шрифтомъ. Недавно начатая изданіемъ газета *Славянскій Гласникъ* Янежича, профессора главной реальной школы въ Цѣловцѣ, печатается также латинскимъ шрифтомъ, но она, по крайней мѣрѣ, печатаетъ часть извѣстій кириллицею, для ознакомленія съ нею читателей. Маяръ уже давно задумалъ составить «Сравнительное описаніе обычаевъ русскихъ и хорутанскихъ.» Еще будучи безвыѣздно въ своемъ приходѣ, онъ успѣлъ ознакомиться съ трудами гг. Сахарова и Снигирева о русскомъ бытѣ и русской старинѣ. Здѣсь онъ также собираетъ матеріалы для своего труда, но относительно будущаго печатанія его онъ поставленъ въ затрудненіе: нѣтъ славонскаго изданія, которое могло бы помѣщать цѣлыя большія статьи кириллицею, а латинскимъ шрифтомъ Маяръ издавать не хочетъ.

Маяръ привезъ съ собою довольно много экземпляровъ своей »Сравнительной славянской грамматикики» для раздачи русскимъ ученымъ учрежденіямъ и училищамъ. Онъ посылаетъ по 5-ти экземпляровъ ея въ каждый русскій университетъ, не мало экземпляровъ роздалъ въ Петербургѣ и 29 экземпляровъ оставилъ въ Москвѣ.

Маяръ довольно высокъ и плотно сложенъ. Онъ уже началъ сѣдѣть. Онъ говоритъ на понятномъ каждому русскому славонскомъ нарѣчіи чрезвычайно ясно, какъ бы отчеканивая каждую фразу. Пріятный, вкрадчивый голосъ придаетъ много его живой, одушевленной рѣчи. Въ его голубыхъ глазахъ видны умъ и проницательность. Онъ носитъ обыкновенную р.-католическую священническую рясу. Какъ борецъ за кириллицу въ Славоніи и за ознакомленіе соотчичей съ Россіею, Маяръ принесетъ много пользы общеславянскому дѣлу, даже забитый въ свой приходъ, гдѣ ему такъ трудно продолжать начатые ученые труды.

(*Продолженіе будетъ*).

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Нашему генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту, Виленскому, Ковенскому, Гродненскому и Минскому генералъ-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губерній и командующему войсками виленскаго военнаго округа, графу Баранову 2-му.

Возложивъ на васъ главное управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ и командованіе войсками въ ономъ, Мы были увѣрены, что и на этомъ новомъ поприщѣ вы явите тоже отличное усердіе и неутомимое рвеніе, которыми постоянно отличалась ваша долговременная служба. Нынѣ, посѣтивъ ввѣренный вамъ край и осмотрѣвъ часть войскъ, находящихся подъ вашимъ командованіемъ, Мы съ истиннымъ удовольствіемъ убѣдились, что вы вполнѣ оправдали Наше къ вамъ довѣріе. Въ ознаменованіе Монаршаго Нашего благоволенія и искренней признательности за вашу полезную дѣятельность, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ знаки Императорскаго ордена Нашего Святаго благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, которые при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*АЛЕКСАНДРЪ*“

Въ Динабургѣ.
14-го іюня 1867 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

о вновь вышедшихъ книгахъ.

1. СВѢДѢНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ въ 1863 г. въ С.-З. Россіи. Сборникъ В. *Ратча.* Цѣна 1-го тома 2 рубля. 1-й отдѣлъ 1-го тома продается у виленскихъ книгопродавцевъ *Феннера*, *Оргельбрандта* и *Завадскаго.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Павла Николаевича *Бѣлова* въ г. Вильну.

2. СЛАВЯНСКІЙ ИМЕНОСЛОВЪ. С. П. Б. 1866 г. Цѣна 1 руб. 75 коп. съ пересылкой, а для книгопродавцевъ по 1 р. 50 коп.—Адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ казанскаго собора, въ квартиру Свящ. *Морошкина* № 6.

3. ВТОРЫЙ ВЫПУСКЪ СБОРНИКА документовъ, уясняющихъ отношеніе латино-польской пропаганды въ Западной Россіи къ православію и русской народности. Цѣна съ пересылкой за 1 экз. 70 коп., отъ 2—10—60 коп., отъ 10—100—50 коп., отъ 100—500—40 коп.

4. ЮСАФАТЪ КУНЦЕВИЧЪ, полоцкій архіепископъ, страшный нѣкогда гонитель православныхъ въ Бѣлоруссіи. Цѣна съ пересылкой отъ 1—5 экз. по 40 к., отъ 5—25 экз. по 30 коп., отъ 25—50 экз. по 25 к., отъ 50—100 экз. по 20 коп.

...ДЕРЖАНІЕ 4-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 1867 ГОДЪ.

Содержаніе 4-ой кн. „Вѣстника Западной Рос
за 1867 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.